

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

5

2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 12 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.05.2024
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, А.А. Осеев,
В.Н. Петров, Н.Л. Полякова,
А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников,
Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кравченко А.И. Социальный топос «долги» 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ардашев Р.Г. Обыденность насилия в образовательных учреждениях 22

Бавев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия 31

Ван Юаньсин. Особенности ухода за пожилыми в сельской местности на фоне быстрой урбанизации в Китае 39

Гридина В.В. Выявление общественного мнения о развитии технологий генной инженерии: на примере населения г. Самары 52

Кузнецова Е.А. Ценностно-рефлексивное восприятие виртуальной социализации молодежи 58

Сун Сюянь. Зависимость между демографическими процессами и социально-экономическими явлениями 66

Тринадцатко А.А. Цифровая грамотность, цифровое неравенство и цифровая адаптация инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции 74

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Погребной Д.Н., Бычков П.И., Дорофеев Д.В. Влияние индивидуальных особенностей субъектов управления на институциональные условия системы социального управления 85

Лебедев Г.И. Разработка инструментов оценки кадрового состава в органах исполнительной власти 91

Марков А.А. Взаимосвязь концепта «культура-цивилизация» в аспекте феномена социального кризиса в работе О. Шпенглера «Закат Европы» 97

Смирнов А.П. Концептуальные основания развития социальной сферы в структуре управления Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии) 104

Асташев Р.В., Швандерова А.Р. Приоритетные и взаимосвязанные направления организации управления в органах публичной власти (по результатам социологического опроса Ростовского областного суда) 110

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Абоимова И.С., Лутошкина В.Н., Кривенцева С.М., Троицкая Е.М., Демидова Т.Е. Роль и значение социального взаимодействия для гармоничного развития личности 117

Даниелян М.Г. Ментальность и билингвизм 125

Зайцева И.А. Цифровая грамотность пожилого населения и государственная политика активного долголетия: социальный аспект 132

Зув Д.А., Шаяхметов А.Р., Маликов М.М., Зарафутдинов Р.Д., Бариев Э.В. Отражение результатов эксперимента С. Москвича о влиянии меньшинства в кинематографе 141

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Самохвалов А.И. Влияние философии религиозного экзистенциализма Мигеля де Унамуно на политическое мировоззрение Испании 1920–1940-х гг. 147

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ**

Романовский Г.А. Трансформация способов трансляции культуры в условиях применения технологий искусственного интеллекта: социально-философский анализ 157

Сидоров А.И. Метафизические течения и их роль в трансформации культурологических интерпретаций дуализма света и тьмы: онтологический и эпистемологический аспекты 162

Стычинский М.С. Социально–философский анализ влияния культурологических факторов на патриотические настроения в российском обществе 2000–2023 гг. 167

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бакин С.А. Структура научной рациональности в историко-философской реконструкции 172

Печаткин А.С., Литяйкина О.Г., Никишова Н.В. Возможности применения модели оценки социального доверия социально-политической системы КНР в развитии экологической составляющей образовательного процесса 180

Нанда М., Михайлова М.В. Справедливость в социальных отношениях с позиции религиозных представлений буддизма 189

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абдулхаиров А.З., Аблязов Э.К., Бекиров Н.В., Вейсова В.Э., Умерова С.Д. Становление проекта Крымской демократической республики 1917-го года. Политические, культурные и социально-этические факторы 196

Маслодудова Н.В. Досуговые практики онлайн пространства молодежи 207

Социальный топос «долги»

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора
журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Что такое топос? У него множество значений. Понятие топоса было введено Протагором и развито Аристотелем в «Топике» и «Риторике». От др.-греч. τόπος – букв. «место», перен. «тема», «аргумент». У каждой науки есть свое пространство. Формируясь на перекрестке двух систем мировидения, социология выработала собственный взгляд на вещи. Социальное пространство – место, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы. Социальный топос описывает не исключительное и уникальное, а типичное и наиболее распространенное в этом пространстве. К ним, в частности, относятся такие явления, как влезать в долги, возвращать долги, платить по долгам, жить в долг у будущих поколений, быть в долгу у будущих поколений, посадить за долги, наказать за долги, простить долг, взимать долги, взять в долг ненадолго, по велению долга, руководствоваться чувством долга, долг перед детьми, семьей и родиной, жить в кредит. В социологии топос следует употреблять в двух значениях – онтологическом и гносеологическом. В первом случае топос является местом концентрации людей или идей. Говорят о топографии города и очереди как топосе, общих местах в разговорной речи. В гносеологическом смысле топос может выполнять функцию познавательного инструмента, применение и использование которого способно приоткрыть новые горизонты и возможности социальной науки.

Ключевые слова: топос, феноменология денежного долга, долговое рабство, от зарплаты до зарплаты, кредит, безденежье, безработица, социальная практика.

Долг представляет собой форму наполнения пустоты, например, заполнения деньгами дыры в вашем бюджете. Или на дворе дождь, вам нечем прикнуться и вы одалживаете у кого-то зонтик, плащ, пальто. **Формула долга** – взять, чтобы вернуть после временного пользования. Давать взаймы – давать в долг с последующей отдачей, одалживать, занимать, ссужать с условием вернуть через некоторое время. Долг – краткое существительное от всего должного, обязательного, вынужденного, отплатного и т.п. Он не только финансовая, но также, а то и прежде всего, социальное, юридическое, психологическое и нравственное понятие. Права и обязанности, составляющие содержание социального статуса, включают не только свободу, но и необходимость действовать в соответствии с нормами общества.

Вернув одалженное, вы будете какое-то время помнить о чужой доброте, если, конечно, долг не ввергает вас в новые долги. Память об оказанной вам услуге назовем морально-психологическим **следом долга**. Он бывает как позитивным, так и негативным. Подчиненные, убажующие начальника своими услугами и речами, улыбками и делами, делают того обязанным отплатить им той же монетой: грамотой, повышением оклада и должности. Строптивные подчиненные нарываются на негативные санкции, которые можно рассматривать как возвращение долга.

Долженствование – необходимость, вытекающая из нравственного закона – может быть только позитивным и означает совсем иной долг, морально-этический. В философии оно подразумевает свободу как осознанную необходимость и проистекает не от материально-финансовых отношений, а из чего-то трансцендентного (абсолютно высшего) и даже трансцендентального (божественного). Бог наделил человека свободой, но предписал с необходимостью следовать его заповедям. И. Кант понимал мораль как некий императив, как

законы долженствования. Если долженствование безусловно, то долги условны и обусловлены.

Долг формирует особую систему отношений между людьми, институтами, поколениями и целыми обществами. Есть страны-должники, люди-должники, младшее поколение всегда в долгу перед старшим, учреждения, кредитующие и взимающие долги, специальные законы и постановления, регулирующие легитимные отношения между членами общества по поводу долга.

В долг берут и его отдают добровольно. Мы одалживаем деньги только знакомым людям без всякого принуждения, а банки одалживают вам деньги по предоставлению им документов и с гарантией государства, что долги взыщут, а если нужно, то виновного накажут, например, посадив его в долговую яму или описав имущество. Недобровольно вы получаете деньги с другого лица через ограбление или мошенничество. Здесь возвращать деньги не надо, и потому долгом не называется.

Долги наследуются. Человек умирает, а дела рук его бессмертны. Нельзя принять в наследство квартиру, а от кредита отказаться. Долги делал ты, а отдавать их придется твоим детям. Для них сама жизнь может превратиться в долговую яму или долговое рабство. Долг – это любое неисполненное денежное обязательство (рис. 1).

Рис. 1. Твои года – твоё богатство. Твои долги – твои грехи

Долги как грехи – первые возвращают, вторые исправляют. Невозвратные

долги подобны не отмоленным грехам. В долг занимают, долги возвращают, долги выбивают, из-за долгов кончают жизнь самоубийством и разоряются, попадают в зависимость и долговую яму, за долги преследуют. Долг – это денежные средства или другие активы, которые кредитор передаёт заёмщику (дебитору) с условием их возврата в будущем и выплаты вознаграждения. Банк даёт вам деньги в долг с обещанием от вас вернуть их, но и сам он берет у вас деньги в долг, когда вы их туда отдаете под проценты. Обе стороны – должники друг друга.

Банкам не выгодно, чтобы заёмщик платил кредит исправно, быстро и без штрафов. Ведь проценты по кредитам со временем растут – это их прибыль. Так зачем её терять? Поэтому банки всё охотнее отдают предпочтение заёмщику с негативной кредитной историей. Проценты растут – психологический дискомфорт и зависимость от банка у заемщика увеличиваются. Процент по таким долгам, как правило, очень велик. Известны случаи, когда должник исправно выплачивал 25% ежемесячно, отдавая весь доход семьи ростовщику, а это 300% годовых. Даже 10% в месяц составят 120% в год. В средневековье на процентах была вскормлена кровожадная прослойка ростовщиков.

Во времена купеческой Руси, существовал обычай, писать имена должников мелом на специальных дощечках. Если должник тянул дольше, чем хватало терпения, ему угрожали «в порошок сотру», и он знал, что сотрут его имя – мел превратится в пыль, а он предается на суд божий – боялись этого ведомства больше, чем человеческого. Да и человеческие отношения с партнером по сделке в этом случае тоже прекратятся. А земля, как известно, слухом полнится, и потеря имени, как правило, означала крах всего купеческого предприятия для того, кто не умел держать собственного слова.

Существуют долги денежные и карточные. Быть в долгах стало сегодня для многих чем-то само собой разумеющимся. У трех из четырех домашних хозяйств

в Германии есть потребительские долги. Мебель, автомобиль, отпуск, музыкальный центр, телевизор, стиральная машина являются несколькими классическими причинами для создания таких долгов. При покупке дома ипотека выставляется против его стоимости. Ипотека со временем приобретает форму долга перед кредитовавшим тебя банком.

Старость – это, прежде всего, выход на пенсию, уход от активной трудовой деятельности, состояния экономической незанятости. Каждый человек, занятый на производстве, ежегодно, год от года создает значительно больше, чем потребляет. Излишки идут на удовлетворение разного рода общественных и социальных нужд. Чем больше человек работает и чем выше его профессиональная подготовленность, тем значительнее объем произведенной им продукции превосходит личное потребление. Каждый работающий человек с первой минуты трудовой деятельности начинает возвращать свой долг за годы допроизводительного возраста (от 0 до 17 лет). Время выплаты этого долга тем короче, чем выше у тебя профессиональная квалификация и деловая разворотливость. Уже в возрасте 30–35 лет человек, занятый трудовой деятельностью, возвращает обществу все средства, затраченные на его воспитание и обучение, а в течение последующих 20–30 лет создает «излишки», часть которых общество возвращает ему в виде пенсии и социальных льгот. Как правило, пенсионеры не могут потребить в полном объеме созданные ими за жизнь блага для общества, поскольку здоровье не позволяет слишком долго пользоваться заслуженным счастьем. Теперь уже родина перед ними как бы в долгу. Так и живем мы, взаимно одалживаясь.

Ребенок привык больше брать, чем отдавать. Взрослея, он долго отучался от эгоизма. Много лет требуется на то, чтобы одна установка сменилась другой: учиться брать – научиться отдавать. Однажды научившись больше отдавать, пожилой человек, вышедший на пенсию, отстраненный от всех прежних дел, начинает испытывать резкий диссонанс.

По инерции он хочет больше отдавать, чем брать, но возможности не имеет. Социологи в один голос заявляют о том, что основная социальная потребность стариков, пока у них есть силы, заботиться о ком-то, опекать кого-то. Одиночество возникает, когда их лишают возможности реализовать потребность заботиться о ком-то.

Взрослый больше отдает, чем получает. Он воспитывает детей, занимается профессиональным трудом, ведет домашнее хозяйство, заботится о стариках. Таковы основные социальные роли. Кроме них, взрослый служит обществу, участвует в государственных делах и т.п. Он просто перегружен ролями и функциями. Дети и старики только помогают ему по мере сил.

Американцы живут в долг, покупают в кредит недвижимость и всю жизнь выплачивают. Невозвращенные долги приводят к мировым финансовым кризисам, как это случилось в 2008 г. Долги напоминают о себе в форме счетов, уведомлений, растущих выплат по кредиту. Если вы берете кредиты, чтобы уже сегодня жить как состоятельный человек, вы завтра становитесь заложником чужих людей. Тот, кто берет кредиты, покупает сегодня то, что он хочет оплачивать будущими зарплатами.

В результате формируется потенциальная психология неудачника, ведь удачники не живут в долг. Снижается уверенность в себе. Вместе с тем мы лишаемся мотивации к труду, так как уже сегодня вознаградили себя за будущую работу. Многие годы нам придется трудиться не ради самого себя, а ради банка или кредитора. Вы оплачиваете чужое благополучие, а не свое собственное. Мы берем чужие деньги, а отдаем свои. Банкиры очень нервничают, если мы своевременно не платим взносы по кредиту.

Государство тоже не мешкает: долги за электричество или воду могут привести к ограничению режима потребления, долги за квартиру – повод нагрянуть к вам приставам. За неуплату жилищно-коммунальных платежей выписывают только из муниципального

жилья. Из приватизированной квартиры за долги выселить человека не могут. Процедура принудительного выселения вследствие неуплаты за жилое помещение и коммунальные услуги предусмотрена ЖК РФ. Оно производится только в судебном порядке.

Мы переживаем потому, что приходится делать вычеты из семейного бюджета, ужиматься в потреблении, бояться безработицы, банкротства, выселения. У нас появилась потребность приобрести холодильник, но денег нет. Мы испытываем неудовольствие, так как насущная потребность не удовлетворена. Занимаем деньги, покупаем холодильник, получаем удовольствие. Через некоторое время надо отдавать долги. А вот эта операция доставляет нам неудовольствие. «Все знают, что длительная боль от того, что мы увязли в долгах, гораздо сильнее, чем относительно малая боль одномоментного отказа. Какое мудрое знание! Только, к сожалению, за последние 4000 лет оно так и не привело к уменьшению потребительских долгов. Долги возникают отнюдь не на основе разума» [10].

Одалживающий и должник переживают двоякого рода психологические переживания. Если это равные по социальному статусу персоны, то первый испытывает: а) радость от мысли, что выручает другого человека в трудную минуту, б) огорчение при мысли, а вдруг он не вернет или задержит выплату, тогда мне самому придется трудно. Второй: а) вначале испытывает чувство облегчения от решения своей проблемы и благодарность дающему, в) а затем горечь из-за того, что придется выплачивать, хотя у самого всегда денег в обрез. Если заимодавец богатый, то в долг он даст скорее под проценты либо с надеждой получить от того неравноценно высокую услугу. Если выручает беспроцентно, то испытывает моральное удовлетворение от того, что совершил богоугодное деяние. Риск не получить отдачу, конечно же, огорчает, но от того все равно не обеднеет. Берущий в долг видит в богаче своего классового врага, которого разорять на деньги – его

священный долг. Огорчает лишь страх возмездия, возможностей для которого у богача немало.

«Не выплатите долг своей подруге – засадим вас за решётку. Вашего ребенка отправим в детдом, который мы рассмотрели поближе к тюрьме. Кто беспокоит? Агентство по выбиванию долгов». Невозвращенные банкам долги породили полукриминальный институт коллекторов-вышибал, которые сеют страх и массовую агонию.

В своей книге, посвященной историко-культурному феномену долга [7], Канадская писательница Маргарет Этвуд задается вопросом: является ли долг плодом нашей жадности или результатом нужды? Ей удалось неожиданно выяснить, что долг и грех – понятия очень близкие. В арамейском языке они и вовсе выражались одним и тем же словом. Отсюда молитва «Отче наш» в православии звучит как «И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим», а в англиканской церкви место слова «долг» в молитве занимает «прегрешения». В литературе XIX века тема невозвращенных долгов стала одной из ключевой. По статистике, значительная часть населения США и Канады живет в кредит, т.е. в долг, который никогда не будет возвращен. Сами США живут в долг, а деньги им ссужают практически все страны планеты. Америка живет не по средствам, одалживая у всего мира деньги на своё процветание и высокий уровень жизни. Долг из экономической категории превращается в социально-политическую и морально-нравственную. Истребляя полезные ископаемые планеты, загрязняя окружающую среду, расширяя промышленное производство, нынешнее поколение живет в долг у будущего. Долг и грех – почти синонимы. И неясно, что хуже: быть должником или кредитором. Разнообразие средств взыскания долгов в истории – от создания долговых тюрем до расправ с кредиторами – расплата за наши грехи.

Долговое рабство – древнейшая форма экономической зависимости одного лица от другого, сохранившаяся до на-

ших дней. Древним египтянам, не способным расплатиться с долгами, приходилось отдавать в рабство кого-нибудь из родственников. Хаммурапи несколько раз отменял все накопившиеся в стране долги, ограничил долговое рабство тремя годами, но справиться с проблемой долгов ему так и не удалось. Стены древнего Вавилона высотой 50 метров и длиной 18 км возведены рабами, 2/3 которых состояли из собственных граждан, попавших на этот каторжный труд за долги. В V в. до н.э. в Древнем Риме процветало долговое рабство. По истечении срока займа должнику предоставлялся один месяц льготы; если долг не уплачивался, суд отдавал должника кредитору и последний держал его у себя дома в оковах в течение 60 дней. За время заключения кредитор три раза мог выводить своего должника на рынок и объявлять сумму долга. Если никто не выражал желания выкупить его, он превращался в раба. Законы двенадцати таблиц давали отцу право продавать в рабство своих детей. Когда отец продавал своих детей в рабство, он продавал их навсегда, без права истребования (рис. 2).

Рис. 2. Древним египтянам, не способным расплатиться с долгами, приходилось отдавать в рабство кого-нибудь из родственников

Сегодня долговое рабство стало образом жизни для десятков миллионов американских семей. За последние несколько десятилетий большинство американцев заняты тем, что либо со-

бираются влезть в еще большие долги, либо погашать долги, накопленные в прошлом. Невероятно, но 43% всех американских семей тратят больше, чем они зарабатывают за год. В то время как доходы населения продолжают снижаться, задолженность домашних хозяйств продолжает расти. В буквальном смысле про них можно сказать – «быть в неоплатном долгу», т.е. в долгу, который невозможно оплатить. Кредиторская задолженность, она же долговое рабство.

Социальный топос «долги» охватывает все слои общества – богатых и бедных, зажиточных и незажиточных. Категории неплательщиков делятся на: 1) забывчивые, 2) несостоятельные, 3) намеренные (злостные) неплательщики (граждане, которые далеко не бедствуют, имеют вполне приличный и стабильный доход). Люди, которые берут кредит, как правило, не имеют свободных средств или накоплений. Процент по таким долгам, как правило, очень велик. Известны случаи, когда должник исправно выплачивал 25% ежемесячно, отдавая весь доход семьи ростовщичу, а это 300% годовых. Даже 10% в месяц составят 120% в год. В средневековье на процентах была вскормлена кровожадная прослойка ростовщиков. К долгам прибегают все профессии – от учителя и булочника до программиста и банкира. Государство создало мощную экономическую инфраструктуру, обслуживающую долги. Ежедневно занимают и отдают в нашей стране миллионы граждан, в мире – сотни миллионов. Это особое социальное поле, в котором сталкиваются противоборствующие интересы, взаимодействуют люди различных национальностей, вероисповедания, политических взглядов и культурного уровня. Внутри этого поля возникают и решаются конфликтные ситуации, переживают разрушительные стрессы и кончают жизнь самоубийством или убийством, расстраиваются, радуются, ожидают и разочаровываются бесчисленные мириады людей. Экономический оборот превышает бюджеты крупнейших держав мира. Люди то и дело изобретают новые и новые формы, практики, техно-

логии нарушения закона или обещания, удержания или возврата долгов, манипулирования сознанием и поведением.

Долг – понятие не только финансовое. Беречь природу, защищать родину, помогать престарелым родителям – это социально-нравственное явление. Моральный долг человек испытывает не только к нуждающимся и немощным – сиротам, болящим, инвалидам, престарелым, – но также к обычным людям. В любой культуре мы обнаружим родительский и сыновний долг. Быть в неоплатном долгу – это уже метафора, выражающая долг, который нельзя оплатить деньгами. Вашего ребёнка спас из пожара незнакомый прохожий, и теперь вы перед ним в неоплатном долгу. В неоплатном долгу дети перед родителями, которые отдали им все, что у них есть как самым дорогим существам на свете. Вернуть же долг повзрослевшие дети не всегда способны, зато все же они отдают своим детям, которые в свою очередь не смогут никогда расплатиться с теми, кто кому они «должны». Долги бывают такими, которых ты вроде и не делал, а расплачиваться по ним все-таки приходится.

А вот наличие чрезмерных долгов по сравнению с реальными доходами, невозможность расплатиться с денежными долгами, вопреки распространенному мнению, нельзя называть неоплатыми долгами. Это скорее неоплаченные, невыплаченные либо невозвращенные долги.

Существует профессиональный долг, выражающий себя, в том числе в клятве Гиппократова. Приветствуется и поощряется государством патриотический долг, который выражается в заботе о своей родине, о ее процветании. Нравственный долг – перед Богом, родителями и старшим поколением, родиной, супружеский долг, долг родителей перед детьми – один из древних топосов мировой литературы. Если кто-то решил для себя, что он ничего не должен этой стране, но всего добился сам, легко становится эмигрантом, беженцем, предателем (рис. 3).

Рис. 3. Место, где потомки отдают свои долги предкам

Первым понятие долга (должного) ввёл Демокрит. Оно отражено в этике Канта, согласно которому долг – это необходимость поступка из уважения к нравственному закону. Долг позволяет индивиду быть нравственным. Вот почему понятие долга – одно их ключевых в этике. Долг тесно связан со свободой и ответственностью. Долг – это осознание человеком необходимости исполнения моральных норм, которые соответствуют культурным идеалам. Деонтология (от греч. δέον, родительный падеж δέοντος – долг, обязанность и λόγος – слово, учение) – этика долга и должного, в переводе с древнегреческого означает «учение о должном». То есть это этические нормы, которые должны соблюдаться при выполнении какой-либо деятельности. В современной философии деонтология обычно трактуется как этика долга, отличная от этики добра, или аксиологии.

Если денежный долг – это внешне навязываемое договором возвращение взятой суммы, то моральный долг – внутренне принимаемое (добровольное) обязательство индивида перед собой и другими людьми. В моральном долге внешние нормы превращаются в личное убеждение. Через осознание своего долга индивид добровольно принимает на себя ряд обязательств по отношению к себе и другим. Поэтому моральный долг иногда называют моральными обязанностями.

Добродетельный юноша не лжет не потому, что боится наказания, а по-

тому что убежден: говорить правду – его долг как интеллигента или воспитанного человека. Он вернет денежный долг так же не по принуждению, как большинство других людей, а по внутренним убеждениям. Вряд ли у банка возникнут проблемы с таким заёмщиком. Но вряд ли он вообще обратится в банк, рассчитывая только на свои возможности и умеренные потребности. Возможно, что невозвращенные долги – это лакмусовая бумага, отделяющая жадных от неразумных от скромных и умных. Впрочем, это всего лишь гипотеза.

К моральным обязанностям человека относится бескорыстная помощь другим людям, когда они в этом нуждаются. Социальным проявлением такого долга и его распространением в обществе служат различные виды благотворительности и филантропии, волонтерские движения, соседская помощь. Согласно М. Веберу, отдавать денежные долги – это проявление целе-рационального поведения. Исполнять свой моральный долг – это уже совершенно другой, ценностно-рациональный, тип поведения.

Для одних помогать нуждающимся необходимо из традиции милосердия, для других – это внутренний моральный долг, показатель твоей нравственности, для третьих милостыня – способ перераспределения богатства от более к менее удачливым членам общества. Четвертые считают, что подавать нищим – плодить праздный класс, ибо они таким способом зарабатывают больше, чем бедные или зажиточные, пятые убеждены, что подавать надо не рыбку, а удочку, шестые утверждают, что подавать милостыню неэффективно, надо строить для них приюты и рабочие места, а кто-то полагает, что нищим надо помогать для того, чтобы не доводить их до отчаяния, сохраняя стабильность общества.

Общий топос здесь – нищелюбие. Частные топосы – различные его трактовки, которые, в свою очередь, если к ним приглядеться, не такие уж оригинальные мысли. Они – тоже речевые клише и общие места, пусть и менее распространенные. Таким способом вокруг

центрального топоса (топа) постепенно выстраивается система периферийных топосов, ответвляющихся от центрального ствола в разные стороны. Одни топосы уводит в сферу экономики, другой – социальной защиты, третий – культуры и т.д.

Другое название для топоса – социальная практика. Социальные практики понимают как распространенные обычаи, только не праздничные или календарные, а стихийно созданные людьми для решения проблемы или преодоления препятствия. Таковы бытовые практики делать заанчку, доставать товар с черного входа, давать взятку. Одалживать деньги, плакать при расставании, радоваться при встрече, обниматься и здороваться, закрывать платочком при чиханье и т.п. – это все социальные практики. В список социальных (культурных) практик можно включить такие общепринятые действия и обычаи, которые мы не подозреваем: соблазн, инициация, знакомство, опоздание, куртуазность, оповещение, оплакивание, умывание, завтрак, дуэль, потлач, совращение, лжесвидетельство, изобличение, расследование, сватовство, говорение/речение, экскурсия, теле-шоу, унижение/опущение, великосветская тусовка, художественный перформанс, выставочная деятельность, молчание/уединение, обет, причащение, пост, говение, пользование компьютером, эвтаназия, протезирование, мумификация, целительство, шабаш, сожжение ведьм, гадания, оккультизм, вакцинация, вождение автомобиля, командировка, туризм, занятия в фитнес-центре, просьба/мольба, усыновление, принятие родов, экзамены и многое другое.

Социальной практикой будем называть существующую исторически длительное время последовательность действий, осуществляемую большой социальной группой (одной или несколькими) в качестве группового (национального, этнического) обычая ради удовлетворения какой-то важной для этой группы или общности потребности – прежде всего потребности в деньгах, которых не хватает и которые берут в долг. В формате такой практики задействованы две

главные группы – кредиторы и должники. Их миллионы миллионов, а потому они получили статус больших социальных групп. Осуществляемые ими социальные действия со временем сформировали нечто вроде *субкультуры* с особыми традициями, нормами поведения, поговорами, привычками, уговорами и отговорками, наказаниями и т.п.

Народные пословицы и поговорки включили топос «долг» в социальную летопись страны. Если у тебя долги, то жить придется долго – у долга век долг. Живите долго, в долг берите много. В долг берешь чужое, а отдаешь свое. Так вот чужой с тебя не слезет, пока ты ему не вернешь его своё. Долги помнит не тот, кто берет, а кто дает. Долг платежом красен. Если бы не отдавал, то век на диване пролежал. Но долг трудиться велит. Долг не велик, да лежать не велит. Долг заплатил, так гора с плеч – хоть в новый себя запречь. В гости к долгу лучше ненадолго. А в долги залезают те рыбаки, у кого нет удочки и рыбку ловить не умеет – он ее в магазине покупает, а рыбачит для видимости. Долги выказывают нашу беспомощность, неумелость, лень и безволие. Именно такая рыба лезет в сети ростовщиков и мошенников.

Жизнь в долг – это озабоченное существование. Практически – пограничное существование, т.е. пребывание в модусе экзистенциальности. Постоянная озабоченность ведет к постоянным жалобам, раздражению, нервозности, особенно если оно касается жизненно важных ценностей, в частности, пропитания детей и самого себя, своего внешнего вида, отсутствия денег, жилища. Некоторые от жира бесятся и бесятся по пустякам. У кого-то суп постный, а кого и бисер мелкий. Ты завидуешь тем, кто способен жить без долгов, ненавидишь богатых, одалживающих и исподтишка грабящих бедных, но не всегда благодарен одалживающим тебе. Почему? Да потому что по умолчанию они демонстрируют свое социальное превосходство над тобой.

Озабоченность – одно, а заботливость – другое. Первое о себе, второе

о других. Когда ты заботаешься о ком-то, это доставляет тебе такую же радость, будто ты одалживаешь ему деньги. А что он чувствует? Может быть, зависимость от тебя, тревогу, что он несамостоятельный, беспомощный, что придется возвращать долг? Задолго до долга я жил счастливо и долго, а после долга осталось жить недолго.

В домашнем хозяйстве наблюдается строгое разделение труда: мужчина является основным добытчиком средств существования и занят весь день на производстве, домашние обязанности возлагаются на женщину. Папа зарабатывает, а мама тратит. То и другое – нелегкие заботы, особенно если в обществе отмечается безработица (ограниченное приложение своего труда на рынке), а денег в бюджете не хватает на все запланированные покупки. Приходится крутиться, экономить на главном, жить от зарплаты до зарплаты, а то и вовсе в долг. Если в семейный бюджет деньги не текут рекой, а папа – не миллионер, то планировать приходится каждую покупку, а маме – еще и трудиться на производстве. Семьи с двумя кормильцами – самый распространенный во всем мире тип домохозяйств.

Жить от зарплаты до зарплаты, от пенсии до пенсии, означает, что иногда приходится брать деньги в долг, занимать на самое насущное. Другое дело, когда на него хватает, но хочется что-то еще – дорогой холодильник или новый автомобиль. Тогда на помощь приходит кредит. Это уже одалживаться не у соседей или родственников, а у государства. В США все население закредитовано, да и в нашей стране таких немало. Не смог рассчитаться с долгами, объявляй себя банкротом. Личное банкротство поможет решить текущие проблемы, но закроет путь в будущее: больше тебе кредитов ни один банк не даст. «Покупка вещи в кредит расширяет возможности потребительской свободы, однако вещь, приобретенная в долг, человеку полностью не принадлежит» [3].

Атрибуты зажиточного образа жизни – сбережения, инвестиции, эксплуатация накопленного имущества – несбы-

точная мечта бедняков. Всего 7,1% бедных имеют хоть какие-то сбережения (в отличие от четверти населения в целом и 80,9% богатых). Бедным присущи другие накопления – растущие долги: треть бедных (38,7%), или в 2 раза больше, чем по населению в целом, для поддержания уровня жизни вынуждена регулярно делать мелкие долги. Кроме того, у четверти бедных постоянные долги по квартплате. В благополучных группах населения жизнь в долг не приобретает таких масштабов, как у бедных [6]. Семей, где денег на жизнь хватает, но для покупки дорогих товаров приходится прибегать к кредиту или брать в долг, у нас в стране 21%. В середине 1990-х гг. до трети россиян были вынуждены экономить даже на таких продуктах питания, как молоко, мясо, рыба, фрукты [2].

От зарплаты до зарплаты – это выражение, описывающее человека, который не может выполнять финансовые обязательства, если не работает. В основном он тратит зарплату на расходы. У него нет достаточных сбережений, чтобы пережить трудные времена. Людей, живущих от зарплаты до зарплаты, иногда называют **работающими бедняками**. Жить от зарплаты до зарплаты можно в любом социальном классе и при всех уровнях дохода. Работающие бедняки часто получают низкую заработную плату с ограниченными навыками, но могут включать людей с учеными степенями и навыками. Если стоимость жизни в стране растет быстрее вашей зарплаты, вы – в зоне риска. Лица с высокооплачиваемой работой, принадлежащие к верхнему среднему и среднему классу, также могут оказаться в аналогичной ситуации, если их расходы равны либо превышают доходы.

Вот эмпирические критерии жизни «от зарплаты до зарплаты» («Living paycheck to paycheck»).

- Если вы не смогли оплатить аренду/счета/купить еду, если у вас нет следующей зарплаты, вы живете от зарплаты до зарплаты.
- Если одна пропущенная зарплата вызывает серьезные финансовые проблемы (например, вы не можете ку-

пить еду или оплатить счета, не влезая в долги), вы живете от зарплаты до зарплаты.

- Лично я думаю, что жизнь от зарплаты до зарплаты означает, что вы должны отложить счет или купить предметы первой необходимости (еду) до полочки.
- Если деньги, которые вы получите из своей зарплаты сегодня, уже были потрачены вчера, вы живете от зарплаты до зарплаты.
- Если вы смотрите на свой расчетный счет и на нем положительный баланс, но вы знаете, что он уже потрачен, вы живете от зарплаты до зарплаты [14].

Жизнь от зарплаты до зарплаты для одних означает удовлетворение жизненно необходимых потребностей, у других она включает услуги и предметы, основанные на привычках и образе жизни. Жизнь в этом диапазоне в США означает одно, в России – другое. Соответственно и проценты разные. Данные различаются, поскольку опросы проводят разные фирмы. CareerBuilder обнаружил, что в 2019 г. 78% рабочих в США живут от зарплаты до зарплаты. Опрос показал, что 32% из почти 3500 опрошенных штатных работников используют бюджет и только 56% откладывают 100 долларов или меньше в месяц. В первом квартале 2021 г. 56% американцев сообщили, что живут от зарплаты до зарплаты. После пандемии COVID-19 63% американцев жили от зарплаты до зарплаты [13]. В 2022 г. в этой зоне дискомфорта находились 61% жителей США. Уменьшение численности объясняется наживанием американской экономики пустыми бумажками на сумму более 4 триллионов ничем не поддержанных ничем долларов. Расцвела безумная коррупция – только Big Farm заработала триллионы долларов на вакцинации без гарантий на исцеление. Согласно исследованию индекса современного благосостояния Чарльза Шваба, в 2019 г. 59% взрослых в США жили от зарплаты до зарплаты. По данным Forbes, 78% работающих американцев живут от зарплаты до зарплаты. Investopedia утверждает, что 25% американских семей, зарабо-

тывающих 150 тыс. долл. и более в год, живут от зарплаты до зарплаты. А «потеря дохода» служит главной причиной снижения кредитного рейтинга. Иными словами, меньше зарабатываешь, меньше кредитов получаешь.

Урожай можно сравнить с получкой, урожайный период – зиму и весну – с межзарплатным временем. Первый – полуголодный, второй безденежный, который длится меньше, но в городе ощущается жестче. Почему? Потому что у крестьян на селе есть продовольственные запасы до нового урожая, а у городских трудяг – не всегда. Вот и живут труженики-горожане от зарплаты до зарплаты, если на сберкнижке или карточке ничего не откладывали. У крестьян запасы в подполе, погребе, амбаре и сарае, у горожан – в банке, под подушкой, в записочке.

Чтобы продержаться до зарплаты, нынешние горожане делают закладки, записки, сбережения, секреты, припрятывания на черный день, нычку, начку, резерв, схрон, притайку, обначку, схоронку, запас, накопления, отложения, заготовленные, арсенал, житницу, заготовки, припасы, склады, клады, ресурсы, фонды, лежку и т.д. Деньги под матрасом сегодня прячут лишь 7% россиян, 62% используют для этого специальные тайники. 26% прячут деньги в ящике стола, комода или тумбочки, 25% – среди одежды, 20% – в книгах, 10% – на антресолях, 6% – на кухне среди припасов и даже в сливном бачке унитаза (1%). К такому выводу пришли социологи Romir Monitoring, опросив жителей 107 населенных пунктов России. При этом многие забывали, куда прятали, у других ловко изымали воры, которые тоже знают, куда прячет. Если верить опросу Romir Monitoring, 69% россиян теряли деньги тем или иным образом. Причем у 40% из них деньги были украдены. 41% пострадавших признают, что лишились денег по собственной вине: из них 6% просто забыли, куда спрятали записочку, а еще 19% не смогли восстановить испорченные купюры (например, забыли их в кармане одежды и постирали в стиральной машинке или испортили другим

способом), 40% россиян из числа тех, кто хоть раз терял деньги, стали жертвами преступников.

Игра в прятки – старинная русская забава. При этом в прессе проводятся конкурсы тайников «Куда в квартире прятать деньги», а «специалисты» дают многочисленные рекомендации, помогающие в том числе и домашним. Есть такие страны, где мало зарабатывают, но много воруют. И не обязательно через окно. Социальная инженерия в том и заключается, что по телефону или электронной почте так ловко ввести в заблуждение, что пострадавший добровольно отдает деньги ловким мошенникам. А ведь советским командировочным деньги жены зашивали в трусы. Рассказывают, надежно было. За городскими обывателями ныне охотится многотысячная армия цифровых ловкачей, выуживающая из наших кошельков миллиардные суммы. Стремящимся вырваться из замкнутого круга нужды говорят: «Никогда не жили хорошо, не стоит и начинать», «Бог терпел и нам велел». И как результат, более 30% россиян уверены, что зарабатывать хорошие деньги можно исключительно нечестным путем.

Касса взаимопомощи – палочка-выручалочка для малоимущих работников советских предприятий, коллективные деньги, выдаваемые по очереди нуждающемуся члену кассы до зарплаты без процентов. Например, на каком-то предприятии 12 человек организовали кассу взаимопомощи. Они договорились ежемесячно делать взносы в общую кубышку в определенном размере. Все участники тянут жребий и счастливчик забирает все деньги. Крупную сумму обычно тратили на покупку холодильника, одежды себе или детям, мебельную стенку, поехать в отпуск. Ты как бы одалживался у товарищей. В следующий раз ты сам одалживаешь им. Касса взаимопомощи – способ подзанять денег у коллег с выплатой долга в рассрочку. В первую очередь это помощь для тех, кто не умеет копить, или тем, кому срочно понадобились деньги на непредвиденные расходы. Для кого-то это был способ втайне от второй половины ско-

пить деньги. Касса выдавала беспроцентную ссуду, а не дарила деньги даром. Следовало возвращать долг без всяких процентов. Любой член кассы в любое время мог выйти из «общака» и получить обратно все свои деньги. При увольнении человек получал обратно деньги, которые вносил в кассу ежемесячно.

Безденежье – недостаточное количество денег или отсутствие их у кого-либо. Синонимы: ни копейки, отсутствие, ни гроша, финансы поют романсы, нехватка денег, бедность, нищета, пустой карман, пустой кошелек, ни копейки, ни гроша за душой, ни полушки, стесненные обстоятельства, в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается, с деньгами туго, в одном кармане блоха на аркане, а в другом вошь н, в кармане пусто, тощий кошелек, денежная чахотка, ни копейки за душою, ни копейки за душой, сидит без гроша, карманная чахотка, вошь в кармане, да блоха на аркане, денег не густо, тощий карман, ветер свистит в карманах, ни полушки за душой, ни гроша за душою, ветер свистит в кармане, сидит без копейки, ни копейки за душой, ветер гуляет в карманах, ни полушки за душою, ни копейки за душою, ветер гуляет в кармане, ни одного абаза, раскорячка, голяк и т.п. Безденежье – суровая реальность, существование на грани бедности (рис. 4).

Рис. 4. Сегодня кредит, завтра – долговая яма

Большинство горожан в США живут от зарплаты до зарплаты и покупают все в **кредит**. Американский средний класс – это класс **закредитованный**.

У него хорошие дома, личные автомобили, престижная работа, но жизнь в рассрочку – это жизнь с известной степенью риска. Жизнь в кредит, ипотека, желание потакать во всем работодателю – все это факторы длительной жизненной перспективы. Американские семьи с ежегодным доходом от 40 до 95 тыс. долл., которые относят себя к среднему классу, живут от зарплаты до зарплаты, от кредита до кредита, экономя на зубной пасте, на мороженом для детей, на походах в кино, на междугородных звонках, пишет газета «Известия» (16.12.2003).

В 2015 г. 62% всех американцев имели меньше тысячи долларов на своих сберегательных счетах, а 21% горожан и вовсе не обладают накопительными счетами. Подсчитано, что 43% американских семей тратят денег больше, чем зарабатывают. В это время богатейшие 0,1% американских семей имеют примерно столько же богатства, сколько 90% остальных домохозяйств вместе взятых. Оказалось, что в США 1,5 млн сверхбедных семей, живущих менее чем на два доллара в день. Их число удвоилось с 1996 г. Количество бездомных детей в США за последние шесть лет увеличилось на 60%, а 40,9% всех детей в стране, которые воспитываются одним родителем, живут в бедности. Реальный уровень безработицы составляет 22,9%.

Даже в то время, как средний доход домашнего хозяйства продолжает снижаться (сейчас менее 50 тыс. долл. в год), средняя задолженность домашних хозяйств продолжает расти. По данным Федеральной резервной системы, средний долг домохозяйства в США вырос до 75,6 тыс. долл. Многие американцы десятилетиями не могут выбраться из ловушки долгового рабства. Большинство умирает в долгах, не успев расплатиться. Но это не значит, что и долги умерли. Нет, они перешли детям и внукам. Общий долг по жилищной ипотеке в США в 5 раз больше, чем 20 лет назад [8].

В СССР средний класс жил «от зарплаты до зарплаты», но никакого риска остаться безработным, не заплатит

за жилье не существовало. Таков советский образ среднего класса. Согласно данным Росстата, сегодня у двух третей нашего населения нет сбережений. При этом растет закредитованность, потому что у многих даже не хватает денег от зарплаты до зарплаты: они перехватывают кредиты, закрывают один кредит за счет другого. Получается некая экономика выживания. Большая часть населения России – весьма небогатые жители малых городов, живущие от зарплаты до зарплаты. Если ты работаешь в регионе, пишешь в интернете, у тебя ипотека на 25 лет, двое детей – и работу ты потерял. Недавно 37% респондентов из группы беднейших указали, что живут от зарплаты до зарплаты, денег не хватает даже на питание [4].

Лишних денег нередко нет и у зажиточных американцев: «Я знаю супружескую пару, которая зарабатывает около 200 тыс. долл. в год, но они не могут позволить себе иногда поехать в ресторан не хватает, хотя у них огромный дом, два дорогих автомобиля, мотоцикл. Тем не менее они живут от зарплаты до зарплаты... Я родом из семьи среднего класса. У меня приличная машина. Я получаю хорошую зарплату. Но я живу от зарплаты до зарплаты. У меня нет никаких сбережений, о которых можно было бы говорить. Я живу в съемном доме. Если я потеряю работу, то проживу один или два месяца, прежде чем смогу оплатить квартиру, а потом окажусь бездомным, живущим в своей машине, или мне придется переехать к родственникам... Люди, которые живут от зарплаты до зарплаты, не могут позволить расходы на автомобиль или медицину. Они просто еще больше влезают в долги. Тратить каждый цент – это рецепт катастрофы. У большинства американцев (72%) нет сбережений, они живут от зарплаты до зарплаты. Опрос 2016 г. показал, что 46% американцев не было сбережений, чтобы оплатить ремонт автомобильного генератора в размере 400 долл. Жизнь от зарплаты до зарплаты – билет в один конец, который ведет к бездомности и смерти. Поэтому 71% аме-

риканцев заводят сберегательный счет от 1000 до 5000 долл. (средняя сумма – 3500 долл.), а 53% канадцев полагаются только на следующую зарплату. Многим не хватает, чтобы что-то осталось после оплаты аренды, еды, коммунальных услуг и транспорта, чтобы добраться до работы и обратно. Многие американцы, зарабатывающие более 100 тыс. долл., живут от зарплаты до зарплаты. На ипотеку уходит от трети до половины заработка, \$300 в месяц заберут налоги, газ, электричество и продукты стоят еще дороже – от 20 до 40% бюджета. А есть еще непредвиденные расходы, расходы на здравоохранение, инфляция, жилье и транспорт, дорогие увлечения, развлечения и отдых. У вас должен быть достаточно большой аварийный фонд, чтобы как минимум заменить водонагреватель и печь, деньги на обучение детей. Вот и выходит, что 76% американцев живут от зарплаты до зарплаты потому, что, как и правительство, тратят слишком много денег. Домохозяйства, живущие от зарплаты до зарплаты, называются работающими бедными» [12].

Рис. 5. Ломбард – последняя надежда тех, кто не хочет влезать в долги

По данным hh.ru, около 45% россиян не хватает зарплаты для удовлетворения основных потребностей. Еще у 36% респондентов зарплата с трудом покрывает основные нужды. Еще в 2021 г. тех, кому зарплаты не хватало, было всего 25%. Хотя по официальным данным Рос-

стата, средняя зарплата в РФ в июле 2023 г. в реальном выражении выросла на 9,2%, а реальные располагаемые доходы населения увеличились на 4,7%. Получается, что почти $\frac{3}{4}$ россиян в конце каждого месяца «стоят с протянутой рукой» или занимают. Как голь перекатная. И как тут не расцвести пышным цветом микрокредитным конторам всех мастей и расцветок? Или ломбардам? Без доходов нет устойчивого спроса. А без спроса нет экономического роста (рис. 5).

Кредит – это чужие деньги в твоём кармане, которые придется когда-то отдавать, да еще с процентами. В долг живут те, у кого нет своих денег. Еще хуже **безработица** – это когда ни денег, ни работы. Такова «темная полоса» в жизни, когда люди, оставшись без работы, вынуждены считать каждую копейку. Темная полоса протяженностью в месяц-два превращается в «чёрную дыру» протяженностью в год-несколько, а отсутствие денег становится хронической проблемой. Люди жалуются, что устали жить «от зарплаты до зарплаты», большая часть которой уходит на погашение долгов и кредитов. Жизнь от зарплаты до зарплаты и отсутствие накоплений действуют на психику человека катастрофически.

Безработные – это люди, потерявшие постоянное место работы, но не утратившие желание искать новое. Те, кто давно расстался с мечтой найти регулярный заработок, превращаются в хронических безработных. Они становятся нищими, ворами, преступниками, добывают деньги любым незаконным способом. Образ жизни, ценности и поведение безработных заметно отличается от образа жизни и поведения работающего населения. Некоторые социологи считают, что человек, потерявший работу, превращается в бездельника. Он не может или не хочет участвовать в активной общественной жизни и бездарно тратит свое время, которое отныне он просто не ценит. Другие, напротив, склонны видеть в подавляющем большинстве безработных не бездельников, а несчастных людей. Конечно, они сталкиваются с огромными трудностями

в организации так называемого свободного времени, которое свободным временем или досугом в точном смысле назвать нельзя.

Потеря работы – колоссальная психическая нагрузка не только для самого «пострадавшего», но и для всей его семьи. Человек, лишившийся работы и заработка, становится социально опасным. Наше благополучие и наша самооценка на 90% держатся на тех деньгах, что мы приносим домой. И мы стремимся их принести во что бы то ни стало – доказать себе и окружающим собственную состоятельность. Что же делать людям, потерявшим сегодня работу, и особенно тем, кто в не столь далекие времена получили профессии, абсолютно ненужные в нормальном обществе? Прежде всего безотлагательно заняться поисками новой работы. Притом любой! Чем дольше человек находится без дела, тем хуже состояние его психики. После трех месяцев безработицы (по данным психиатров – специально изучающих эту проблему) у человека еженедельно прибавляется по новому симптому невроза [1].

Прежде работа служила тем организующим началом, которое автоматически структурировало ход жизни. Но теперь основные статьи бюджета времени стали иными. Всю свою энергию безработные расходуют на поиски работы, а нервы тратят на решение главной проблемы – как экономнее распорядиться скудными средствами, состоящими из пособия по безработице и некоторых накоплений, оставшихся от лучших дней. Заботу по уходу за детьми с них никто не снимал, хотя могут убавиться хлопоты с автомобилем. Из круга социальных связей – посещение гостей и ресторанов, дискотек и клубов, дружеские попойки и флирт на стороне – потерявшие работу оставляют самые необременительные и дешевые. Их досуг скорее сужается, нежели расширяется или обогащается.

У безработного сужается набор социальных ролей, а значит и поле для самореализации. И как следствие – растет уровень общей неудовлетворенности и фрустрации. Психологи фиксируют

повышенную уязвимость к стрессовым ситуациям, чрезмерную раздражительность. Если вы живете от зарплаты до зарплаты, в панике ищете деньги, чтобы раздать долги, не знаете, чем завтра кормить детей, то у вас наступает стресс или затяжная депрессия. Материальные невзгоды иногда приводят к крушению семейной жизни. Для женщин развод в условиях безработицы может закончиться полным разрушением личности. Потерявшие работу предпочитают общаться чаще с себе подобными, которым они могут пожаловаться на судьбу, у кого они получат совет и моральную поддержку. По данным социологических исследований, у безработных заметно больше родственников, друзей, знакомых, также потерявших работу, чем у занятых. Но это означает, что безработные значительно чаще, чем работающие, общаются с людьми, попавшими в положение потерявших и/или не имеющих постоянного дохода занятия. В результате формируются замкнутые социальные круги, в которых негативная информация и чувства не только функционируют по замкнутому циклу, но нередко усиливаются в результате такого функционирования. Возникает эффект самонаведения (самоиндукции).

О том, кто и как наживается на долгах, можно написать криминальный роман или захватывающее научное повествование. Человеческая фантазия, точнее сказать, хитрость, алчность и изощренность ума, с одной стороны, наивность, доверительность и «лоховость», с другой, не знают пределов. Искусство втягивать нас в долги, социальная инженерия обмана по телефону и интернету базируются на свойствах нашего сознания верить всему услышанному, не учиться на ошибках, желании получить из всего выгоду, рисковать.

В 2000-е годы на российском финансовом рынке появились специализированные, организации, главная задача которых – «выбивание» чужих долгов. В Подмоскovie задержали банду, которая обстреливала в течение недели окна особняка замдиректора фирмы, который никак не желал отдавать 500 тыс. долл.

своему шефу. В Кемеровской области было громкое дело о «чёрных коллекторах», которые избивали должников на «специально оборудованном пустыре». Это коллекторские агентства, которые официально используют такие средства, как скоринг-анализ, юридическое воздействие, hard collection (жесткое взыскание), legal collection («юридическое взыскание»), уголовное преследование, банкротство. А неофициально («черные коллекторы») прибегают к откровенному запугиванию, шантажу, физическому насилию, психологическому прессингу. Эти организации запугивают людей, занимаются телефонным терроризмом, составляют черные списки, поджигают квартиры, похищают людей.

«Инженеры» ловко строят для отчаявшихся ловушки, в которые мы неловко попадаем. Многие фирмы предлагают избавить вас от долгов, купить или перекупить их. Другие специализируются на выбивании долгов. Людей, которые выбивают долги, называют коллекторами. «Покупка долгов. Дорого» – такими объявлениями сейчас полон Интернет. Продаются и покупаются долги всех видов – банковские кредиты, обычные займы между знакомыми. Рынок купли-продажи долгов бывает легальным и темным. На первом трудятся коллекторы, на второй – мошенники, которые под видом юридических компаний обещают доверчивым должникам «почти бесплатно» избавиться от денежного бремени. Оказаться в долгах проще простого: достаточно один раз пропустить платёж по кредиту или не погасить счета за услуги ЖКХ.

И без «инженеров» жизнь не сахар, особенно с такими помощниками, как банки. При этом банки почему-то всегда наживаются, а люди беднеют. Ну почему только люди? Целые страны и даже континенты, например африканский, беднеют от американских кредитов. Ростовщики одалживают под проценты нищему населению триллионы долларов, методично вгоняя его в экономическую и политическую кабалу – новую форму колониализма. Государство берет деньги в долг у своего населения через систе-

му казначейских билетов и облигаций, а потом обесценивает их, как произошло у нас в начале 1990-х годов при смене политического режима. А почему в эпоху кризисов и ковидов бедняки беднеют, а богачи богатеют? Так построена индустрия и экономика долгов (рис. 6).

Рис. 6. Шопоголизм – проявление закона возрастания потребностей и шаг к ловушке бедности

Есть и другие ловушки, одна из них **ловушка бедности** (poverty trap) – самоподдерживающийся механизм безденежья. Раз попал сюда и навеки раб. Конечно, если не предпринимать усилия, либо твои усилия не помогают, а старания близких тщетны. Чаще всего в ловушку бедности попадают люди, занимающиеся низкоквалифицированным трудом. Кому-то нравится находиться на социальном дне, получая пособия и льготы. Такой совсем опускает руки и плывет по воле волн.

За границей так называют ситуацию, когда человеку выгоднее не работать, а жить на социальное пособие. Чтобы его получить, нужно лишь нигде не работать. Ученые доказали, что ее причина – в нас самих. Сколько бы человек ни зарабатывал, ему всегда будет мало. Ему хочется все больше и больше, он берет кредиты, занимает в долг. Рост потребностей ведет к росту долгов. Те растут, параллельно растут потребности должника. Об этом предупреждает **эскалация потребностей** – расширение будущих потребностей человека по мере удовлетворения прошлых. Человек

не успел удовлетворить одни потребности, помогающие ему устроить свою жизнь более комфортно, как возникают новые, еще более настоятельные, требующие более высокого качества жизни. Шопоголизм – непрестанное хождение по магазинам за все новыми и новыми покупками – одно из проявлений эскалации (не путать с расширением) потребностей. Назовем такое явление **восходящей ловушкой бедности**.

Практически все шопоголики быстро влезают в долги и начинают обманывать членов семьи: занижают цены на купленные вещи, прячут покупки в дальние углы или даже у друзей, потихоньку оформляют кредитные карты и никогда не признаются в болезненной привязанности. Если попытаться изолировать шопоголика от магазинов и перекрыть ему доступ к деньгам, то у него начнется депрессия, могут появиться головные боли, проблемы с сердцем и сосудами, психологические расстройства – вплоть до утраты интереса к жизни. Ученым удалось измерить электрическую активность в коре головного мозга женщин-покупательниц. Именно в том отделе, который отвечает за здравый смысл и рациональное мышление. Результаты показали, что в преддверии покупки способность здраво и рационально мыслить у них практически полностью исчезает. А напряжение в отделах, управляющих эмоциями, нарастает до предела.

Консюмеризм концентрирует социальную жизнь вокруг потребительских практик. По данным Университета Berkeley (Калифорния, США), «около 68% покупок, которые делают посетители супермаркетов и больших магазинов, оказываются незапланированными, то есть более половины покупателей решают совершить покупку уже непосредственно в месте продаж» [9]. Другое исследование показало, что 72% респондентов делают часто незапланированные покупки и 43% время от времени покупают совсем ненужные вещи [5]. Английские социологи, проведя опрос 40 тысяч человек, выявили связь между шопоголизмом, вредными привычками и супружескими изменами. Были сделаны выводы,

что «более 50% тех, кто импульсивно тратит деньги, несдержанны и в других сферах деятельности» [11], в том числе они курят, переадают и изменяют супругам.

Противоположная (но только по виду) ей форма – **нисходящая ловушка бедности**, когда потребности не растут и не гонят человека от одного свершения к другому, а наоборот – снижаются, а сам он погружается в пучину пассивности. Не хватает капитала, здоровья, квалификации, знаний, денег, чтобы хоть немного улучшить уровень жизни. Когда нет денег купить качественные вещи, покупаешь более дешёвые, которые быстро приходят в негодность. Дешёвая и некачественная пища сказывается на здоровье, а малоквалифицированная работа не даёт шансов на карьерный рост. Кто-то ворует, кто-то спивается, и всегда бедный становится еще беднее. В один прекрасный момент бедолага осознает: теперь уже никогда не выбраться. Так возникает замкнутый круг нищеты – круг вращения, в который легко попасть, но трудно выбраться. Понятие долговой ямы – аналог замкнутого круга и ловушки бедности. Добавим сюда замкнутый круг хронической безработицы, и картина приобретёт практически завершённый вид.

Литература

1. Бахнов М.С. Закон о занятости в РФ (часть первая) // Управление персоналом. 1998. № 7. С. 72.
2. Бондаренко Н.А. Дефолт августа 1998 г. глазами населения // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 26.
3. Боровой Е.М. Существование человека в обществе «Избыточного потребления» // Ценности и смыслы. 2015. № 5 (39). С. 103.
4. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 61–73.
5. Голова А.Г. Внедрение консюмеризма через систему управления потребительским поведением // Социология. 2011. № 3. С. 91–104.
6. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социс. 2004. № 3. С. 40–50.
7. Этвуд М. История долгов наших. Долги и темная сторона богатства. – М.: Текст, 2010.
8. Макаров М. Долговое рабство: 30 фактов о долгах в Америке. – URL: http://1smi.info/2261-Dolgovoee_rabstvo:_30_faktov_o_dolgah.html
9. Теряете покупателя? Задумайтесь – почему. // gps-pos. – URL: <http://www.gps-pos.ru/pub/article-6.html>
10. Шеффер Б. Путь к финансовой независимости. – URL: http://www.dostatok.ru/interes_article/debt.html
11. Шопоголики изменяют чаще?// Passion.ru – URL: <http://shopping.passion.ru/l.php/shopogoliki-izmenyaut-chastce.htm>(дата обращения: 01.12.2009).
12. Do 75% of Americans really live paycheck to paycheck? – URL: <https://translated.turbopages.org>
13. Kagan J. Paycheck to Paycheck. – URL: <https://www.investopedia.com>
14. What is the exact definition of “living paycheck to paycheck?”. – URL: <https://www.reddit.com/r/personalfinance/comments>

SOCIAL TOPOS “DEBTS”

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal “Sociology”

What is a topos? It has many meanings. The concept of topos was introduced by Protagoras and developed by Aristotle in «Topics» and «Rhetoric». From the Greek τόπος – lit. «place», trans. «topic», «argument». Every science has its own space. Formed at the crossroads of two worldview systems, sociology has developed its own way of looking at things. Social space is the place where the events, phenomena and processes described by sociologist take place. A social topos describes not the exceptional and unique, but the typical and most common in this space. These include, in particular, such phenomena as getting into debt, repaying debts, paying debts, living in debt to future gen-

erations, being in debt to future generations, being imprisoned for debts, punished for debts, forgiving debts, collecting debts, borrowing for a short time, being driven by a sense of duty, being guided by a sense of duty, being indebted to one's children, family and homeland, living on credit.

In sociology, topos should be used in two meanings – ontological and epistemological. In the first case, a topos is a place of concentration of people or ideas. One speaks of the topography of the city and the queue as topos, common places in colloquial speech. In the epistemological sense topos can perform the function of a cognitive tool, the application and use of which can open up new horizons and possibilities of social science.

Keywords: topos, phenomenology of monetary debt, debt slavery, salary to salary, credit, lack of money, unemployment, social practice.

References

1. Bakhnov M.S. Law on employment in the Russian Federation (part one) // Personnel management. 1998. No. 7. P. 72.
2. Bondarenko N.A. The default of August 1998 through the eyes of the population // Bulletin of public opinion. 2008. No. 4 (96). P. 26.
3. Borovoy E.M. The existence of a person in a society of "Excessive consumption" // Values and meanings. 2015. No. 5 (39). P. 103.
4. Varlamova S.N., Noskova A.V., Sedova N.N. Family and children in the life attitudes of Russians // Sociological studies. 2006. No. 10. pp. 61–73.
5. Head A.G. Introduction of consumerism through the consumer behavior management system // Sociology. 2011. No. 3. pp. 91–104.
6. Davydova N.M., Sedova N.N. Material and property characteristics and quality of life of the rich and poor // Sotsis. 2004. No. 3. P. 40–50.
7. Atwood M. History of our debts. Debt and the dark side of wealth. – M.: Text, 2010.
8. Makarov M. Debt slavery: 30 facts about debt in America. – URL: http://1smi.info/2261-Dolgovoe_rabstvo:_30_faktov_o_dolgah.html
9. Are you losing a customer? Think about why. // gps-pos. – URL: <http://www.gps-pos.ru/pub/article-6.html>
10. Sheffer B. The path to financial independence. – URL: http://www.dostatok.ru/in-teres_article/debt.html
11. Do shopaholics cheat more often? // Passion.ru – URL: <http://shopping.passion.ru/l.php/shopogoliki-izmenyaut-chastce.htm> (access date: 12/01/2009).
12. Do 75% of Americans really live paycheck to paycheck? – URL: <https://translated.turbopages.org>
13. Kagan J. Paycheck to Paycheck. – URL: <https://www.investopedia.com>
14. What is the exact definition of "living paycheck to paycheck?". – URL: <https://www.reddit.com/r/personalfinance/comments>

Обыденность насилия в образовательных учреждениях

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

В статье рассматривается социальная проблема насилия в образовательных учреждениях. Подчёркивается вопрос обыденности насилия в рассматриваемых учреждениях. Целью работы выступает анализ распространенности физического и психологического насилия в образовательных учреждениях и оценка уровня его масштабности, отношения наблюдателей (сверстников, учителей, родителей), эффективность их действий или бездействий и личные и социальные последствия насилия. Методом исследования стало онлайн анкетирование 3200 молодых людей, когда-либо сталкивавшихся с психологическим или физическим насилием в образовательных учреждениях; шесть фокус групп с 54 экспертами в сфере насилия (психологи, полицейские, педагоги, священники); контент-анализ запросов ведущих браузеров с 2020 по 2023 годы на предмет насилия в образовательных учреждениях. Результатом исследования стало выявление открытого информационного потока в сети интернет, посвященного физическому и психологическому насилию в образовательных учреждениях, который формирует общественное сознание в сфере «нормальности» и «обыденности», «обычности» и «повседневности» насилия в образовательных учреждениях. Более того, ответы молодых людей также показывают достаточно малую эмоциональную вовлеченность в распространенность насилия в образовательных учреждениях, в которых они ранее учились. Фиксируется социальное безразличие, апатия, разорванность социальных и дружеских связей, общая безысходность для жертв насилия и тех, кто стал стигматизированным в своей социальной среде, в результате насилия. Эксперты обращают свое внимание на сложности легитимного отслеживания данных ситуаций и необходимости включения личной и социальной ответственности всех участников образовательного процесса; готовности поддерживать и защищать их. Перспективами исследований в данной сфере являются такие области как воспитательная ответственность

преподавателей и родителей за безопасное будущее детей; личная активность и безразличие к судьбе другого; выявление взаимосвязи социального статуса, гендерных особенностей, мировоззрения и ценностей молодых людей от вовлеченности их в психологическое или физическое насилие в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: насилие, насилие в школе, травля, буллинг, кибербуллинг, образовательные учреждения, обыденность насилия, стигматизация.

Насилие одно из постоянных и общих характеристик любой социальной среды. Работает древний принцип: кто сильнее – тот и прав. Эта стратегия заложена на бессознательном уровне у членов любого общества. Чтобы активировались другие стратегии – диалог, толерантность или что-то еще – нужен другой уровень осознанности членов сообщества, готовность формировать новые рамки и принципы целесообразности действий, новые нормы морали и табу.

В современном обществе усиливаются такие аспекты психологического насилия как буллинг, кибербуллинг, хейтеринг (Ардашев, 2022, 2023), помимо традиционного психологического насилия в виде оскорблений, унижений, издевательств и проч. Виртуальность расширила не только возможности людей, но и формы и механизмы насаждения насилия в повседневной жизни.

В результате этого, насилие становится обыденным явлением. Это разрушает личность человека и его социальные связи и коммуникации, разрушая тем самым функционирование целых социальных институтов. Это тенденции норм насилия, которые меняют представления о нормальном в обыденном сознании (Полюшкевич, 2019, 2021).

Противостоять насилию можно разными способами – от практических стратегий толерантности, до просветительских анти-агрессивных и анти-насильственных методов социальной коммуникации в образовательных учреждениях. Особенно остро этот вопрос встает там, где учатся дети и молодые люди разных национальностей, культур, социальных статусов. Принятие и понимание других точек зрения становится приоритетом социального развития и воспитательного потенциала любого образовательного учреждения.

Ряд исследований посвящено психологическим чертам тех, кто подвергается стигматизации и тех, кто ее осуществляет (Быкова и Истомина, 2016; Волкова и Гришина, 2013; Мерцалова, 2000; Осадчая и Макарова, 2017; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; Солдатова, Ярмина, 2019. Другие рассматривают

насилие в образовательных учреждениях (от школы до вуза) как формы реакции на социальную аномию (Журавлева, Иванов, Тетерин, 2020; Потапова, 2016, Тараканова, 2021). Третьи анализируют изменения общих ценностных установок общества в медиапространстве, которые приводят к формированию новых норм и приемлемых стратегий поведения Горбаткова, 2017; Жмуров, 2021; Щетинина, 2018; Joan Arehart-treichel, 2013; Attrill, 2015; Corcoran, McGuckin, Prentice, 2015; Grigg, 2010; Herring, 2002; Olweus, 1993. Травля учеников в образовательных учреждениях становится фокусом пристального внимания представителей разных наук и направлений исследования.

Особенности исследования

Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования, в нем приняли участие 3200 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 55% девушки и 45% юноши. Одной из квот выборки был вопрос о том, сталкивались ли они с любой формой психологического или физического насилия, обучаясь в школе, среднеспециальном заведении или вузе. В исследовании приняли участие только те, кто-либо сам был жертвой насилия или был свидетелем насилия в отношении человека из окружения (одноклассника, однокурсника). Надо сказать, что отсеялось только 8% (!) респондентов, которые никак не соприкасались с насилием и не были его свидетелями в образовательных учреждениях. Это косвенно показывает, что тема достаточно распространена в обыденной практике россиян.

Также мы провели 6 фокус-групп, в котором приняли участие 54 человека в возрасте от 25 до 65 лет, выступающие экспертами в сфере насилия (психологи, полицейские, педагоги, священники). Данные фокус-группового интервью позволили расширить сферу интерпретации полученных результатов в ходе массового опроса.

Также нами был проведен контент-анализ поисковых запросов различных браузеров за 2020–2023 годы, где выявили наиболее частые запросы, связан-

ные с той насилia в образовательных учреждениях.

Анализ результатов исследования

В результате контент анализа мы установили все большую динамику количества запросов по теме «насилie в образовательных учреждениях», а именно мы искали по таким ключевым словам как: «насилie в школе», «насилie в университете» (например: «нападение в мест-

ной школе», «ученик стал жертвой насилia со стороны учителя», «одноклассники регулярно избивали мальчика», «студенты издевались над девушкой» и проч.). Отдельно рассматривали публикации, транслирующие насилie через социальные сети и электронную почту (кибербуллинг). В таблице 1 представлена динамика роста запросов по данной тематике.

Таблица 1. Контент-анализ поисковых запросов в сети Интернет «насилia в образовательных учреждениях»

Поисковые запросы	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2020 г.
Насилie в школе	6432	5221	4899	3653
Насилie в университете	7123	5899	4234	2643
Кибербуллинг	8644	7428	5758	5439
Жестокий школьник	12311	11242	10977	10224
Стрельба в школе/вузе	18656	16479	15932	14852

В 2020 году еще не завершилась ситуация с пандемией и некоторые образовательные учреждения работали удаленно, поэтому вопросы о реальном физическом и психологическом насилie на порядок ниже, хотя существенно возросло по сравнению с предшествующим периодом количество виртуального психологического насилia.

Данные публикации можно объединить под двумя примерно одинаковыми блоками:

- 1) освещение психологического и физического насилia, как в среде учеников, так и по отношению к педагогам и с педагогами;
- 2) информация о терроризме в образовательных учреждениях (применение холодного или огнестрельного оружия).

Эксперты также констатируют высокий уровень «подогретости» информационного пространства публикациями и сюжетами о насилie в образовательных учреждениях, что нагнетает общую ситуацию, указывая на невозможность ее изменения и бессмысленность каких-то усилий. Профессиональная активность не предполагает личной вовле-

ченности и тем более социальной активности по защите тех, кто подвергается насилie. Это может быть опасно для всех окружающих, поэтому предпочитают не вмешиваться, так как *своя рубашка ближе к телу*. Это общий вывод экспертных оценок.

Риторика медиапространства достаточно наполнена информацией о насилie в образовательных учреждениях. Фиксация данной информации в социальных сетях и новостных лентах усиливает тревожность общественного мнения по теме угрозы (особенно для тех, у кого есть обучающиеся дети или они сами или их родственники работают в сфере образования). Общее нагнетание ситуации говорит само за себя.

В результате опроса молодых людей установлено, что физическое насилie чаще проявляют сверстники друг к другу в школе, чем выше ступень образовательного учреждения, тем процент физического насилia снижается, но повышается реальное психологическое насилie. А виртуальное психологическое насилie со стороны сверстников стабильно во всех уровнях образовательных организаций. Насилie со стороны педа-

гогов в виде рукоприкладства не столь часто встречается, но имеет место быть на всех уровнях обучения, как психологи-

ческое давление или травля присутствует и более выражено, чем физическое насилие (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение форм насилия в разных образовательных учреждениях со стороны сверстников (в %)

Формы насилия		Школа	Среднеспециальные учреждения	Университеты
Физическое насилие	Сверстники	21,5	14,4	10,6
	Педагоги	6,6	4,2	2,4
Психологическое насилие (реальное)	Сверстники	18,5	29,1	30,2
	Педагоги	18,1	17,4	19,2
Психологическое насилие (виртуальное)	Сверстники	19,9	20,6	23,4
	Педагоги	15,4	14,3	14,2

Сила всегда определяет твоё место. Либо ты, либо тебя. Наверное, так было всегда и будет также всегда. (Н.Ю., студент–физик, 18 лет).

Когда тебя унижают и оскорбляют – ты готов на все пойти, чтобы это прекратить. А если не получается – то иного выхода для многих может и не быть, кроме как совершить суицид. У меня так одноклассник сделал. Тогда ему никто не мог, да и не хотел помогать – ни учителя, ни родители, ни одноклассники. Сейчас я понимаю, что был не прав, но я был как все. (Н.О., студент–политолог, 20 лет).

Социальные сети очень опасное пространство, где тебя могут подловить на чем угодно и спровоцировать любое поведение. Это место, пожалуй, еще большего насилия над человеком, чем реальная жизнь. (В.А., студент–экономист, 21 год).

Решение многих вопросов лучше решать дракой / избиением (причем гендер-

ного перекаса не наблюдается). Драку / избиением как эффективную (т.е. положительную) стратегию решения любых вопросов воспринимают 52% девушек и 48% молодых людей, негативно воспринимают 22% девушек и 20% молодых людей. Остальные затруднились ответить.

Порчу личного имущества (порвать одежду, разорвать тетради, разбить или отобрать телефон или какой–то другой гаджет) воспринимают как приемлемую стратегию поведения 20% девушек и 25% молодых людей, как недопустимую форму поведения – 42% девушек и 40% молодых людей. Остальные затруднились ответить.

Гораздо более серьезные вопросы вызывает оценка психологического насилия. Приемлемым различные виды психологического насилия считают 24% девушек и 36% юношей, не приемлемым – 46% девушек и 35% юношей. Остальные затруднились с ответом (табл. 3).

Таблица 3. Согласие с утверждениями о насилии (в %)

Утверждения о насилии	Школа	Среднеспециальные учреждения	Университеты
Если нет другого выхода, то спор можно разрешить и дракой	32,2	35,6	36,4
Мне легко заставить сверстников бояться меня	27,7	20,2	22,8
Если меня обидели, я обязательно должен отомстить	17,9	19,6	22,4
Если я не буду проявлять агрессию к другим, то ее проявят ко мне	22,2	24,6	18,4

В результате психологического насилия разрушаются личные границы, которые могут стать основой травмирующих событий в будущем. Травмирующие ситуации в отношении психологического насилия в образовательном учреждении достаточно разнообразны. Их в разы больше, чем физического насилия. Жестокость, унижение, оскорбление и высмеивание присутствует как со стороны сверстников, так и со стороны педагогов присутствует на всех уровнях образования.

Процессы стигматизации, выделения своих и чужих формируют социальные условия отчуждения и одиночества молодых людей.

Насилие формирует одиночек, а может и социопатов. От этого воздействия не так легко избавиться. Оно меняет че-

ловека на всегда, делая его замкнутым и бесконечно одиноким. (О.Д., студент-социолог, 22 года).

Социальное отчуждение в школе становится для многих нормой. Проще не вникать в ситуацию, чем пытаться ее разрулить, так как сил и желания в это вмешиваться особо нет ни у кого, ни у школьников, ни у учителей, а родители и вовсе полное безразличие могут показать, пока дело не дойдет до крайностей. (С.М., студент-математик, 22 года).

Более того, эксперты фиксируют те же тенденции, что позволяет говорить о важности и критичности проявления данных явлений во множестве образовательных учреждений. И это уже невозможно просто так игнорировать (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение форм психологического (реального и виртуального) насилия в разных образовательных учреждениях со стороны сверстников (в %)

Формы насилия		Школа	Среднеспециальные учреждения	Университеты
Недружелюбие	Сверстники	11,7	12,8	14,3
	Педагоги	7,6	6,5	4,3
Высмеивание/насмешки	Сверстники	8,5	9,8	8,8
	Педагоги	2,4	4,2	4,4
Присвоение кличек	Сверстники	8,5	10,9	6,6
	Педагоги	4,1	6,8	6,6
Бойкотирование / безразличие / отвержение	Сверстники	12,2	10,6	16,2
	Педагоги	10,4	6,6	4,6
Распространение в социальных сетях компрометирующей информации	Сверстники	12,6	10,2	12,2
	Педагоги	6,8	6,2	6,6
Психологическое давление через угрозу физической расправы	Сверстники	10,6	8,8	10,8
	Педагоги	4,6	6,6	4,6

Таким образом, полученные данные фиксируют достаточный уровень распространения проблемы физического и психологического насилия в образовательных учреждениях. Выявленные ситуации насилия имеют как внешние условия агрессивной среды, так лич-

ностные особенности обучающихся, которые в недостаточной степени сглаживаются образовательными учреждениями, а порой и более подогреваются ими. Публикации о насилии не только в виде информационного потока формируют настроения населения, но и подкрепляются реальными практиками молодых людей, что заставляет говорить о распространенности и масштабности дан-

¹ This report was funded by the European Union's Rights, Equality and Citizenship Programme (2014–2020). URL: <https://wave-network.org/wp-content/uploads/WP2-Report-on-Cyber-VAWG.pdf>

ной социальной проблемы. Все вместе это формирует общий достаточно напряженный фон существующего насилия в образовательных учреждениях.

Обсуждение результатов исследования

Представленные выше данные говорят об обыденности насилия в современных образовательных учреждениях. Физическое и психологическое насилие фиксируют все стороны образовательных учреждений, но в большей части случаев предпочитают не вмешиваться, потому что некогда, не видят смысла, не хотят и много еще почему. В любом случае, это из исключительно редкой практики становится все более рутинным и повседневным действием.

Результатом этого становится:

- обесценивание человеческой жизни и личности как таковой;
- формализация труда педагога и убирание роли и значимости воспитательной и мировоззренческой роли педагога;
- личная безучастность и безразличие к тем, кто рядом;
- социальное дистанцирование и одиночество;
- слабость социальных связей;
- нивелирование ценности дружбы и взаимовыручки.

Как итог – социальное отчуждение как всеобщее явление. Обыденность насилия убивает в человеке человеческое и все больше приближает к животному началу. Это форма социальной деградации и разрушения базовых принципов социального воспроизводства. Если не изменить эти тенденции, то разрушение социальной преемственности и социальных связей разрушит наше общество изнутри, так как образовательные учреждения – основа становления личности человека и если в этом процессе убрать гуманность, сострадание, взаимопомощь и уважение, то школа будет выпускать бездушных роботов, а не многогранных людей, способных творить будущее.

Перспективами исследований насилия в образовательных учреждениях

выступает разработка методов и механизмов социальной активности и ответственности всех участников образовательного процесса, их личная вовлеченность в воспитательный процесс. Без персональной ответственности – перемены не наступят никогда. Помимо этого, социальный мониторинг различных форм насилия позволит оперативно реагировать и качественно трансформировать локальные проявления насилия и менять глобальные условия и формы социального моделирования общественного воспроизводства.

Литература

1. Ардашев П.Г. (2022) Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. № 5. С. 23–30.
2. Ардашев П.Г. (2023) Медийное конструирование массовых убийств в школах // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно–практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, С. 229–232.
3. Быкова Е. А., Истомина С.В. (2016) Проблема профилактики буллинга в образовательной организации // вестник костромского государственного университета. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика. № 3. С. 75–78.
4. Волкова Е.Н., Гришина А.В. (2013) Оценка распространенности насилия в образовательной среде школы // Психологическая наука и образование. № 6. С. 19–29.
5. Горбаткова О.И. (2017) Проблема насилия в школах в зеркале современных российских медиа // Медиаобразование. № 4. С. 189–205.
6. Жмуров Д.В. (2021) Кибервиктимизация. Исследовательская матрица // Пролог: журнал о праве. № 3. С. 109–121.
7. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. (2020) Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma

- Mater (Вестник высшей школы). № 4. С. 52–59.
8. Мерцалова Т. (2000) Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? // Директор школы. № 3. С. 25–32.
 9. Осадчая А.В., Макарова Е.А. (2017) Психологическое и психосоматическое воздействие кибер–буллинга на всех его участников // Вестник ТИУИЭ. № 2 (26). С. 66–70.
 10. Полюшкевич О.А. (2019) Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. № 10. С. 120–122.
 11. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. (2021) Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент–анализа интернет–ресурсов и СМИ // Экология человека. № 8. С. 42–49.
 12. Потапова Л.В. (2016) Насилие в школе как социальная проблема // Таврический научный обозреватель. № 6 (11). С. 47–54.
 13. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. (2020) Виды кибер–агрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. № 2 (38). С. 3–20.
 14. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. (2019) Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско–родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. № 3 (35). С. 17–31.
 15. Тараканова А. (2021) Насилие в школе как социальная проблема // Социология в современном мире: наука, образование, творчество, Т. 1, № 13. С. 201–203.
 16. Щетинина Е.В. (2018) Социальные сети Интернета: популяризация «культуры смерти» в подростковой среде // Электронный научно–публицистический журнал «Номо Cyberus». № 2(5). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/socialnye_seti_Interneta_populyarizaciya_k..., свободный. – Загл. с экрана.
 17. Arehart–treichel, Joan (2013) Effects of bullying don't end when school does. American journal of psychiatry. April. Vol. 48. No. 7. Pp. 12–17.
 18. Attrill A. (2015) Cyberpsychology. Oxford, University Press, 304 p.
 19. Corcoran L., McGuckin C., Prentice G. (2015) Cyberbullying or cyber aggression: A review of existing definitions of cyber–based peer–to–peer aggression // Societies. № 5. Pp. 245–255. DOI: 10.3390/soc5020245
 20. Grigg D.W. (2010) Cyber–aggression: Definition and concept of cyberbullying // Australian Journal of Guidance and Counselling. Vol. 20. No. 2. Pp. 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
 21. Herring S.C. (2002) Cyber violence: Recognizing and resisting abuse in online environments // Asian Women. № 14. Pp. 187–212.
 22. Olweus D. (1993) Bullying at school: what we know and what we can do. Ny: blackwell, 152 p.
 23. This report was funded by the European Union's Rights, Equality and Citizenship Programme (2014–2020). – URL: <https://wave-network.org/wp-content/uploads/WP2-Report-on-Cyber-VAWG.pdf>

THE ORDINARINESS OF VIOLENCE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article deals with the social problem of violence in educational institutions. The question of the ordinariness of violence in the institutions under consideration is emphasized. The aim of the work is to analyze the prevalence of physical and psychological violence in educational institutions and to assess the level of its scale, the attitude of observers (peers, teachers, parents), the effectiveness of their actions or inactions and the personal and social consequences of violence. The research method was an online survey of 3,200 young people who have ever experienced psychological or physical violence in educational institutions; six focus groups with 54 experts in the field of violence (psychologists,

police officers, educators, priests); content analysis of queries of leading browsers from 2020 to 2023 on violence in educational institutions. The result of the study was the identification of an open information flow on the Internet devoted to physical and psychological violence in educational institutions, which shapes public consciousness in the sphere of "normality" and "ordinariness", "commonness" and "everydayness" of violence in educational institutions. Moreover, young people's answers also show rather low emotional involvement in the prevalence of violence in educational institutions where they previously studied. Social indifference, apathy, broken social and friendship ties, and general hopelessness for victims of violence and those who have become stigmatized in their social environment as a result of violence are recorded. Experts draw attention to the difficulties of legitimate monitoring of these situations and the need to include personal and social responsibility of all participants in the educational process; readiness to support and protect them. Prospects for research in this area include such areas as educational responsibility of teachers and parents for the safe future of children; personal activity and indifference to the fate of the other; identification of the relationship between the social status, gender characteristics, worldview and values of young people and their involvement in psychological or physical violence in educational institutions.

Keywords: violence, school violence, bullying, bullying, cyberbullying, educational institutions, everyday violence, stigmatization.

References

1. Ardashev R.G. (2022) Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. No. 5. pp. 23–30.
2. Ardashev R.G. (2023) Media construction of massacres in schools // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, S. 229–232.
3. Bykova E. A., Istomina S.V. (2016) The problem of preventing bullying in an educational organization // *Bulletin of Kostroma State University*. Series: pedagogy. Psychology. Sociokinetics. No. 3. pp. 75–78.
4. Volkova E.N., Grishina A.V. (2013) Assessing the prevalence of violence in the educational environment of schools // *Psychological Science and Education*. No. 6. pp. 19–29.
5. Gorbatkova O.I. (2017) The problem of violence in schools in the mirror of modern Russian media // *Media education*. No. 4. pp. 189–205.
6. Zhmurov D.V. (2021) Cybervictimization. Research matrix // *Prologue: journal about law*. No. 3. pp. 109–121.
7. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. (2020) Studying the life priorities of regional youth: qualitative analysis // *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*. No. 4. pp. 52–59.
8. Mertsalova T. (2000) Violence at school: what to oppose to cruelty and aggression? // *Head teacher*. No. 3. P. 25–32.
9. Osadchaya A.V., Makarova E.A. (2017) Psychological and psychosomatic impact of cyber-bullying on all its participants // *Bulletin of TIUIE*. No. 2 (26). pp. 66–70.
10. Polyushkevich O.A. (2019) Norms of solidarity after mass violence // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. No. 10. pp. 120–122.
11. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. (2021) The impact of the terrorist attack on October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and media // *Human Ecology*. No. 8. pp. 42–49.
12. Potapova L.V. (2016) Violence at school as a social problem // *Tauride Scientific Observer*. No. 6 (11). pp. 47–54.
13. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. (2020) Types of cyber aggression: the experience of adolescents and youth // *National Psychological Journal*. No. 2 (38). pp. 3–20.
14. Soldatova G.U., Yarmina A.N. (2019) Cyberbullying: features, role structure, child-parent relationships and coping strategies // *National Psychological Journal*. No. 3 (35). pp. 17–31.
15. Tarakanova A. (2021) Violence at school as a social problem // *Sociology in the modern world: science, education, creativity*, Vol. 1, No. 13. pp. 201–203.
16. Shchetinina E.V. (2018) Social networks of the Internet: popularization of the "culture of death" among teenagers // *Electronic scientific and journalistic journal "Homo Cyberus"*. No.2(5). [Electronic resource] – Access mode: <http://journal.homocyberus.ru/social>

- nye_seti_Interneta_populyarizaciya_k..., free. – Cap. from the screen.
17. Arehart–treichel, Joan (2013) Effects of bullying don't end when school does. *American journal of psychiatry*. April. Vol. 48.No. 7.Pp. 12–17.
 18. Attrill A. (2015) *Cyberpsychology*. Oxford, University Press, 304 rub.
 19. Corcoran L., McGuckin C., Prentice G. (2015) Cyberbullying or cyber aggression: A review of existing definitions of cyber-based peer-to-peer aggression // *Societies*. No. 5. Pp. 245–255. DOI: 10.3390/soc5020245
 20. Grigg D.W. (2010) Cyber-aggression: Definition and concept of cyberbullying // *Australian Journal of Guidance and Counselling*. Vol. 20.No. 2.Pp. 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
 21. Herring S.C. (2002) Cyber violence: Recognizing and resisting abuse in online environments // *Asian Women*. No. 14. Pp. 187–212.
 22. Olweus D. (1993) *Bullying at school: what we know and what we can do*. NY: blackwell, RUR 152
 23. This report was funded by the European Union's Rights, Equality and Citizenship Program (2014–2020). – URL: <https://wave-network.org/wp-content/uploads/WP2-Report-on-Cyber-VAWG.pdf>

Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет экономики и права
E-mail: bayev.pa@mail.ru

Копалкина Евгения Геннадьевна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет экономики и права

В статье рассматриваются особенности формирования рынка труда в современных условиях цифровизации общества. Выделяются особенности трудовых ценностей молодых людей в современных условиях виртуализации жизни. Обозначаются перспективы развития рынка труда, под влиянием мобильности и гибкости молодых людей в сфере трудовых мотивов, готовности их к занятости удаленно, во фрилансе, а также значимым ориентирам на самозанятость. Основой трудовых трансформаций в условиях цифровизации выступает потребность в самореализации, которая может найти дополнительные формы раскрытия при новых условиях жизни.

Ключевые слова: молодежь, труд, трудовые ориентиры, виртуальность, рынок труда, занятость.

Рынок занятости напрямую влияет на интересы молодежи в образовательной и трудовой деятельности. Цифровизация общества быстро и значимо изменила ориентиры и возможности молодых людей в сфере занятости, задав новые условия получения знаний и применения их на практике. Все это сопровождается техническим и технологическим прорывом, формировании новых установок на образование через всю жизнь, профессиональную и социальную мобильность внутри профессии и перехода на новые специальности и трудовые формы развития.

Для стратегического развития общества – именно молодежь является наиболее значимой группой при выборе тех или иных вариантов профессиональной реализации. Хотя стоит признать, что произошедшие изменения затронули все возрастные и стратификационные группы россиян. Это дополнительно указывает на то, что труд как социальное явление и как процесс жизнедеятельности приобрел новые смыслы и формы, что меняет контекст и условия жизни для рядовых россиян.

Для регулирования трудовых отношений и управления трудовой мотивацией необходимо регулировать социальное взаимодействие молодежи. В сфере государственной политики необходимо поставить новые векторы социального развития трудовой деятельности молодежи, связанные:

- с развитием трудовой мотивации и трудовых перспектив молодежи как социальной группы в условиях стратегического развития страны;
- разработкой новых форм и механизмов активизации социальных лифтов для молодого поколения;
- расширением спектра специальностей подготовки в университетах, в соответствии с требованиями новых профессий и стандартов;
- увеличением виртуальной доступности получения классического образования и дополнительных возможно-

стей переподготовки или повышения квалификации.

Современные ученые расставляют акценты образовательных смыслов в новых условиях (И.А. Журавлева [9–11]), новые экономические притязания и условия жизни и социальной реализации (П.А. Баев [5,6], В.А. Скуденков [22, 23]), которые формируются в новых условиях социальной реальности (Р.Г. Ардашев [2–4], О.А. Полюшкевич [18], Р.В. Иванов и Ю.В. Борисова [19]). Трудовые мотивы и ценности молодежи, формирующиеся в новых условиях жизни, рассматриваются у таких авторов как Е.В. Андрианова, А.Н. Тарасова и И.Ф. Печеркина [1], В.Г. Былков [7], А.С. Евдокимова [8], Г.Б. Кошарная и Н.В. Корж [15], С.Н. Мозулев, Л.В. Санина и И.С. Шавкунова [16], Т.А. Пакина [17], А.А. Поплавская [20], В.В. Ретивина [21], Д.О. Стребков и А.В. Шевчук [24], Т.А. Терехова и Л.Г. Гаевская [25], Д.С. Хаустов и А.И. Гуляева [26] и другие. Особенности влияния цифровизации жизни на рынок труда рассматривали такие авторы как О.В. Забелина, А.В. Мальцева и Ф.И. Мирзабалаева [12], А.В. Майорова и Е.А. Матвеева [13,14] и другие отечественные ученые.

Рассмотренные нами работы позволяют выделить не только черты актуальности, но и проблемности понимания трудовой мотивации в цифровом обществе, условий социализации и социальной адаптации молодежи в виртуальную эпоху. А также необходимости опознавания того, кто Я, какие у меня возможности и потребности в сфере труда и последующем социальном признании, какие условия профессиональной реализации и механизмов конструирования профессионализма и мастерства может предложить современный мир. Эти проблемные зоны стали поводом для проведения нашего исследования, посвященного трансформации трудовых ориентиров молодежи в условиях цифровизации общества.

Особенности исследования

Методологической основой данного исследования стал структурно-функцио-

нальный подход, он позволил выявить основные структурирующие современную молодежь мотивы для реализации трудовой деятельности, а также функции трудовой деятельности в новом цифровом обществе.

В нашем исследовании приняло участие 1600 молодых людей, из них 800 – студенты иркутских вузов в возрасте от 18 до 24 лет и 800 – уже работающая молодежь в возрасте от 25 до 35 лет; 55% женщин и 45% мужчин. Опрос распространялся через социальные сети, методом снежного кома. Квотами исследования были: пол, возраст, место жительства молодых людей. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Современный рынок труда требует от молодых людей следующего:

- активного трудового поведения (быть готовым к новым условиям и требованиям – это основа трудовой успешности современной молодежи);
- гибкости и мобильности (это основа успеха карьеры и профилактика безработицы через постоянную адаптацию к новым условиям жизни и труда);
- акцент на новые профессии (традиционные профессиональные ниши изживают себя);
- переход в онлайн занятость и уход от оффлайн работы;
- новые формы занятости (работа по временному договору, удаленной / дистанционной работой, самозанятостью / фрилансом).

В результате анализа полученных данных мы можем говорить о том, что современные молодые люди хотели бы больше знаний и навыков в сфере компьютерных технологий (вне зависимости от специальности и профиля обучения) – 58%. Это станет основой для изменения качества труда в целом. А именно: повысятся требования и реальные навыки в профессиональной деятельности (для 18–24 летних – 24% и для 25–25 летних – 35%), изменится содержание труда и как следствие то, что необходимо уметь (для 18–24 летних – 25% и для 25–25 летних –

28%), повысятся возможности заработка в своей профессии (для 18–24 летних – 33% и для 25–25 летних – 25%), исчезнет профессия (для 18–24 летних – 18% и для 25–25 летних – 12%). На рисунке 1 показано сравнение оценок роли цифровизации для молодежи работающей (25–35 лет) и студенческой молодежи (18–24 года).

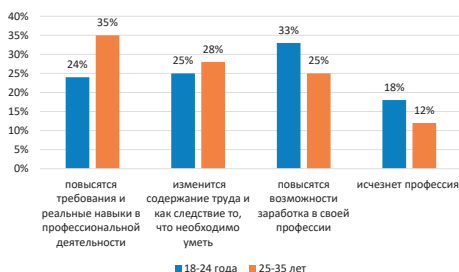

Рис. 1. Взгляды молодежи на цифровизацию трудовой деятельности

Среди рисков новых условий трудовой деятельности (рис. 2) выступает риск сокращения (для 18–24 летних – 23% и для 25–25 летних – 33%), незнание современных особенностей работы в любой сфере (для 18–24 летних – 48% и для 25–25 летних – 36%), гендерное или возрастное несоответствие (для 18–24 летних – 29% и для 25–25 летних – 31%).

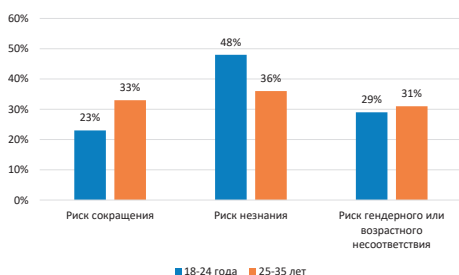

Рис. 2. Риски новых условий трудовой деятельности

Как видно из рисунка 2 риски некомпетентности для всех групп молодежи актуален. Более младшее поколение еще более остро чувствует его актуальность, поэтому ориентир на постоянное обучение и переобучение остается одним из ключевых векторов молодежной занятости и на рынке труда.

Но более всего нас заставил задуматься о новых формах и условиях трудовой деятельности риск гендерного и возрастного несоответствия – это указывает на доминирование социальных и гендерных стереотипов в определенной профессии или нише, готовности проявлять или не проявлять свои личные черты и характеристики чтобы попасть в нишу желаемых профессиональных и трудовых возможностей. Это один из вариантов современной трудовой стратификации, которая больше ограничивает, чем создает условия для реализации.

Интересным выступает и тот факт, что четверть учащейся молодежи и треть уже работающей учитывает риск сокращения и способом избежания этого события опять же выступает обучение. Молодежь готова учиться, осваивать новое. Так как без этих знаний не сможешь конкурировать на рынке труда (рис. 3). Более трети молодых людей готовы учиться за свой счет (для 18–24 летних – 34% и для 25–25 летних – 38%), за счет государства (15% и 21% – соответственно) и за счет других организаций в виде грантов, программ, субсидий (51% и 41% – соответственно).

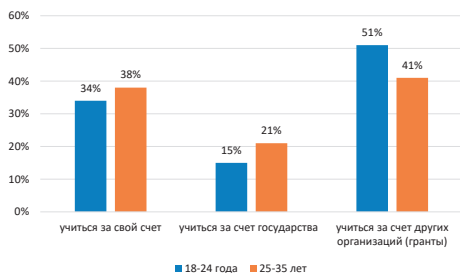

Рис. 3. Обучение для молодежи

Стоит отметить, переобучаться молодые люди не готовы (только четверть или чуть меньше готова пойти учиться по новому профилю), три четверти готовы повышать квалификацию, получать узкопрофильные знания, так как на это уйдет меньше времени, больше вариантов обучения и более быстро это повлияет на качество труда. Ответы среди

работающей и обучающейся молодежи идентичны (рис. 4).

При этом, студенческая молодежь больше готова к профессиональной мобильности, чем уже работающая. Иными словами, они готовы в два раза чаще работать не по специальности, менять сферы деятельности быть более гибкими, чем уже работающие молодые люди. Хотя последние также вовлечены в практики многозадачности и активно реализуют свои знания и навыки по основному профилю деятельности, совмещая с дополнительным функционалом.

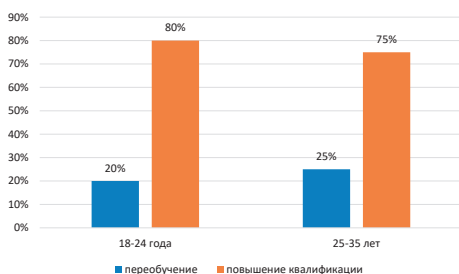

Рис. 4. Профессиональная мобильность

Стоит отметить, что 54% студентов хотели бы работать только на себя (самозанятые или фриланс), 46% среди уже работающей молодежи стремятся к этому. Еще тридцать лет назад было трудно себе представить, что молодые люди не будут стремиться ходить на работу (государственную или частную), а в своем ритме работать (чаще в виде проектов) и получать за это вознаграждение.

Ценность самозанятости в том, что есть возможность регулировать самостоятельно свое рабочее время (67%), объём выполняемой работы (60%), место выполняемой работы (72%). То есть, ценность свободы в целом важная для молодежи, в условиях самозанятости максимально влияет на качество труда и как следствие на его эффективность.

При этом, молодые люди осознают и риски самозанятости. К ним относятся: нерегулярность работы (может быть недостаточно заказов для обеспечения себя и как следствие понижение качества жизни) – 54%, отсутствие каких-то навыков (45%), необходимость платить

налоги при нерегулярном и низком доходе (42%), более низкий социальный статус (14%).

Готовность к удаленному труду среди студентов 66%, среди работающей молодежи 54%. Также достаточно высокая готовность. Это говорит о том, время пандемии COVID-19 произошло смена формата учебы и работы, за два года население адаптировалось к удаленной работе и как следствие – сейчас предпочитает выполнять то, что необходимо не вступая в непосредственное взаимодействие с коллегами и руководством. Это не вызывает ни физического, ни психологического напряжения, более того – повышает готовность выполнять ключевые задачи и быть более профессиональным и компетентным, чем кто бы то ни было еще в более старших возрастных группах.

Помимо внешних условий, на готовность молодежи к самозанятости и удаленной трудовой деятельности повлияли и ценности самореализации, раскрытия своего потенциала, которые культивируются в современном обществе. Данные формы занятости позволяют реализовать эти возможности на практике, поэтому становятся все более актуальными и востребованными стратегиями социального развития. Опрос показал, что в трудовой сфере молодых людей больше всего волнует невозможность себя реализовать, понять свое предназначение и его воплотить в жизнь.

Полагаем, что именно вопросы самореализации талантов современной молодежи могут стать приоритетами развития государственной молодежной политики в будущем. Так как сфера занятости опирается на внутренние мотивы и готовность молодых людей реализовывать то, что уже у них есть, опираться на внутренние ориентиры и использовать внешние возможности для своей собственной профессиональной реализации.

Выводы

Проведенное нами исследование выявило высокий уровень трудовой мобильности российской молодежи. Они готовы:

- повышать квалификацию, узнавать новое, но не переобучаться заново;
- реализовывать себя в другом регионе или другой профессиональной нише;
- работать удалённо или дистанционно;
- быть самозанятым / работать по временному трудовому договору;
- работать на себя (цифровое пространство активно этому способствует).

Функции трудовой деятельности опираются на задачи самореализации и самораскрытия талантов, узнавания чего-то нового, постоянного обучения и усвоения новых условий и форм жизни в цифровом мире. Этому способствует высокая адаптивность и мобильность молодого поколения для освоения новых ориентиров. Более проявлены данные тенденции у учащейся молодежи (18–24 года), молодежь более старшего возраста (25–35 лет) менее разнообразно адаптируется, но также активно осваивает новые формы и условия жизни виртуального мира и цифрового социально-го моделирования реальности.

Для оптимального использования трудового потенциала молодежи государственным органам необходимо:

- понимать потребности современной молодежи в условиях цифрового мира;
- исследовать ценности, мотивы и смыслы жизни новых и новых поколений молодых людей и на их основе строить мотивационную структуру новых компетенций, навыков и знаний будущих специалистов;
- учитывать предрасположенность молодежи к гибким и мобильным стратегиям социальной адаптации к профессиональным трансформациям;
- корректировать трудовые установки школьников и студентов с целью формирования актуальных ценностей трудовой деятельности в новых меняющихся условиях жизни;
- формировать новые образовательные программы и стандарты с учетом потребностей и специальностей нового времени.

Выделенные направления являются общим ориентиром социального прогно-

зирования и моделирования будущего развития страны. Более конкретные смыслы и реальные программы развития и поддержки образовательных учреждений необходимо разрабатывать, апробировать и внедрять уже сейчас, для того чтобы в будущем – они выдавали более подготовленных к цифровому рынку труда специалистов. Это стратегия образовательных трансформаций на ближайшее будущее.

Литература

1. Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 76–79.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. С. 152–156.
5. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. – С. 57–64.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X

- Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2024. – С. 129–132.
7. Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
 8. Евдокимова А.С. Ценностные ориентации студенческой молодежи как фактор экономической социализации личности // Психолог. 2019. № 6. С. 17–26. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31384
 9. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
 10. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
 11. Журавлёва И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
 12. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Том 6. № 3. С. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
 13. Забелина О.В., Мальцева А.В., Мирзабалаева Ф.И. Влияние цифровизации экономики на сохранение занятости и готовность работающего населения к опережающему обучению // Креативная экономика. 2019. № 6. с. 1235–1252. doi: 10.18334/се.13.6.40726.
 14. Забелина О.В., Мальцева А.В., Мирзабалаева Ф.И. Установки работающего населения России на непрерывное профессиональное образование // Креативная экономика. 2019. № 4. с. 773–790. doi: 10.18334/се.13.4.40532
 15. Кошарная Г. Б., Корж Н.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
 16. Мозулев С.Н., Санин Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023.Т.14. № 2. С. 536–546
 17. Пакина Т.А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029–3736–2014–0–3–120–131>
 18. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
 19. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
 20. Поплавская А.А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
 21. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. No 1. С. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869–3617–2019–28–1–57–63>.
 22. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
 23. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
 24. Стребков Д. О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной

- и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&-jn=socis&jn=socis&jid=6518
25. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // *Baikal research journal*. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689
 26. Хаустов Д.С., Гуляева А.И. Молодежный рынок труда: проблемы социальной адаптации // *Экономика и предпринимательство*. 2024. № 2 (163). С. 296–300.

LABOR ORIENTATIONS OF YOUTH: VIRTUAL CONDITIONS

Baev P.A., Kopalkina E.G.

Baikal State University of Economics and Law

The article considers the peculiarities of labor market formation in modern conditions of society digitalization. The peculiarities of young people's labor values in modern conditions of life virtualization are highlighted. The prospects of the labor market development are outlined, under the influence of mobility and flexibility of young people in the sphere of labor motives, their readiness for remote employment, freelancing, as well as significant orientations to self-employment. The basis of labor transformations in the conditions of digitalization is the need for self-actualization, which can find additional forms of disclosure under new living conditions.

Keywords: youth, labor, labor orientations, virtuality, labor market, employment.

References

1. Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherкина I.F. Motives and labor values of young people: paradoxes of development // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2018. No. 3. P. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // *Global and regional influences in the system of modern societies*. Collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
3. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions*. Materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vol NC RAS, 2021. – pp. 76–79.
4. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // *In search of social truth*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. P. 152–156.
5. Baev P.A. Economic well-being of youth's ideological attitudes // *Sociology*. 2024. No. 2. – P. 57–64.
6. Baev P.A. What are Russian youth proud of and ashamed of? // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2024. – P. 129–132.
7. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on Rosstat sample survey materials) // *News of the Baikal State University*. 2022. Т. 32, No. 1.
8. Evdokimova A.S. Value orientations of student youth as a factor in the economic socialization of the individual // *Psychologist*. 2019. No. 6. P. 17–26. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.31384
9. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*. 2019. No. 6. P. 31–34.
10. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 279–286.
11. Zhuravleva I.A. Social framework of educational and labor prospects for Russian youth // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. P. 264–274.
12. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labor attitudes of Russian youth and state assistance in the development and implementation of their labor potential // *Labor Economics*. 2019. Volume 6. No. 3. pp. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
13. Zabelina O.V., Maltseva A.V., Mirzabalaeva F.I. The impact of digitalization of the economy on maintaining employment and the readiness of the working population for advanced training // *Creative Economy*. 2019. No. 6. p. 1235–1252. doi: 10.18334/ce.13.6.40726.
14. Zabelina O.V., Maltseva A.V., Mirzabalaeva F.I. Attitudes of the working population of

- Russia towards continuous professional education // *Creative Economy*. 2019. No. 4. p. 773–790. doi: 10.18334/ce.13.4.40532
15. Kosharnaya G. B., Korzh N.V. Value orientations of student youth in the labor sphere // *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2013. No. 2. P. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
 16. Mozulev S.N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // *Baikal research journal*. 2023.T.14. No. 2. pp. 536–546
 17. Pakina T.A. Labor values and attitudes of modern students (based on sociological research) // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2014. No. 3. P. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
 18. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // *Sociology*. 2024. No. 2. P. 121–127.
 19. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // *Sociodynamics*. 2016. No. 10. P. 37–44.
 20. Poplavskaya A.A. Factors in the formation of internal and external labor values of students of Russian universities // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2022. No. 2. pp. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
 21. Retivina V.V. Labor values and attitudes of modern student youth // *Higher education in Russia*. 2019. T. 29. No. 1. P. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
 22. Skudenkov V.A. Transformation of the life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 341–344.
 23. Skudenkov V.A. Economic claims in conditions of mobilization // *Sociology*. 2022. No. 5. P. 80–87.
 24. Strebkov D. O., Shevchuk A.V. Labor values of independent and organizational employment // *Sociological studies*. 2017. No. 1. P. 81–93. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6518
 25. Terekhova T.A., Gaevskaya L.G. The system of meaning-forming activity of the individual in the context of the metasystem approach // *Baikal research journal*. 2023. T.14. No. 2. pp. 680–689.
 26. Khaustov D.S., Gulyaeva A.I. Youth labor market: problems of social adaptation // *Economics and entrepreneurship*. 2024. No. 2 (163). pp. 296–300.

Особенности ухода за пожилыми в сельской местности на фоне быстрой урбанизации в Китае

Ван Юаньсин,

аспирант кафедры современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: w942208@gmail.com

Старение населения является глобальным трендом, который оказывает значительное влияние на Китай. По мере того, как все больше людей достигает пенсионного возраста, возникает острая необходимость в обеспечении надлежащего ухода за пожилыми, особенно в сельской местности, где проживает большая часть пожилого населения страны. Традиционно в Китае за пожилыми людьми ухаживают их дети и другие члены семьи. Однако экономические и социальные изменения последних десятилетий привели к тому, что многие молодые люди мигрируют в города в поисках работы, оставляя своих пожилых родителей без надлежащего ухода. Это привело к кризису ухода, который оказывает серьезное влияние на благополучие сельских пожилых людей.

Данная статья рассматривает эволюцию подходов к уходу за пожилыми в Китае, начиная с традиционной модели, основанной на семье, до современных институционализированных моделей. Статья также представляет результаты исследования, проведенного в сельской местности Китая, которое анализирует различные аспекты жизни пожилых людей, включая доходы, работу, медицинское обслуживание, быт и культурный досуг.

Исследование выявило ряд серьезных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди в сельской местности Китая, включая низкие доходы, ограниченные возможности трудоустройства, недостаточное медицинское обслуживание, отсутствие удобств и ограниченный доступ к культурным мероприятиям. Эти проблемы подчеркивают необходимость принятия мер по поддержке пожилых людей, включая расширение доступа к экономическим ресурсам, улучшение медицинского обслуживания и создание дружелюбной для пожилых людей среды.

Ключевые слова: уход за пожилыми, быт пожилых, село, урбанизация, Китай, постиндустриальное общество.

С ускорением процессов экономической глобализации и урбанизации Китай переживает социальную революцию, которая одновременно трансформирует социальную структуру, семейные традиции, а также меняет образ жизни людей и их ценностные установки. Согласно данным седьмой Всекитайской переписи населения, к 2022 году 149 городов страны уже вступили в стадию «глубокого старения населения»¹. Население в возрасте 60 лет и старше превысило 250 миллионов, составляя 18% от общего числа населения; количество людей в возрасте 65 лет и старше достигло 137,55 миллиона человек, или 10,1% от общего числа населения, впервые превысив 10% (...). Высокий темп старения населения оказывает все большее давление на правительство, ставя его перед необходимостью думать над созданием многообразных форм ухода за пожилыми людьми в сельской местности². По статистическим данным, к концу 2008 года в Китае насчитывалось 37 623 учреждения социального обслуживания для пожилых людей с 2,45 миллионами мест, что вместило бы в себя всего 1,5% населения старше 60 лет. Данное число ниже, чем в развитых (5–7%) и некоторых развивающихся странах (2–3%)³. В настоящее время в некоторых сельских районах Китая существует дисбаланс между предложением и спросом в области ухода за пожилыми людьми, что серьезно сказывается на качестве их социального обеспечения и проявляется,

¹ Wu Jiayi, Zhao Weiyang, Wang Yifei, Xia Tingting. SWOT Analysis of Home-based Elderly Care Models for Rural Dementia Patients. *General Nursing*, 2023, 21(26): 3737–3739.

² Chen Wei. Innovative Research on Rural Elderly Care Service Models Under the Guidance of the Integration of Medical and Elderly Care Concepts. *Agricultural Economy*, 2023, (09): 94–95.

³ Lu Jiehua, Feng Yuxin. Community Home-based Elderly Care Service Models, Challenges, and Development Directions in Rural Areas. *China National Conditions and Strength*, 2023, (09): 4–8.

в частности, в однообразии моделей ухода и недостаточной поддержке пожилых.

На данный момент в мире существует множество успешных примеров ухода за пожилыми людьми, которые можно использовать в качестве ориентира. Например, Япония и Германия смягчают социальное давление, вызванное старением населения, путем продвижения мер по уходу за пожилыми людьми в специальных сообществах помощи. Китай может заимствовать данные практики. Китайское правительство и общественные организации активно принимают меры по модернизации моделей ухода за пожилыми, подчеркивая важность «активного национального стратегического ответа на старение населения»⁴ и предлагая ряд комплексных многоуровневых планов построения системы услуг в данной сфере⁵. Уход за пожилыми людьми в сельской местности в новую эпоху не ограничивается удовлетворением основных материальных и медицинских потребностей, он также имеет своей целью повышение качества жизни пожилых людей и их эмоциональную поддержку. Однако традиционная модель домашнего ухода за пожилыми в сельской местности, которая зависит от местоположения, состава семьи и характера родственных связей, сталкивается с беспрецедентными вызовами на фоне значительных социальных изменений. С оттоком молодых и работоспособных людей среднего возраста из сельских районов и уменьшением размера семей традиционные ресурсы домашнего ухода за пожилыми сокращаются, усиливая противоречия между предложением и спросом на услуги по уходу за пожилыми⁶. Для лучше-

⁴ Мнение Верховного народного суда Китайской Народной Республики о предоставлении судебных услуг и гарантий для реализации национальной стратегии активного реагирования на старение населения.

⁵ Mu Minna. Retirement But Not Withdrawn: A Study on the Transition of Rural Elderly Care Models – A Case Study of Rural Areas in Eastern China. *Journal of Shanxi Agricultural University* (Social Science Edition), 2023, 22(05): 87–95.

⁶ Zeng Quanhai, Wang Lumeng. Construction and Optimization of a Multi-level Elderly Care Security System in Rural Areas. *Decision and Information*, 2023, (09): 78–87.

го понимания исследуемой темы следует рассмотреть эволюцию форм ухода за пожилыми людьми в Китае.

Историческое развитие моделей ухода за пожилыми людьми в сельской местности Китая

Истоки семейного ухода за пожилыми берут начало во второй половине XX века. Со времени основания Нового Китая в сельских районах страны произошли глубокие изменения в политической, экономической и культурной сферах. Однако ведущую роль продолжала играть традиционная семейная система ухода за пожилыми⁷. Основной причиной этого является тот факт, что крестьяне получали средства производства и основной источник своего дохода от сельскохозяйственной деятельности только в рамках своей семьи⁸.

Уход за пожилыми неразрывно связан с семьей. Конституция 1954 года устанавливала право трудящихся на материальную помощь в случае болезни, старости или утраты трудоспособности⁹. Однако с точки зрения реализации эта норма применялась в основном к городским работникам, и крестьянское население еще не пользовалось преимуществами данной политики. Поэтому в то время уход за пожилыми людьми в сельской местности основывался на семейной поддержке, и лишь небольшое количество одиноких и особо нуждающихся пожилых людей получали социальную помощь, например, в домах престарелых или благотворительных учреждениях¹⁰.

⁷ Building a New Model of Rural Elderly Care Services by Filling the Short Board. *China Civil Affairs*, 2023, (16): 34–35.

⁸ Xiao Lin. Actively Responding to Rural Population Aging with Mutual Aid Elderly Care: Practice Status, Core Experiences, and Social Benefits – Based on a Field Survey in a Central Township. *Journal of Yunnan Nationalities University* (Philosophy and Social Sciences Edition), 2023, 40(05): 96–104.

⁹ Li Jialei, Yan Meiqiao, Fang Zicheng. Research on the Diversified Development of the Rural Elderly Care Industry Based on Surveys. *International Public Relations*, 2023, (15): 146–148.

¹⁰ Zhu Feifei. Optimization of Rural Family Elderly Care Models and Their Pathways under the Rural Revitalization Strategy. *Journal of Suzhou University*, 2023, 38(08): 26–31.

С 1957 года начинается создание системы народных коммун, что приводит к коренным изменениям в политическом и экономическом устройстве сельских районов. Сельские районы начали переходить к этапу, где основную роль играло распределение материальных благ, а поддержка в виде наличных денег выступала в качестве дополнения¹¹. В некоторых районах даже началась практика пенсионного обеспечения крестьян: после более чем 10 лет участия в коллективной работе мужчины-члены коммуны в возрасте 65 лет и женщины-члены коммуны в возрасте 60 лет имели право на получение пенсии¹². На этом этапе уход за пожилыми людьми в сельской местности перешел к коллективной модели, а масштабы семейного ухода сократились.

После начала реформ в Китае была внедрена система домохозяйственных контрактов с семейным производством, благодаря которой крестьяне получили право на самостоятельное ведение сельского хозяйства, а также право на трудовую миграцию. В этот период семейный уход за пожилыми людьми постепенно начал возвращаться¹³. Общины перестали нести ответственность за уход за пожилыми крестьянами, но из-за массового выезда трудоспособного населения в города сельские районы столкнулись с «вымиранием» населения, и пожилым людям приходилось самостоятельно заниматься сельскохозяйственными работами и уходом за собой. Под влиянием рыночной экономики начали слабеть традиционные представления о почитании старших, а дома престарелых и благотворительные учреждения стол-

кнулись с трудностями из-за упадка коллективного обеспечения¹⁴.

После 2000 года Китай вошел в этап стратегического развития городов и сельских районов. Государство внедрило ряд поддерживающих мер в области ухода за пожилыми и пенсионного обеспечения. Китайский государственный совет предложил «установить механизм ухода за пожилыми, основанный на семейном уходе, с опорой на услуги заботы о пожилых в сообществе и дополненный социальным уходом». «Решение об укреплении работы с пожилыми» является важным этапом социализации ухода за пожилыми в Китае, формируя «старость с медицинской помощью, уходом, образованием, занятиями, обучением и развлечениями», и создавая «всеохватывающую, многоплановую, более справедливую и устойчивую систему социального обеспечения»¹⁵. В настоящее время уход за пожилыми не является бременем для семьи или индивида, а несетя ими совместно с коллективом и государством, при этом государственные субсидии постоянно увеличиваются¹⁶.

Влияние урбанизации на модель ухода за пожилыми в сельской местности Китая

Процесс урбанизации, приводящий к изменению экономической структуры, миграции населения и трансформации культурных ценностей, оказал значительное влияние на ситуацию ухода за пожилыми в сельской местности. В результате массового оттока рабочей силы в сельской местности произошли коренные изменения структуры населения. По данным Государственного статистического управления Китая, уровень урбанизации

¹¹ Gong Shile, Yang Yongbing, Lei Guoqing, Fan Jiabin, Liang Jiayin, Wang Xiaoyun. Analysis of Participation Willingness and Influencing Factors in Rural Mutual Aid Elderly Care Model: A Case Study of Fen Yi County in Jiangxi Province. *Modern Commerce and Trade Industry*, 2023, 44(21): 116–118.

¹² Xiao Lin. Value Reconstruction of Rural Left-Behind Elderly in the Mutual Aid Elderly Care Model. *Journal of Nanjing Agricultural University* (Social Sciences Edition), 2023, 23(04): 130–138.

¹³ Wu Qiong. SWOT Analysis of the Development of Smart Elderly Care Service Models in Rural Areas under the Background of Active Aging. *Journal of Tangshan Normal University*, 2023, 45(04): 107–111.

¹⁴ Wei Lirong, Wang Can. Practical Exploration and Reflection on Rural Elderly Care Models: A Case Study of the “Filial Piety Canteen” Project in Village X, Shanxi Province. *Leadership Science Forum*, 2023, (07): 105–108+113.

¹⁵ Ежегодник статистических данных Китая за 2022 год.

¹⁶ Yue Xiu Zhao, Zou Nian. Exploration of Rural Elderly Care Issues from the Perspective of Social Resource Theory. *Sichuan Labor Security*, 2023, (06): 77–78.

в Китае в 2020 году достиг 63,89%, что указывает на стремительное разворачивание этого процесса¹⁷. Изменение не только количественное – оно отражает более глубокую социальную структурную трансформацию: от относительно статичного общества к обществу с высокой мобильностью. С начала реформ миграция населения в Китае показала «взрывной» рост. В 2020 году количество мигрантов увеличилось на более чем 150 миллионов по сравнению с 2010 годом, причем масштабы внутрипровинциальной и межпровинциальной миграции увеличились на 85,35 и 45,13% соответственно¹⁸. Массовая миграция населения из сельских районов в города, хотя и предоставила людям больше возможностей для развития, но одновременно оказала сильное воздействие на ресурсы ухода за пожилыми в сельской местности.

По мере развития экономики и общества размер семейных хозяйств в Китае постоянно сокращается – со среднего размера в 4,4 человека в начале 1980-х годов до 2,62 человека в 2020 году¹⁹. Это изменение напрямую связано с распределением ресурсов ухода за пожилыми, поскольку в Китае семья по-прежнему является основным источником поддержки пожилых. Отток рабочей силы из сельских районов также является серьезной социальной проблемой. С уходом молодых и среднего возраста людей с более высоким уровнем образования проблема старения населения в сельских районах становится еще более острой. В сельских районах возникает большое количество «групп по уходу» за пожилыми, которые остаются без присмотра дома и не могут нормально участвовать в сельскохозяйственной деятельности²⁰. Это не только

влияет на производительность сельского хозяйства, но и порождает вызов для социальной стабильности.

С развитием урбанизации изменение политики перераспределения и изъятия земель изменило образ жизни крестьян, ослабило их экономическую безопасность, увеличило экономическую нагрузку на уход за пожилыми, что привело к утечке ресурсов ухода за пожилыми из сельской местности в города. В результате этого старшие жители сельской местности все больше зависят от нестабильной системы социального обеспечения и поддержки сторонних сообществ. В то же время процесс урбанизации привел к неравномерному развитию системы ухода за пожилыми в сельской местности. В городах система ухода и услуги по уходу за пожилыми более совершенны, в то время как в сельской местности эта сфера недостаточно развита. Поэтому пожилым людям в сельской местности трудно получить уровень ухода, сопоставимый с городскими пожилыми людьми, что усиливает неравенство между городом и селом²¹.

С 1990-х годов с ускорением процессов урбанизации и индустриализации в Китае увеличился масштаб миграции сельского населения в города. Изменения в темпах рождаемости повлияли на возрастную структуру населения в городах и сельских районах. Согласно данным статистики, в 2016 году²² доля населения в возрасте 65 лет и старше в сельской местности и городах Китая составляла 12,53 и 9,60% соответственно, уровень старения населения в сельской местности значительно выше, чем в городах. В то же время численность пожилого трудоспособного населения в сельской местности и городах состав-

¹⁷ Tian Yutong, Zhang Yan, Gao Mengke, Gao Yue, Wu Lanxin, Meng Lixue. Construction and Implications of the Rural Elderly Care Ecological Resource Supply Model from an Integrated Perspective. *Nursing Management Journal*, 1–5.

¹⁸ Ежегодник статистических данных Китая за 2022 год.

¹⁹ Ежегодник статистических данных Китая за 2022 год.

²⁰ Jiang Yu, Xu Chenghua. Dilemmas and Prospects of Rural Native Elderly Care Models: A Study

Based on the Transformation of Transitional Housing for the Elderly in Zhangjiagang's Rural Areas. *Journal of Southeast University (Philosophy and Social Sciences)*, 2023, 25(S1): 174–177.

²¹ Ban Tao. Operation and Optimization of Rural Social Elderly Care Models from the Perspective of Welfare Governance Community: Discussing the Localization of Developmental Welfare Production. *Humanities Magazine*, 2023, (06): 130–140.

²² Ежегодник статистических данных Китая за 2022 год.

ляло 18,37 и 12,68% соответственно, что указывает на значительно более высокую нагрузку на программы ухода за пожилыми в сельской местности по сравнению с городами. Массовая миграция молодежи и населения среднего возраста в города снижает степень старения населения и необходимость ухода за пожилыми в городах, но одновременно увеличивает степень старения населения и необходимость ухода за пожилыми в сельской местности, усугубляя проблемы, которые можно обозначить как «старение до достижения благосостояния» и «старение без подготовки» в сельской местности.

Из-за существующих системных препятствий большинство сельских жителей, переехавших в города, не могут в полной мере получить такие же права, как у городских жителей. Это касается областей трудоустройства, жилья, социального страхования, медицинского обслуживания и образования. Они могут лишь продавать свою рабочую силу ради кратковременного пребывания и выживания в городах. После истощения сил и старения в городах «возвращение в родные места» становится выбором для большинства сельских мигрантов среднего и старшего возраста. Очевидно, эти два противоположных направления миграции сельского населения приводят к тому, что доля молодого населения и населения среднего возраста в сельской местности постоянно снижается, а доля пожилого населения постоянно увеличивается, повышая старение населения в сельской местности. Существует внутренняя связь между изменением рождаемости среди мигрирующего сельского населения и старением населения в сельской местности.

Сельские мигранты сталкиваются с проблемами «незаконного» и «сверхнормативного» рождения детей²³. Они используют миграцию для того, чтобы обойти ограничения политики планового деторождения, создавая множество трудностей для политического управ-

ления составом семьи в городах, куда они переезжают. Однако главная цель урбанизационной миграции не в уходе от планового деторождения, а в поиске большего количества возможностей для трудоустройства и улучшения уровня жизни. Когда сельские мигранты переезжают в города, их представления о рождаемости, такие как желание иметь детей и решения об их рождении значительно трансформируются под влиянием экономических, социальных, психологических и культурных факторов. «Высококачественное» рождение, «хорошее воспитание» и «меньшее количество детей» постепенно становятся их основным репродуктивным образцом. Таким образом, уровень рождаемости среди сельских мигрантов, переехавших в города, в конечном итоге не увеличивается, а снижается, что приводит к снижению общего уровня рождаемости в сельских районах и усугублению старения населения.

Сельские общины как носители богатой истории и культуры сформировали уникальную систему ценностей. Эти ценностные представления глубоко влияют на жизненную философию крестьян, особенно на их отношение к пожилым людям и способам ухода за ними. Крестьяне чтут старших членов семьи, следуют семейным традициям и верят, что это основа для поддержания стабильности в семье и обществе. Уважение к старшим, как важная часть китайской культуры, имеет особое значение в сельской местности, являясь важным связующим звеном между членами семьи. Уважение к старшим не ограничивается материальной поддержкой, оно также включает духовную поддержку и культурное наследие семьи, подчеркивая ответственность и взаимопомощь между её членами.

С течением времени, с миграцией рабочей силы и увеличением различий между городом и селом, сельские общины сталкиваются с двойным давлением: старением населения и оттоком молодого работоспособного населения. Это изменение оказывает большое давление на традиционную

²³ Li Jing. Exploring New Models of Rural Elderly Care Services in the Process of China's Modernization. China Civil Affairs, 2023, (11): 33.

модель семейного ухода за пожилыми и выявляет недостатки системы социального обеспечения в сельской местности. Перераспределение экономических интересов и трансформации в социальных отношениях также приводят к глубоким изменениям в традиционных сельских общинах, основанных на кровном и местном родстве. Взаимопомощь и сплоченность среди сельских жителей ослабевает, уступая место более практичным экономическим и в некотором роде эгоистическим соображениям. Эти изменения не только отражают прогресс и тенденции развития общества, но и предьявляют новые вызовы и требования к реформе системы ухода за пожилыми в сельской местности. Вопрос о том, как сохранить традиционную культурную сущность сельской местности и в то же время удовлетворить потребности современного общества, найдя модель ухода за пожилыми, соответствующую новой эпохе, становится насущной задачей.

Анализ ситуации с уходом за пожилыми людьми в сельской местности на фоне урбанизации в Китае на примере города Цзямусы

Для более полного понимания текущего состояния и проблем модели ухода за пожилыми в сельской местности на фоне урбанизации в Китае нами был выбран метод опроса через сеть Wjx.cn²⁴. Этот сервис позволяет пользователям получить доступ к предварительно отобранной выборке респондентов, которые обычно классифицируются по определенным критериям или требованиям. Исследователи или компании могут использовать этот сервис для рассылки опросов целевой аудитории для сбора данных и их анализа. Служба выборки особенно полезна для исследовательских проектов, требующих специфической демографии или регионального охвата, поскольку она может помочь обеспечить репрезентативность и точность результатов опроса.

²⁴ Китайская служба выборки Wenjuanxing. – URL: <https://www.wjx.cn/login.aspx>

Опрос проводился с 01 сентября по 30 ноября 2023 года. С помощью Wjx.cn среди населения сельских районов города Цзямусы было собрано 2000 анкет, из них 220 были признаны непригодными, и 1780 анкет были признаны действительными, что составляет 89% от общего числа и позволяет использовать их для исследований (табл. 1).

Таблица 1. Демографические характеристики респондентов

Демографические характеристики	Количество респондентов
Возраст	
50–55 лет	311
56–60 лет	598
61–65 лет	795
66–70 лет	61
Старше 70 лет	15
Пол	
Мужской	711
Женский	1069
Образование	
Без образования	429
Начальное образование	801
Среднее образование	307
Среднее специальное образование	123
Неполное высшее образование	91
Высшее образование	29
Послевузовское образование	0

27% опрошенных пожилых людей считают, что их основным источником дохода является обычный труд, 19% полагаются на своих детей, 7% живут на свои накопления, 8,4% считают иные источники основным средством существования. Среди сельских пожилых людей наблюдается высокий уровень участия в пенсионном страховании. 33,3% пожилых людей участвуют в пенсионном страховании, 2,2% участвуют в коммерческом страховании, а 3,3% пожилых людей не участвуют ни в каких страховых программах.

Пока пожилые люди сохраняют способность и физическую силу для занятия производственным трудом, они выбирают продолжение трудовой деятельности. 19,8% пожилых людей больше не занимаются трудовой деятельностью из-за плохого состояния здоровья, 42,1% пожилых людей в основном заняты в сельском хозяйстве, например, ведут земледелие, 7,8% пожилых людей работают на стройках, но это крайне небольшая часть, и они могут работать только при хорошем состоянии здоровья, при этом они также выполняют лишь легкие работы, 26,7% пожилых людей выполняют физический труд дома, например, простую бытовую работу, ручной труд и т.д.

Медицинское обслуживание и здоровье – это то, что беспокоит многих пожилых людей в сельской местности. С возрастом у пожилых людей снижается иммунитет и устойчивость к болезням, что делает их более восприимчивыми к заболеваниям. Поэтому спрос на медицинские ресурсы среди пожилых людей выше. 70,7% пожилых людей страдают от различных заболеваний, из которых 27,8% имеют одно заболевание, 42,2% – два, 19% – три, и 11,8% страдают от трех и более заболеваний. По классификации медицинских учреждений, наиболее частые заболевания среди пожилых людей в сельской местности – это высокое кровяное давление, сердечные заболевания, ревматоидный артрит, диабет, пролапс межпозвоночного диска и т.д. Однако эти больные пожилые люди из-за далекого расстояния и высокой стоимости медицинского обслуживания часто обращаются за медицинской помощью только тогда, когда становится невозможно терпеть боль и дискомфорт.

Из-за близкого расположения и более низких медицинских расходов

78,6% пожилых людей обычно обращаются за помощью в сельскую больницу, 53,9% – в больницу на уровне поселения, 28% – в окружную больницу, и только 9% обращаются в провинциальную больницу для обследования и лечения в случае серьезных заболеваний. Таким образом, расстояние до больницы и стоимость лечения определяют, в какое медицинское учреждение обратится пожилой человек.

Быт пожилых обычно включает в себя два аспекта: с одной стороны, это обеспечение основных жизненных потребностей, таких как ежедневное питание, одевание, посещение туалета, купание и простые домашние дела; с другой стороны, это комплексная способность к самообслуживанию в повседневной жизни, например, посещение соседей, самостоятельные покупки, стирка, готовка и самостоятельное пользование общественным транспортом и т.д.

Согласно полевому исследованию, 55% пожилых людей способны ухаживать за собой в повседневной жизни и могут жить самостоятельно, 25,8% пожилых людей нуждаются в периодической помощи из-за слабой способности к уходу за собой, 11% пожилых людей могут делать только простые вещи и нуждаются в постоянном сопровождении и уходе, а 17% пожилых людей полностью не способны обслуживать себя.

Как показано на рис. 1 55,6% опрошенных пожилых людей полагаются на заботу супруга в повседневной жизни, 29,3% пожилых людей способны самостоятельно ухаживать за собой, 10,2% пожилых людей нуждаются в уходе со стороны детей, и 9,5% пожилых людей полагаются на помощь родственников или других людей, таких как сельский совет, соседи, медицинский персонал и т.д.

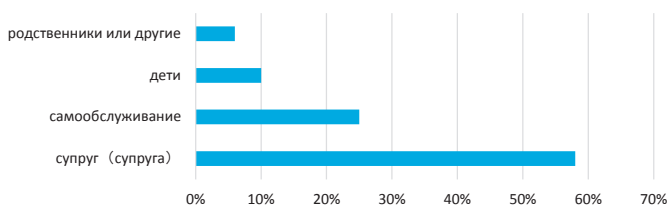

Рис. 1. Кто ухаживает за пожилыми людьми

Пожилые люди в сельской местности часто живут отдельно от своих детей на постоянной основе, и у них редко есть возможность встретиться с детьми, поэтому они испытывают дефицит общения. К тому же, инфраструктура развлечений в сельской местности значительно отстаёт от городской, что делает свободное время пожилых людей еще более унылым и скучным. Согласно опросу, многие молодые люди выбирают работать вне дома и возвращаются только на новогодние праздники, некоторые пожилые люди даже не видят своих детей в течение двух лет, а когда дети возвращаются домой, они редко остаются дома, так что время, проведенное с пожилыми

людьми, очень сильно сокращается, что приводит к эмоциональному дефициту у многих пожилых людей.

Опрос показал, что 35,3% пожилых людей обычно проводят время, смотря телепрограммы или слушая радио, 75,9% пожилых людей иногда посещают соседей, беседуют с друзьями и родственниками. 38,8% пожилых людей убивают время, играя в карты. 68,1% пожилых людей любят беседовать с соседями, 58,7% предпочитают сидеть на улице (рис. 2). В целом, повседневная социальная жизнь пожилых людей довольно однообразна, а возможности развлечений ограничены.

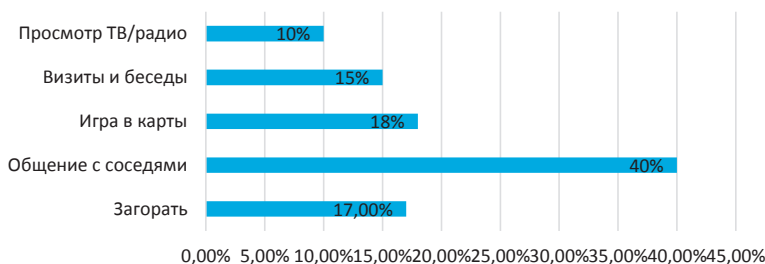

Рис. 2. Как проводят время пожилые?

Как правило, дети заняты работой и только изредка звонят родителям, но в разговорах ограничиваются лишь заботой о физическом состоянии старших, редко интересуясь их внутренними переживаниями. Пожилые люди поступают так же, не желая вызывать беспокойство у детей, живущих вдали, и не хотят доставлять им хлопот, поэтому редко делятся своими проблемами.

влекательных мероприятий во многом зависит от условий в общине. В целом, пожилые люди в сельской местности получают меньше эмоциональной поддержки от своих детей и испытывают недостаток личного внимания и утешения.

Согласно данным опроса, только 32,8% пожилых людей активно рассказывают о своих проблемах детям, в то время как 54,3% обсуждают их с супругом, среди одиноких 25% склонны жаловаться соседям, 18,1% делятся с ровесниками, и только 10,3% общаются с внуками (рис. 3).

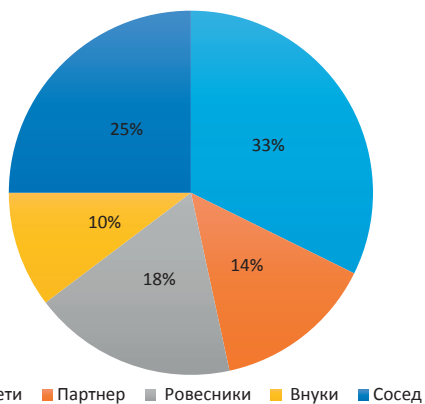

Рис. 3. С кем проводят время пожилые?

Помимо компании детей, пожилые люди также могут обогатить свою жизнь в старости через участие в общественных мероприятиях и другие различные формы развлечений. Возможность проведения социально-культурных и раз-

Модели пенсионного обеспечения

Согласно данным опроса, в настоящее время основные модели пенсионного обеспечения в городе Цзямусы следующие: модель проживания в одиночестве, семейная модель пенсионного обеспечения и модель пенсионного обеспечения за счет страхования.

Большинство пожилых людей в городе Цзямусы живут одни. Среди этой группы пожилых людей некоторая часть субъективно надеется на получение качественных услуг по уходу за пожилыми, но из-за традиционных взглядов они вынуждены «плыть по течению». В настоящее время многие пожилые люди заботятся о своей повседневной жизни сами или с помощью супругов. С одной стороны, пожилые люди не хотят быть обузой для своих детей, потому что те работают вдали или не живут с родителями. С другой стороны, образ жизни меняется, дети, которые ранее жили с пожилыми, также меняются, молодые люди предпочитают создавать свои семьи и жить отдельно от пожилых. Поэтому отношения между отцами и детьми больше проявляются в эмоциональном общении, а не в повседневной жизни. Когда у пожилых людей нет другого выхода, они обычно полагаются на себя в решении насущных задач. Иногда самообслуживание и самостоятельный уход за собой достигаются за счет снижения их уровня жизни или ограничения их внутренних потребностей.

«Семейный режим пенсионного обеспечения» является распространенной среди пожилых людей идеей. Целью является обеспечение пенсионного содержания пожилым людям за счет семейного пенсионного фонда после того, как их дети достигнут старости. Семейное пенсионное обеспечение в сельской местности имеет уникальное значение, так как большинство крестьян считает, что это наименее рискованный и наиболее надежный способ пенсионного обеспечения в традиционной системе. Такие взгляды в сельской местности имеют тысячелетнюю историю и глубоко укоренены. Семейные услуги по уходу за по-

жилыми людьми – это организационная модель общинного пенсионного обеспечения, обеспечивающая своевременную экономическую поддержку, базовые условия ухода за жизнью, питание и духовную поддержку нуждающимся пожилым людям.

В начальный период новейшей истории, после основания страны, система народных коммун в сельской местности нарушила традиционную функцию семейного обеспечения, большее значение имела коллективная ответственность за пенсионное обеспечение крестьян. Позже функции семейного и земельного обеспечения в сельской местности были восстановлены. В настоящее время реализуется семейная поддержка и правительственная модель распределения земельных ресурсов.

Новая государственная система сельскохозяйственного страхования – это мера по корректировке пенсионных начислений, которая сочетает в себе унифицированную базовую пенсионную выплату и увеличение пенсионного обеспечения индивидуальных счетов. Предоставляется регулярная субсидия на базовые пенсионные счета; реализуется метод субсидирования, сочетающий личные субсидии сельских жителей, коллективные субсидии и субсидирование фондов различных уровней правительства, а средства, уплачиваемые фермерами, субсидируются местным правительством.

В сельских районах Цзямусы большую часть населения составляет возрастная группа от 50 до 59 лет, при этом уровень участия в новой системе пенсионного страхования в сельской местности невелик, и покрытие новой пенсионной системы недостаточно. В 2021 году среднегодовая пенсия на душу населения составляла 758 юаней, а в 2022 году – 696 юаней, что значительно ниже потребностей в базовом пенсионном обеспечении в сельской местности. С развитием национальной политики и ростом осознания значимости страхования среди населения некоторые прогрессивно мыслящие пожилые люди начинают покупать коммерческие страховки для до-

полнения своих пенсионных накоплений. Согласно опросам, из 500 участников уже 112 приобрели коммерческие страховые продукты, преимущественно страховку с дивидендами и аннуитет. Средний годовой страховой взнос составляет около 3000 юаней на человека. Хотя это и не приносит особенно больших доходов, тем не менее это дает надежду на достойную жизнь в старости пожилым людям в сельской местности.

Подводя итог можно сказать, что исследование различных аспектов жизни пожилых людей в сельской местности Китая выявило ряд существенных проблем, которые влияют на их благополучие. Низкие доходы, ограниченные возможности трудоустройства, недостаточное медицинское обслуживание, отсутствие удобств и ограниченный доступ к культурным мероприятиям представляют собой серьезные трудности для пожилых граждан.

Эти аспекты тесно связаны между собой и оказывают значительное влияние на общее качество жизни пожилых людей. Низкие доходы ограничивают их доступ к надлежащему питанию, жилью и медицинской помощи. Ограниченные возможности трудоустройства приводят к экономической зависимости и чувству ненужности. Недостаточное медицинское обслуживание оставляет их уязвимыми перед заболеваниями и снижает их способность вести активный образ жизни. Отсутствие удобств делает повседневные задачи трудными и ограничивает их мобильность. Ограниченный доступ к культурным мероприятиям лишает их возможности участвовать в общественной жизни и поддерживать связь с другими людьми.

Эти проблемы подчеркивают необходимость принятия мер по поддержке пожилых людей в сельской местности Китая. Молодые поколения должны взять на себя ответственность за своих пожилых родственников, обеспечивая им финансовую и эмоциональную поддержку. Правительство должно внедрить политики, направленные на повышение доходов, расширение доступа к здравоохранению и улучшение жизненных

условий пожилых людей. Сообщества должны создавать дружелюбную для пожилых людей среду, предоставляя доступные услуги и возможности для культурного досуга.

Обеспечение достойного уровня жизни для пожилых людей в сельской местности Китая имеет важное значение для общества в целом. Они обладают ценными знаниями и опытом, которые могут принести пользу следующим поколениям. Оказывая им необходимую поддержку, мы не только улучшаем их жизнь, но и укрепляем общую социальную ткань страны.

Литература

1. Ban Tao. Operation and Optimization of Rural Social Elderly Care Models from the Perspective of Welfare Governance Community: Discussing the Localization of Developmental Welfare Production. *Humanities Magazine*, 2023, (06). P. 130–140.
2. Building a New Model of Rural Elderly Care Services by Filling the Short Board. *China Civil Affairs*, 2023, (16). P. 34–35.
3. Chen Wei. Innovative Research on Rural Elderly Care Service Models Under the Guidance of the Integration of Medical and Elderly Care Concepts. *Agricultural Economy*, 2023, (09). P. 94–95.
4. Gong Shile, Yang Yongbing, Lei Guoqing, Fan Jiaxin, Liang Jiayin, Wang Xiaoyun. Analysis of Participation Willingness and Influencing Factors in Rural Mutual Aid Elderly Care Model: A Case Study of Fen Yi County in Jiangxi Province. *Modern Commerce and Trade Industry*, 2023, 44(21). P. 116–118.
5. Jiang Yu, Xu Chenghua. Dilemmas and Prospects of Rural Native Elderly Care Models: A Study Based on the Transformation of Transitional Housing for the Elderly in Zhangjiagang's Rural Areas. *Journal of Southeast University (Philosophy and Social Sciences)*, 2023, 25(S1). P. 174–177.
6. Li Jialei, Yan Meiqiao, Fang Zicheng. Research on the Diversified Development of the Rural Elderly Care Industry Based on Surveys. *International Public Relations*, 2023, (15). P. 146–148.

7. Li Jing. Exploring New Models of Rural Elderly Care Services in the Process of China's Modernization. *China Civil Affairs*, 2023, (11). P. 33.
8. Lu Jiehua, Feng Yuxin. Community Home-based Elderly Care Service Models, Challenges, and Development Directions in Rural Areas. *China National Conditions and Strength*, 2023, (09). P. 4–8.
9. Mu Minna. Retirement But Not Withdrawn: A Study on the Transition of Rural Elderly Care Models – A Case Study of Rural Areas in Eastern China. *Journal of Shanxi Agricultural University (Social Science Edition)*, 2023, 22(05). P. 87–95.
10. Tian Yutong, Zhang Yan, Gao Mengke, Guo Yue, Wu Lanxin, Meng Lixue. Construction and Implications of the Rural Elderly Care Ecological Resource Supply Model from an Integrated Perspective. *Nursing Management Journal*, P. 1–5.
11. Wei Lirong, Wang Can. Practical Exploration and Reflection on Rural Elderly Care Models: A Case Study of the “Filial Piety Canteen” Project in Village X, Shanxi Province. *Leadership Science Forum*, 2023, (07). P. 105–113.
12. Wu Jiayi, Zhao Weiying, Wang Yifei, Xia Tingting. SWOT Analysis of Home-based Elderly Care Models for Rural Dementia Patients. *General Nursing*, 2023, 21(26): P. 3737–3739.
13. Wu Qiong. SWOT Analysis of the Development of Smart Elderly Care Service Models in Rural Areas under the Background of Active Aging. *Journal of Tangshan Normal University*, 2023, 45(04). P. 107–111.
14. Xiao Lin. Actively Responding to Rural Population Aging with Mutual Aid Elderly Care: Practice Status, Core Experiences, and Social Benefits – Based on a Field Survey in a Central Township. *Journal of Yunnan Nationalities University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2023, 40(05). P. 96–104.
15. Xiao Lin. Value Reconstruction of Rural Left-Behind Elderly in the Mutual Aid Elderly Care Model. *Journal of Nanjing Agricultural University (Social Sciences Edition)*, 2023, 23(04). P. 130–138.
16. Yue Xiu Zhao, Zou Nian. Exploration of Rural Elderly Care Issues from the Perspective of Social Resource Theory. *Sichuan Labor Security*, 2023, (06). P. 77–78.
17. Zeng Quanhai, Wang Lumeng. Construction and Optimization of a Multi-level Elderly Care Security System in Rural Areas. *Decision and Information*, 2023, (09). P. 78–87.
18. Zhu Feifei. Optimization of Rural Family Elderly Care Models and Their Pathways under the Rural Revitalization Strategy. *Journal of Suzhou University*, 2023, 38(08). P. 26–31.
19. China Statistical Yearbook 2022 // China Statistical Yearbook 2022. – URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2022/index.htm>
20. Wenjuanxing // Wenjuanxing. – URL: <https://www.wjx.cn/login.aspx>
21. Мнение Верховного народного суда Китайской Народной Республики о предоставлении судебных услуг и гарантий для реализации национальной стратегии активного реагирования на старение населения. [Электронный ресурс] // Портал законов Китая – СЮ. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/opinions-on-further-providing-judicial-services-and-safeguards-for-the-construction-of-the-belt-and-road-by-peoples-courts-20191209> (дата обращения: 18.01.2023).

THE EVOLUTION OF ADAPTATION STRATEGY OF ELDERLY CARE MODELS IN RURAL AREAS AGAINST THE BACKDROP OF RAPID URBANIZATION IN CHINA

Wang Yuanxing

Lomonosov Moscow State University

Population aging is a global trend that has a significant impact on China. As more and more people reach retirement age, there is an urgent need to provide adequate care for the elderly, especially in rural areas where the majority of the country's elderly population lives.

Traditionally in China, the elderly have been cared for by their children and other family members. However, economic and social changes in recent decades have led to many young people migrating to cities in search of work, leaving their elderly parents without adequate care. This has led to a caregiving crisis that has a major impact on the well-being of rural elderly people.

This article examines the evolution of approaches to elderly care in China, from the traditional family-based model to contemporary institutionalized models. The article also presents the results of a study conducted in rural China that analyzes various aspects of older people's lives, including income, work, health care, daily life, and cultural leisure activities.

The study identified a number of serious problems faced by older persons in rural China, including low income, limited employment opportunities, inadequate health care, lack of amenities and limited access to cultural activities. These challenges emphasize the need for measures to support older adults, including improving access to economic resources, improving health care, and creating an elderly-friendly environment.

Keywords: elderly care, elderly living, rural, urbanization, China, post-industrial society.

References

1. Ban Tao. Operation and Optimization of Rural Social Elderly Care Models from the Perspective of Welfare Governance Community: Discussing the Localization of Developmental Welfare Production. *Humanities Magazine*, 2023, (06). P. 130–140.
2. Building a New Model of Rural Elderly Care Services by Filling the Short Board. *China Civil Affairs*, 2023, (16). P. 34–35.
3. Chen Wei. Innovative Research on Rural Elderly Care Service Models Under the Guidance of the Integration of Medical and Elderly Care Concepts. *Agricultural Economy*, 2023, (09). P. 94–95.
4. Gong Shile, Yang Yongbing, Lei Guoqing, Fan Jiaxin, Liang Jiayin, Wang Xiaoyun. Analysis of Participation Willingness and Influencing Factors in Rural Mutual Aid Elderly Care Model: A Case Study of Fen Yi County in Jiangxi Province. *Modern Commerce and Trade Industry*, 2023, 44(21). P. 116–118.
5. Jiang Yu, Xu Chenghua. Dilemmas and Prospects of Rural Native Elderly Care Models: A Study Based on the Transformation of Transitional Housing for the Elderly in Zhangjiagang's Rural Areas. *Journal of Southeast University (Philosophy and Social Sciences)*, 2023, 25(S1). P. 174–177.
6. Li Jialei, Yan Meiqiao, Fang Zicheng. Research on the Diversified Development of the Rural Elderly Care Industry Based on Surveys. *International Public Relations*, 2023, (15). P. 146–148.
7. Li Jing. Exploring New Models of Rural Elderly Care Services in the Process of China's Modernization. *China Civil Affairs*, 2023, (11). P. 33.
8. Lu Jiehua, Feng Yuxin. Community Home-based Elderly Care Service Models, Challenges, and Development Directions in Rural Areas. *China National Conditions and Strength*, 2023, (09). P. 4–8.
9. Mu Minna. Retirement But Not Withdrawn: A Study on the Transition of Rural Elderly Care Models – A Case Study of Rural Areas in Eastern China. *Journal of Shanxi Agricultural University (Social Science Edition)*, 2023, 22(05). P. 87–95.
10. Tian Yutong, Zhang Yan, Gao Mengke, Gao Yue, Wu Lanxin, Meng Lixue. Construction and Implications of the Rural Elderly Care Ecological Resource Supply Model from an Integrated Perspective. *Nursing Management Journal*, pp. 1–5.
11. Wei Lirong, Wang Can. Practical Exploration and Reflection on Rural Elderly Care Models: A Case Study of the “Filial Piety Canteen” Project in Village X, Shanxi Province. *Leadership Science Forum*, 2023, (07). P. 105–113.
12. Wu Jiayi, Zhao Weiyang, Wang Yifei, Xia Tingting. SWOT Analysis of Home-based Elderly Care Models for Rural Dementia Patients. *General Nursing*, 2023, 21(26): pp. 3737–3739.
13. Wu Qiong. SWOT Analysis of the Development of Smart Elderly Care Service Models in Rural Areas under the Background of Active Aging. *Journal of Tangshan Normal University*, 2023, 45(04). P. 107–111.
14. Xiao Lin. Actively Responding to Rural Population Aging with Mutual Aid Elderly Care: Practice Status, Core Experiences, and Social Benefits – Based on a Field Survey in a Central Township. *Journal of Yunnan Nationalities University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2023, 40(05). P. 96–104.
15. Xiao Lin. Value Reconstruction of Rural Left-Behind Elderly in the Mutual Aid Elderly Care Model. *Journal of Nanjing Agricultural University (Social Sciences Edition)*, 2023, 23(04). P. 130–138.

16. Yue Xiu Zhao, Zou Nian. Exploration of Rural Elderly Care Issues from the Perspective of Social Resource Theory. *Sichuan Labor Security*, 2023, (06). P. 77–78.
17. Zeng Quanhai, Wang Lumeng. Construction and Optimization of a Multi-level Elderly Care Security System in Rural Areas. *Decision and Information*, 2023, (09). P. 78–87.
18. Zhu Feifei. Optimization of Rural Family Elderly Care Models and Their Pathways under the Rural Revitalization Strategy. *Journal of Suzhou University*, 2023, 38(08). P. 26–31.
19. China Statistical Yearbook 2022 // China Statistical Yearbook 2022. – URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2022/indexeh.htm>
20. Wenjuanxing // Wenjuanxing. – URL: <https://www.wjx.cn/login.aspx>
21. Opinion of the Supreme People's Court of the People's Republic of China on the provision of judicial services and guarantees for the implementation of the national strategy for proactively responding to population aging. [Electronic resource] // Portal of Chinese laws – CJO. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/opinions-on-further-providing-judicial-services-and-safeguards-for-the-construction-of-the-belt-and-road-by-peoples-courts-20191209> (accessed 01/18/2023).

Выявление общественного мнения о развитии технологий генной инженерии: на примере населения г. Самары

Гридина Вера Валерьевна,

к.п.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета
E-mail: samavera@mail.ru

Актуальность данной статьи обусловлена развитием такой перспективной научной технологии, как генная инженерия. Исследования в области генной инженерии очень важны для человечества, особенно в связи с проблемами голода в ряде стран, повышением биологической ценности продуктов питания из растительного и животного сырья, появлением вируса Covid-19, увеличением числа больных смертельными заболеваниями и людей с врожденными отклонениями. Однако общественное мнение по проблемам дальнейшего развития генной инженерии довольно противоречиво и вызывает множество споров.

На материалах социологического исследования в статье проанализировано отношение жителей г. Самара к перспективам развития генной инженерии, научным методам, которые она использует, пониманию механизмов наследственности, отношению к ГМО и дальнейшему развитию генетических исследований. В статье предложены способы актуализации знаний и получения достоверной информации о ГМО и генной инженерии различными слоями населения.

Ключевые слова: генная инженерия, генетически модифицированные организмы, наследственность, генетические заболевания, мутации, генотип.

В настоящее время научные достижения быстро внедряются в нашу жизнь, решая многие повседневные проблемы. Одним из перспективных и быстро развивающихся направлений является генная инженерия. Исследования в области генной инженерии очень важны для человечества. Благодаря им разрабатываются новые методики лечения больных смертельными заболеваниями (раком) и людей с врожденными отклонениями. Генная инженерия помогает решать проблемы всемирного голода, повышает биологическую ценность продуктов питания из растительного и животного сырья. Разработки в области генной инженерии стали наиболее актуальными в последние годы, особенно с появлением нового вируса – Covid-19. Благодаря научным исследованиям в данной области, был разработан ряд вакцин от коронавируса, которые стали важным шагом в борьбе с вирусом для всего мира.

Несмотря на интенсивное развитие научных исследований, на генную инженерию большое влияние оказывает общественное мнение. Оно длительное время удерживало генную инженерию от вмешательства в природу человека. Но без общественного признания важности генной инженерии невозможно проводить исследования, которые требуют серьезного финансирования. Каково общественное мнение о генной инженерии и на чем оно основывается? С целью получения ответов на эти вопросы среди жителей г. Самары было проведено социологическое исследование, целью которого стал анализ их отношения к перспективам развития генной инженерии. Объектом исследования стали жители города в возрасте от 17 до 60 лет (студенты, рабочие, пенсионеры). В качестве методики исследования было выбрано проведение анкетного опроса с последующей обработкой данных при помощи методов математико-

статистической обработки и визуального анализа полученной графической информации. В исследовании приняли участие более 300 респондентов.

Результаты опроса показали, что большинство опрошенных знакомы или когда-либо слышали о геномной инженерии (более 85%). Основными источниками их информированности являются интернет (статьи, сайты) – 73,8%, учебные заведения (школы, ВУЗы) – 49,8%, радио/ТВ – 39%, различная литература – 34,4%, слышали от кого-либо в разговоре – 27,5%.

Чтобы понять, насколько правильно респонденты понимают, что представляет собой геномная инженерия, какие научные методы она использует, был задан ряд контрольных вопросов, в которых нужно было выбрать из предложенных ответов правильное определение геномной инженерии и определить, на чем она основана:

на экспериментах над организмами (растениями и животными) или на встраивании или исключении из клеток организма отдельных генов. Более 70% опрошенных указали правильные ответы, что свидетельствует о том, что они имеют представление о методах геномной инженерии и знают, на чем они основаны. Лишь 7,9% опрошиваемых затруднились ответить на данный вопрос. Большинство участников опроса правильно указали, что происходит с организмами, подвергнутыми генетическим экспериментам в процессе исследования. Около половины респондентов выбрали правильный ответ о том, какие организмы можно использовать для генетических исследований. Остальные либо выбрали неправильный ответ, либо затруднились с ответом.

Как респонденты понимают механизмы наследственности? Результаты ответа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Укажите, что из перечисленного, на Ваш взгляд, может передаваться по наследству, а что не может				
Признаки	Может передаваться по наследству		Не может передаваться по наследству	
	кол-во опрошенных	проценты	кол-во опрошенных	проценты
Онкология	221	72,4	89	29,2
Психические заболевания	230	75,4	80	26,2
Алкоголизм	150	49,2	160	52,4
Темперамент	145	47,5	162	53,1
Привычки, предпочтения, интересы	72	23,6	236	77,4
Сахарный диабет	235	77	75	24,6
Близорукость	236	77,4	72	23,6

По результатам, приведенным в таблице, можно сделать вывод, что респонденты правильно понимают механизмы наследственности, большая часть опрошенных правильно распределила признаки по критериям возможности и невозможности передачи по наследству.

Следующий блок вопросов анкеты был посвящен ГМО и отношению респондентов к ГМО. Большинство респондентов указали, что знают, что такое ГМО (89%). Участникам опроса были заданы контрольные вопросы, которые позволяют понять, какие овощи, фрукты, зерно-

вые культуры, продукты животного происхождения респонденты причисляют к генно-модифицированным (кукуруза, огурец, помидор, дыня, груша, пшеница, гречиха, лосось, килька, мясо). Большинство респондентов считают генно-модифицированными все перечисленные продукты, т.е. они не могут правильно определить, какие именно продукты являются генно-модифицированными, не понимают, чем на самом деле является ГМО.

Для оценки отношения участников опроса к применению ГМО был задан

соответствующий вопрос, в котором результаты ответов были распределены практически равномерно (24,3% положительно, 24,9% отрицательно). При этом, высокий процент респондентов (35,4%) вообще безразличны к применению ГМО. Какие аргументы используют респонденты за или против использования ГМО? Большая часть опрошенных считает, что натуральные продукты полезнее генно-модифицированных, но не вкуснее, а также, что безопасность ГМО не доказана. Также респонденты считают, что лучше покупать продукты с маркировкой «без ГМО» на упаковке, хотя и понимают, что продукты с маркировкой «без ГМО» на упаковке – лишь маркетинговый ход и на самом деле они могут содержать ГМО. В вопросе о естественности ГМО мнения разделились поровну. На основании полученных ответов можно сделать вывод, что участники опроса недостаточно информированы о ГМО, поэтому считают их опасными.

Почти 60% респондентов относятся положительно к достижениям генной инженерии, хотя есть немало безразличных (20,3%) и тех, кто затруднился ответить на вопрос (14,8%). Респондентам было предложено также указать наиболее важные, положительные, по их мнению, стороны развития генетических исследований. В данном списке оказались: промышленное производство необходимых лекарственных препаратов (72,8%); существование наиболее эффективного лечения таких заболеваний, как СПИД, рак (73,4%); лечение врожденных заболеваний, наследственных заболеваний мозга и нервной системы (72,8%); решение экологических проблем, устранение загрязнений с помощью разработок генетической инженерии (44,9%). Среди наиболее опасных, отрицательных сторон развития генетических исследований были указаны: возможность случайных мутаций, неизвестный исход, новый организм может не иметь нужного признака или может стать опасным (64,6%); плохо проверенные, не выявленные генно-модифицированные продукты могут быть опасными для здоровья человека (60,7%); возможность

появления биологического оружия, различных опасных вирусов и других организмов, вызывающих негативные последствия (45,9%).

Чтобы определить, какие допустимые границы для генетических исследований в современном обществе выделяют респонденты, был задан соответствующий вопрос. В целом, большинство респондентов относятся к различным возможностям генной инженерии положительно или нейтрально. Наибольшее количество положительных выборов респондентов набрали следующие варианты ответов: «генетические» обследования людей (с целью выявления предрасположенностей к заболеваниям и самих заболеваний; диагностика и лечение различных заболеваний у человека на стадии эмбриона; сообщение результатов пациенту и родным, если выявлено неизлечимое заболевание, которое, допустим, может или должно проявиться в будущем (например, Альцгеймер)). Крайне отрицательно опрашиваемые относятся только к генетическому редактированию детей, вмешательству в гены человека с целью усовершенствования его природы, лучшей приспособляемости к условиям среды, созданию сверхчеловека, массовому введению генетической паспортизации и употреблению растительной пищи со встроенными генами животных в пост христианами или мусульманами.

Чем респонденты руководствовались при выборе ответов? Почти половина опрошенных считают, что генная инженерия может быть полезной для их родственников, их самих, общества в целом; развитие генной инженерии допустимо при соблюдении определенных законов. Многие респонденты не видят ничего плохого в возможностях развития генной инженерии. Дальнейшее развитие генной инженерии вызывает опасения у той части респондентов, которые недостаточно знакомы с данной областью знаний.

Перспективы дальнейшего развития генной инженерии сегодня респондентам кажутся почти неограниченными. Наиболее распространенными причина-

ми отрицательного отношения респондентов к дальнейшему развитию генной инженерии являются следующие: возникновение генетической дискриминации (из-за генетической паспортизации дискриминация по генетическим заболеваниям – 42,6%), клонирование, использование человека как ресурс (43,3%), заметные мутации человеческого вида из-за активного вмешательства в геном (48,2%), биологические войны (48,2%), расслоение общества, новый вид дискриминации в таком обществе (37,7%). Можно отметить, что люди боятся неконтролируемого прогресса генной инженерии.

Завершающая часть опроса была посвящена предложениям респондентов по развитию генной инженерии в будущем. Большинство выбрали следующие ответы: размещение достоверной информации о генной инженерии в интернете (статьи, сообщества, сайты); повышение качества образования специалистов в области генной инженерии; ознакомительные мероприятия (семинары и т.д.) на тему генной инженерии и существующих заблуждений; пресечение использования производителями маркетингового хода – надписи «Без ГМО» на упаковке без получения официального разрешения; усовершенствование законодательства для точного регулирования деятельности генной инженерии (на этапах проверки ГМ-продукции).

Таким образом, анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы.

В целом, респонденты обладают достаточной информированностью о генной инженерии. Они понимают, на чем основаны ее методы, но плохо представляют методику проведения генно-инженерных исследований, видят в этом некий сложный процесс, для которого можно использовать только специально выращенные организмы. Респонденты предпочли бы ГМ-продуктам натуральные, обосновывая свой выбор полезностью натуральных продуктов. Опрашиваемые не доверяют маркировке «Без ГМО» на упаковке изделия, считая это маркетинговым ходом, но все же предпо-

читают покупать продукты именно с этой маркировкой. Участники опроса неоднозначно относятся к ГМО. В большинстве людям либо безразлично применение ГМО, либо они относятся к нему отрицательно. Причиной данного отношения респондентов являются либо заблуждения по вопросам ГМО – неизвестность действия ГМО на организм человека, не доказанная безопасность ГМО; либо их личная жизненная позиция – противоестественность ГМО (противоречие природе). Участники опроса в целом положительно относятся к достижениям генной инженерии. Однако среди них немало совершенно безразличных к данной теме людей. Респонденты правильно оценивают открывающиеся возможности генной инженерии и выделяют ряд важных положительных сторон ее использования: для производства необходимых лекарственных препаратов, лечения таких заболеваний, как СПИД, рак, врожденных заболеваний, наследственных заболеваний мозга и нервной системы; решение экологических проблем, устранение загрязнений с помощью разработок генетической инженерии. При этом, опрашиваемые выделяют следующие возможные отрицательные последствия ее развития: возможность случайных мутаций, неизвестный исход, новый организм может не иметь нужного признака или может стать опасным; плохо проверенные продукты могут быть опасными для здоровья человека; возможность появления биологического оружия, различных опасных вирусов и других организмов, вызывающих негативные последствия. Крайне отрицательно участники опроса относятся к таким аспектам развития генной инженерии, как: генетическое редактирование детей; вмешательство в гены человека с целью усовершенствования его природы, создание сверхчеловека; массовое введение генетической паспортизации; употребление растительной пищи со встроенными генами животных в пост христианами или мусульманами.

По большей части положительно опрошенные относятся к следующим аспектам: планирование детей, созда-

ние генетических карт для создания семьи, генетическое генеалогическое древо семьи; создание и использование генно-модифицированных организмов, если они могут повысить урожайность, полезность, качество производимых продуктов питания, стойкость растений против внешних условий (что уменьшает необходимость использования ядохимикатов); клонирование растений и животных (с целью сохранения полезных признаков); клонирование человека (только органы и ткани) ради спасения людей; «генетические» обследования людей (с целью выявления предрасположенностей к заболеваниям и самих заболеваний); сообщение результатов пациенту и родным, если выявлено неизлечимое заболевание, которое, допустим, может или должно проявиться в будущем (например, Альцгеймер); диагностика различных заболеваний у человека на стадии эмбриона; лечение различных заболеваний у человека на стадии эмбриона; вмешательство в генотип человека для лечения различных заболеваний, выделение и внесение генов ради спасения этого самого человека или других.

Большое число респондентов считают, что необходимо развивать генную инженерию в рамках допустимого, однако многие не знают о существовании юридических документов, регулирующих деятельность данного научного направления.

Важно отметить, что у старшего поколения, которое по результатам опроса оказалось менее осведомленным в этой области знаний, значительно больше опасений по поводу развития генной инженерии.

Исходя из полученных результатов и на основе рекомендаций респондентов, можно выделить следующие предложения по развитию генной инженерии: следует проводить занятия в школах по генной инженерии, на которых дети будут не только знакомиться с её основными положениями, но и развеивать мифы о ней (о ГМО и т.д.); можно проводить специальные мероприятия (квесты) для школьников/студентов по тематике генной инженерии; разме-

щать информационные стенды в школах/вузах; создавать виртуальные выставки и мероприятия с информацией о достижениях генной инженерии. Для всех желающих можно проводить ознакомительные мероприятия (семинары и т.д.) и размещать больше достоверной информации на тему генной инженерии в интернете (статьи, сообщества, сайты).

Литература

1. Голубовский М. И снова: о наследовании приобретенных признаков // Знание-сила. – 2007. – № 8. – С. 44–52.
2. Егоров Н. С., Олескин А.В. Биотехнология: Проблемы и перспективы. – М.: Вышш, шк., 1999.
3. Ермакова И.В. Генетически модифицированные организмы. Борьба миров. – М.: Белые альвы, 2010.
4. Панчин А. – Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей / Александр Панчин. – М.: ACT: CORPUS, 2016. – 432 с.

IDENTIFICATION OF PUBLIC OPINION ON THE DEVELOPMENT OF GENETIC ENGINEERING TECHNOLOGIES: USING THE EXAMPLE OF THE POPULATION OF SAMARA

Gridina V.V.

Samara State Technical University

The relevance of this article is due to the development of such promising scientific technology as genetic engineering. Research in the field of genetic engineering is very important for humanity, especially in connection with the problems of hunger in a number of countries, the increase in the biological value of food from plant and animal raw materials, the emergence of the Covid-19 virus, the increase in the number of patients with fatal diseases and people with congenital abnormalities. Using sociological research materials, the article analyzes the attitude of residents of Samara to the prospects for the development of genetic engineering, the scientific methods it uses, understanding of the mechanisms of heredity, attitude towards GMOs and the further development of genetic research. The article suggests ways to update knowledge and obtain reliable information about

GMOs and genetic engineering by various segments of the population.

Keywords: genetic engineering, genetically modified organisms, heredity, genetic diseases, mutations, genotype.

References

1. Golubovsky M. And again: about the inheritance of acquired characteristics // Knowledge is power. – 2007. – No. 8. – P. 44–52.
2. Egorov N. S., Oleskin A.V. Biotechnology: Problems and prospects. – M.: Vyssh, school, 1999.
3. Ermakova I.V. Genetically modified organisms. The struggle of the worlds. – M.: White Alva, 2010.
4. Panchin A. – Sum of biotechnology. A guide to combating myths about genetic modification of plants, animals and people / Alexander Panchin. – M.: AST: CORPUS, 2016. – 432 p.

Ценностно-рефлексивное восприятие виртуальной социализации молодежи

Кузнецова Екатерина Александровна,

преподаватель Государственного автономного профессионального образовательного учреждения Иркутской области «Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса» (ГАПОУ БТОТиС)
E-mail: kuznecova.ea2023@bk.ru

В статье анализируются процессы трансформации роли виртуальности в жизни молодых людей. Анализируются условия, процессы и механизмы виртуальной социализации. Рассматриваются позитивные и негативные воздействия виртуальной социализации на психологическое здоровье человека и социальное здоровье общества в целом. Выделяется роль виртуальной культуры, как основного показателя виртуальной социализации. Приводятся результаты эмпирического исследования ценностных смыслов виртуальности в жизни молодых людей. На основе полученных данных делается вывод о значимости ценностно-рефлексивного восприятия виртуальной социализации молодежи и серьезных последствиях для общества его обесценивание.

Ключевые слова: виртуальная социализация, виртуальная культура, ценности в виртуальном мире, рефлексия ценностей, молодежь, новые смыслы, среда развития.

Интернет оказывает большое влияние на общественную жизнь. Интернет перестал быть просто информационно-коммуникационной технологией, он стал формой социализации индивида, которая помогает адаптироваться к изменяющимся условиям окружающего мира. Он создает новые условия для социализации молодых людей.

Наша реальность пронизана виртуальными образами. Некогда выдуманый мир становится все более реальным. Простой обыватель порой не может найти грань реального и виртуального миров так как она все более становятся размытой.

- Виртуальная реальность позволяет:
- понять себя и найти тех, кто с вами на одной волне, выстроить с ними виртуальные коммуникации (виртуальные друзья);
 - расширяет возможности получения новых знаний и навыков (виртуальное обучение);
 - предоставляет возможность заработка (виртуальная работа).

Результатом этого становится новая ценностная среда, где есть альтернативные сценарии развития социальной коммуникации и взаимодействия, что опираются на новые условия и рамки виртуального позиционирования человека и целых социальных групп. Особенности освоения виртуального пространства становится осознание себя в этой среде (виртуальная идентичность личности, которая может влиять и на идентичность человека в реальном мире), понимание того, что и как могу делать в виртуальном пространстве, какие риски и возможности есть у меня и что может качественно изменить мою жизнь, благодаря воздействию виртуальной среды.

Вопросы виртуальной социализации рассматривались учеными с разных сторон. Р.Г. Ардашев [3–7] говорил о возможностях суицидальных рисков, связанных с процессами коммуникации в вир-

туальном пространстве, которые могут привести к негативным последствиям. П.А. Баев [8, 9] о трансформации ценностей и мировоззрения под влиянием виртуальности. Л.А. Гуринович [10] и П.П. Люберцев [11] об особых условиях воспитания молодежи. И.А. Журавлева [12, 13] о специфике обучения в виртуальном пространстве. Е.А. Кузнецова [14–16] и Н.В. Маслодудова [17–19] об особенностях информационного воздействия на процессы виртуальной социализации молодежи. О.А. Полюшкевич [21–27] об особенностях формирования виртуальной идентичности молодежи. В.А. Скуденков [28, 29] о специфике экономических притязаний молодежи, формирующихся под влиянием виртуальности. Все эти работы подчеркивают изменения в ценностно-мировоззренческих условиях жизни и социализации молодых людей. Виртуальность меняет их установки и представления о том, как можно достигнуть социального и личного жизненного успеха, процветания и признания.

Ценности определяют основу мировоззрения человека, поэтому, как ценности виртуального мира меняют личность человека и как человек, погружаясь в виртуальное пространство меняется на уровне ценностей – является основой проблемой данного исследования. Умение критически, рефлексивно оценить то, что происходит с самим собой и с другими, во время и после пребывания в виртуальном пространстве позволяет говорить о ценностной картине мира человека, его приоритетах и особенностях развития.

Особенности исследования

Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования жителей разных регионов России, в котором приняли участие 1800 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 55% девушки и 45% юноши. При обработке данных использовался пакет SPSS.

Методологическими основами исследования стали идеи структурно-функционального подхода, определившего роль и место виртуальности в структурировании жизненного мира и жизненного про-

странства молодых людей, позволившего определить функциональное назначение инструментов освоения виртуальных пространств разными категориями молодых людей. А также принципы институционального подхода, позволившего нам определить место виртуальной социализации личности в условиях функционирования традиционных социальных институтов.

Результаты исследования

В результате исследования мы установили, что виртуальное пространство выступает основой для конструирования ценностей молодежи, доступ к Интернету сам по себе является значимой ценностью (!) для 78%, тогда как интернет-аддикция (интернет-зависимость) вызывает опасения лишь у 22% опрошенных. Чем младше респонденты, тем больше среди них, кто Интернет воспринимает как ценность, а не как угрозу.

В любом случае видна явная зависимость от Интернета. И то, что большая часть опрошенных воспринимает как благо, не означает что это явление позитивно по своей сути, так как в виртуальной среде происходит замена реальной жизни человека.

Виртуальная социализация позволила чувствовать себя более свободным для 52%, позволила найти свою творческую самореализацию 36%, найти друзей с общими интересами – 49%. Молодые люди полагают, что у них в три раза больше шансов успешно социализироваться, найти признание и призвание в виртуальном пространстве, чем у их родителей, и тем более – бабушек и дедушек.

Стоит сказать о том, что треть (32%) молодых людей чувствует себя в виртуальном пространстве дискомфортно, так как видят примеры более успешных и реализованных в виртуальном мире сверстников. Стратегия постоянного сравнения себя с другим, где чаще ты проигрываешь – приводит к понижению самооценки и деструктивным процессам социального развития.

При этом 42% полагают, что виртуальное взаимодействие сближает лю-

дей. Вероятно потому, что территориальные и временные границы не преграда для общения. При этом 67% полагают, что виртуальное общение ограничивает возможности реального общения между людьми.

Возможность быть анонимным или просто придумать новую личность делает общение в виртуальной среде не всегда открытым и честным (38%). Особенно, если общение происходит с человеком, которого никогда не видел. Многим значительно проще создавать выдуманный виртуальный образ, чем решать реальные проблемы в социуме, отставив свои интересы, права и возможности.

Благодаря виртуальной социализации происходит размывание границ личного и публичного (51%), общественного и частного (46%). Более того, происходит отчуждение от реального социального мира (62%).

Для 54% виртуальная среда является дружественным пространством, для 27% враждебным. Первые общаются только с теми, кто положительно к ним настроен, а вторые сталкивались с хейтингом, кибербуллинг и т.д. Более подробно об этом исследовано в работах Р.Г. Ардашева [1, 2].

Таким образом, молодые люди получают разнообразные практики виртуальной социализации, но далеко не всегда несут ответственность за принятие каких-то решений, действий в виртуальной среде. Виртуальная социализация происходит, а виртуальная культура не всегда формируется. Это имеет негативные последствия для духовно-мировоззренческих ориентиров современной молодежи, связанной с утратой и разрушением традиционных ценностей и формированием новых идеалов и идолов (П.А. Баев [9], О.А. Полюшкевич [20]).

Важным моментом выступает осознанное, рефлексивное взаимодействие в виртуальном пространстве, умение разделять реальное и виртуальной и понимать влияние одного на другое. Важным моментом выступает изменение эмоционального взаимодействия молодых людей и как следствие формирование психологических проблем и соци-

окультурным трансформациям в функционировании социальных сообществ, затрагивая процессы обучения и работы, семьи и общественных отношений в целом.

Далеко не у всех опрошенных нами молодых людей сформировано четкое понимание того, КТО Я в виртуальной среде. И более того, нет четкого понимания различий КТО Я в реальном и виртуальном мире.

Виртуальной среде в аспектах общения, обучения, работы отдает предпочтение большая часть молодежи (87%). Но деструктивное воздействие мало кем отслеживается, а процесс изменения ценностей, мировоззрения воспринимается как норма и не вызывает ни протестов, ни сомнений.

Полагаем, будущим процесса виртуальной социализации станет повышение качества жизни, уменьшения социального расслоения, благодаря этому виртуальная социализация станет основой сближения людей, принципом социальной солидарности и новым пространством для социальной идентичности всех участников процесса взаимодействия в виртуальном пространстве. Помимо этого, выход на новый уровень творческой реализации в процессе виртуальной социализации приведет к качественно новому пространству виртуальных креативных индустрий, что подтолкнет участников этого взаимодействия к новым форматам социальной коммуникации.

Это все станет возможно при развитии виртуальной культуры социального взаимодействия и личностного становления. Важно рационально подходить к своей деятельности в виртуальном пространстве, не только потребляя информацию (контент), но и творя ее самостоятельно. Это процесс предъявление своего внутреннего потенциала в новой среде, также как и обще-групповой профиль того или иного социального сообщества в виртуальном мире. Это выступает пространством и формой нового предъявления и самопредъявления (В.А. Скуденков [29]) в условиях виртуальной реальности. Результатом этого

становится конструирование личности нового типа – виртуальной личности, получившей основы не только реальной, но и виртуальной социализации. И как следствие, принципиально отличающейся от той личности, что усвоила только традиционные ценности и образы. Это становится основой для изучения нового типа эмоциональных, поведенческих, когнитивных навыков человека нового «социального образца» – виртуально социализирующейся личности, объединяющей процессы и механизмы освоения нового в реальном и виртуальном мире.

Выводы

Наше исследование показало, что виртуальная социализация личности приводит к глубинным изменениям мировоззрения и ценностей молодежи, формируются новые образцы и стандарты поведения, конструируются новые ценности и ориентиры. При этом недостаточно сформирована виртуальная культура пользователей, обеспечивающая личную и социальную безопасность. Это приводит к изменениям в общественной структуре.

По нашему мнению, одним из условий формирования виртуальной культуры выступает ценностно-рефлексивное отношение к процессам виртуальной социализации человека. Отсутствие понимания того, КТО Я и каким могу быть приводит к трудностям и ограничениям восприятия своего места в реальном и виртуальном мире. Поэтому, место виртуальной социализации в жизни молодого человека все еще наполняется новыми смыслами и содержанием и не может быть четко определено и формализовано.

Виртуальная социализация молодежи будет только набирать обороты и поэтому необходимо понимать ее особенности, риски и последствия. Без точного регулирования и моделирования социального воздействия мы можем утратить управление процессами взросления, инициации и становления личности нового типа в виртуальном мире. Важно, чтобы национальные, культурные особенности также учитывались при виртуальной социализации, чтобы традици-

онные ценности не отмирали, а вписывались в систему нового виртуального мира.

Насколько удачно и комплексно молодые люди смогут опираться на традиционные ценности в новом виртуальном пространстве и насколько конструктивно будет протекать процесс виртуальной социализации может показать социологический мониторинг виртуальной социализации, который позволил бы отслеживать динамику процессов виртуальной социализации, особенности развития виртуальной культуры, адаптации молодежи разных регионов Российской Федерации и разных социальных статусов, возраста и пола. Этот новый аспект социального картографирования – виртуальная социализация современников, который стоит более пристально и вдумчиво изучать, так как от его понимания зависит знание о том, какие они – новые люди России, получившие основы социализации не в реальном, а виртуальном мире.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
2. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 141–144.
3. Ардашев Р.Г. Суицидальные риски молодежи в виртуальном пространстве // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. – Самара, 2023. – С. 188–191.
4. Ардашев Р.Г. Девiantное поведение молодежи в условиях виртуального

- мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 100–103.
5. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. – Уфа, 2023. – С. 67–73.
 6. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. – Улан-Удэ, 2023. – С. 8–11.
 7. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
 8. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2024. – С. 129–132.
 9. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 512–515.
 10. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 23–26.
 11. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 360–363.
 12. Журавлева И.А. Идентичность региональной молодежи в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 20–25.
 13. Журавлева И.А. Образование, здоровье и социализация молодежи в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 79–82.
 14. Кузнецова Е.А. Виртуальный досуг как условие социализации молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 109–116
 15. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
 16. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
 17. Маслодудова Н.В. Интернет-зависимость молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 117–124
 18. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
 19. Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций

- в виртуальной среде // Социология. 2023. № 1. С. 71–78.
20. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. – С. 467–471.
 21. Полюшкевич О.А. Роль социальной эмпатии в формировании субъективного здоровья в кризисные моменты общественного развития // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Москва, 2023. – С. 192–194.
 22. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. – Самара, 2023. – С. 161–164.
 23. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 24. Полюшкевич О.А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве. материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь, 2020. – С. 122–126.
 25. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный, Махачкала, 2020. – С. 303–307.
 26. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 10–25.
 27. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 28. Скуденков В.А. Роль социальных сетей в удовлетворении желаний молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск: ИГУ, 2019. –С. 176–179.
 29. Скуденков В.А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 181–183.

VALUE-REFLEXIVE PERCEPTION OF VIRTUAL SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE

Kuznetsova E.A.

Baikal College of Industrial Technologies and Services

The article analyzes the processes of transformation of the role of virtuality in the lives of young people. The conditions, processes and mechanisms of virtual socialization are analyzed. Positive and negative impacts of virtual socialization on psychological health of a person and social health of society as a whole are considered. The role of virtual culture as the main indicator of virtual socialization is highlighted. The results of the empirical study of the value meanings of virtuality in the lives of young people are given. On the basis of the obtained data the conclusion is made about the significance of value-reflexive perception of virtual socialization of young people and serious consequences for society of its devaluation.

Keywords: virtual socialization, virtual culture, values in the virtual world, reflection of values, young people, new meanings, development environment.

References

1. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // *Sociology*. 2022. No. 6. P. 32–38.
2. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // *Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 141–144.
3. Ardashev R.G. Suicidal risks of youth in the virtual space // *Person in the information society*. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. – Samara, 2023. – pp. 188–191.
4. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // *Russian deviantological panorama: theory and practice*. Materials of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. – St. Petersburg, 2023. – P. 100–103.
5. Ardashev R.G. Social connections of youth in virtual communities of death // *Solidarity society as an ideal and project: history and modernity*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rep. editors R.H. Lukmanova, I.V. Frolova. – Ufa, 2023. – pp. 67–73.
6. Ardashev R.G. Personal security in conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. – Ulan-Ude, 2023. – pp. 8–11.
7. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space // *Humanitarian vector*. 2023. T. 18. No. 2. P. 77–85.
8. Baev P.A. What are Russian youth proud of and ashamed of? // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2024. – P. 129–132.
9. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 512–515.
10. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space of young people // *Social reality of virtual space*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – pp. 23–26.
11. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for education and social education of working youth in the conditions of virtual space // *Social reality of virtual space*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 360–363.
12. Zhuravleva I.A. Identity of regional youth in a multipolar world // *Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches)*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after. D. Banzarova. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 20–25.
13. Zhuravleva I.A. Education, health and socialization of youth in a pandemic // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity. collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 79–82.
14. Kuznetsova E.A. Virtual leisure as a condition for the socialization of youth // *Sociology*. 2024. No. 4. pp. 109–116
15. Kuznetsova E.A. Internet as a factor in the socialization of youth // *Sociology*. 2023. No. 6. pp. 19–26.
16. Kuznetsova E.A. Digital socialization of youth // *Sociology*. 2023. No. 3. pp. 59–66.
17. Maslodudova N.V. Internet addiction of youth // *Sociology*. 2024. No. 4. pp. 117–124
18. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // *Sociology*. 2023. No. 6. P. 27–34.
19. Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender characteristics of communications in a virtual environment // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 71–78.
20. Polyushkevich O.A. Social risks of ideological security // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Prac-

- tical Conference. – Irkutsk, 2024. – P. 467–471.
21. Polyushkevich O.A. The role of social empathy in the formation of subjective health in crisis moments of social development // Social dynamics of the population and human potential. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. – Moscow, 2023. – P. 192–194.
 22. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // Man in the information society. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. – Samara, 2023. – pp. 161–164.
 23. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. pp. 127–131.
 24. Polyushkevich O.A. Representation of youth: private and public in social networks // Dialogues about culture and art. materials of the X All-Russian scientific and practical conference (with international participation). – Perm, 2020. – pp. 122–126.
 25. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny, Makhachkala, 2020. – pp. 303–307.
 26. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2020. – P. 10–25.
 27. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. pp. 163–176.
 28. Skudencov V.A. The role of social networks in satisfying the desires of young people // Social reality of virtual space. materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. – Irkutsk: ISU, 2019. –S. 176–179.
 29. Skudencov V.A. The influence of virtuality on the economic claims of Russian citizens // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 181–183.

Зависимость между демографическими процессами и социально-экономическими явлениями

Сун Сюань,

магистрант, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: songxiuyan1004@gmail.com

Рассматриваются вопросы, связанные с выявлением зависимости между демографией и социально-экономическими явлениями в обществе. Цель исследования – изучить демографию и социально-экономические процессы в обществе, выявить основные особенности и черты. Методы исследования: анализ, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и другие. Рассмотрены исторические особенности демографического кризиса в России. Подчеркивается влияние демографии на основные экономические показатели развития такие, как: показатели безработицы; показатели миграции населения; уровень рождаемости; индекс потребительских цен; уровень продолжительности жизни; процентные ставки; состояние социальных фондов; оплату труда; уровень воспроизводства; макроэкономические показатели развития и другие. Проведен анализ численности населения РФ за последние пять лет. Изучено влияние демографии на основные социально-экономические процессы. Рассмотрена возрастная структура населения и ее влияние на экономику страны. Определены прогнозные значения показателей социально-экономического развития страны. Изучены риски пенсионной реформы. Разработаны перспективные направления решения демографической проблемы в обществе. Использование комплексного подхода при оценке и анализе демографических и социально-экономических процессов позволит достичь положительных результатов при разработке государственной политики планирования и прогнозирования в обществе.

Ключевые слова: демография; общество; проблемы; решение; населения; социально-экономические процессы.

Введение

Во все времена проблема демографии волновала многие народы и страны. Объясняется это не только стремлением к приросту населения и повышению уровня рождаемости населения, но и тем, что процессы демографии прямым образом влияют на состояние и развитие социально-экономических процессов в обществе. Так, прирост населения способствует увеличению производимых благ в обществе, их накоплению и распределению, повышению экономического роста, качества и уровня жизнеобеспечения, снижению различных потерь, увеличению занятости и т.д. Кроме того, демографическая ситуация также оказывает прямое влияние на уровень культуры в обществе, образование, торговлю, бытовое обслуживание и т.д. Следовательно, вопросы демографии играют важную роль в планировании и прогнозировании социально-экономических процессов в обществе.

Важно отметить, что демографический кризис и риск ограничивают социально-экономическое развитие страны. Поэтому государство должно разработать комплекс мер, направленных на повышение уровня рождаемости, снижение смертности населения, что в конечном итоге будет способствовать увеличению уровня жизни и экономическому росту в стране.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся демографии и социально-экономических процессов рассматривали многие ученые такие, как

Каюков В.В., Кармиргодиева А.А., Черкесова Э.Ю., Малинина Т.Б., Медков В.М., Смирнова Т.П и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты

Россия в истории не раз переживала демографический кризис. Например, с 1917 по 1923 год, из-за последствий Первой мировой войны, «Февральской революции», «Октябрьской революции», трагической гражданской войны и войны против вмешательства, население России впервые резко сократилось, потеряв в общей сложности более 100 человек. После образования Советского Союза, из-за влияния голода и других факторов, население Советского Союза снова резко сократилось с 3 миллионов до 10 миллионов. Демографический кризис в России, начавшийся в 1992 году, хотя и не был затронут войной или голодом, был более серьезным, чем предыдущий демографический кризис. В 1992 году население России составляло 148,7 миллиона человек, а темпы прироста населения составили – 1,5%. В 1995 году население России составляло 147,6 миллио-

на человек, а темпы прироста населения составляли – 5,7%. В 1998 году население России составляло 146,3 миллиона человек, а темпы прироста населения составили – 4,8%. В 2001 году население России составляло 144 миллиона человек, а темпы прироста населения составили – 6,6%. В 2005 году население России составляло 143,5 миллиона человек, а темпы прироста населения составили – 5,9%. В 2006 году население России составляло 143 миллиона человек, а темпы прироста населения составляли – 4,8 на тысячу человек. Таким образом, прослеживается тенденция снижения темпов роста населения, что явилось отрицательным фактором для развития общества и экономики в целом [4, с. 202].

После прихода к власти Владимира Путина темпы прироста населения в России наконец начали расти. Это объясняется созданием благоприятных условий для жизни людей, решения жилищных проблем, проблем социального обеспечения и т.д.

Согласно данным Росстата численность населения РФ за последние 5 лет была относительно стабильной. Данные анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Численность населения РФ [9]

Годы	Все население, млн чел	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2019	146,8	109,5	37,3	75	25
2020	146,7	109,5	37,2	75	25
2021	146,2	109,3	36,9	75	25
2022	147,0	110,0	37,0	75	25
2023	146,4	109,7	36,8	75	25

В 2023 году отмечена тенденция снижения рождаемости, что вызвано несколькими причинами: нестабильной политической и экономической ситуацией, изменением образа мышления и ценностных ориентаций в обществе, миграцией населения и т.д.

Демографические процессы оказывают влияние на следующие экономические явления:

- 1) показатели безработицы;
- 2) показатели миграции населения;
- 3) уровень рождаемости;
- 4) индекс потребительских цен;
- 5) уровень продолжительности жизни;
- 6) процентные ставки;
- 7) состояние социальных фондов;
- 8) оплату труда;
- 9) уровень воспроизводства;

10) макроэкономические показатели развития (ВВП, ВНП, НД и другие).

Влияние демографии прежде всего оказывает влияние на структуру занятости населения. При длительном снижении уровня рождаемости происходит старение населения и трудовых ресурсов, наоборот, при увеличении населения растёт уровень безработицы, особенно среди молодежи.

Такая социальная группа, как молодёжь является гарантом будущего любого общества, основным человеческим, активным и долгосрочным источником развития, и безработица среди молодёжи имеет самые тяжёлые и опасные последствия для последующего экономического роста. Вопрос наличия и отсутствия постоянной работы у молодых людей становится достаточно острым из-за того, что третья ступень развития общества – постиндустриальное общество начинает выступать в качестве новой вехи в истории и в развитии человечества. Иными словами, формирование и тщательная подготовка специалистов различных профессий с высоким уровнем квалификации, хорошо приспособленных к условиям и обстановке рыночной экономики, а также имеющих навыки и умения работы с передовыми технологиями, – это приоритетная государственная задача. От её решения и реализации напрямую зависят темпы роста и конкурентоспособность экономики государства.

В наши дни в условиях глобализации и масштабного увеличения населения Земли становится более острой и злободневной проблема молодежной безработицы, затрагивающей достаточно широкий круг молодого поколения. Это и высококвалифицированные выпускники университетов и те, у кого затруднительное положение в жизни, вызванное различными обстоятельствами. Именно поэтому достижение и поддержание полной трудовой занятости среди молодёжи является одной из первостепенных целей национальной социально-экономической политики.

Важно отметить, что уровень безработицы среди молодежи постоянно уве-

личивается, а социальные нужды молодых профессионалов в трудоустройстве не отвечают их перспективам на рынке труда. И тогда их ожидания противостоят требованиям, которые работодатели предъявляют к будущим сотрудникам. Ситуация ухудшается в связи с отсутствием опыта работы и непосредственной связью между образовательным и производственным процессами и действиями.

Для молодёжи, незанятой работой на рынке трудовых ресурсов в большинстве случаев, свойственно:

- 1) оторванность и отчужденность от социума и событий в нём;
- 2) обостренное чувство одиночества, которое вытекает из предыдущего пункта;
- 3) удовлетворенность жизнью длительный период остаётся на низком показателе;
- 4) постоянная пассивная или активная агрессия, плохое самочувствие и настроение;
- 5) утрата вкуса полноценной, активной социальной жизни и её смысла.

Стоит отметить, что безработица среди молодёжи связана не только с экономической ситуацией в стране или государственной политикой. Причины этого явления разнообразны.

Самой главной причиной служит отсутствие достаточного опыта работы, из-за чего работодатель принимает молодых сотрудников в последнюю очередь в том случае, если в компании ещё остались рабочие места. Этот же принцип работает при сокращении кадров. Нанимателю выгоднее уволить работников с низким опытом, что делает положение молодых людей нестабильным. Следовательно, после окончания учебного заведения молодые люди находятся в постоянной конкуренции с более опытными кадрами. В России подобная ситуация была наиболее выражена в период перестройки, когда система распределения молодёжи на рабочие места после окончания обучения была отменена. В следствии чего образовался дисбаланс спроса и предложения на рынке труда. Молодые люди оказались без ра-

бочих мест в условиях экономического кризиса. Однако, стоит отметить, что молодёжь с низким трудовым опытом не защищена от конкуренции практически во всех странах.

Ещё одной существенной причиной является некачественная практическая подготовка кадров в учебных заведениях. Не имеющие достаточной квалификации работники рискуют лишиться своих мест, так как они не справляются со своими обязанностями. Среди работодателей не редкость, когда выпускникам высших учебных заведений они предпочитают знающих своё дело не в теории, а в практике. Из этого вытекает следующая причина: несоответствие профиля выпускников с требованиями рынка труда. Сейчас это стало большой проблемой для трудоустройства молодых людей. В современном мире количество выпускников, имеющих высшее и среднее образование, растёт, в то время как на рынке труда представлена масса работ, не требующих даже среднего образования (уборщик, охранник, кассир и т.д.). Такой вид деятельности считается непрестижным и низкооплачиваемым, как следствие – остаётся без внимания. Престижных рабочих мест на всех претендующих не хватает.

Имеет место также и низкая зарплата у молодых специалистов. Только начинающие работать молодые люди закономерно получают меньше своих коллег. Для многих это стаёт поводом для поиска другой работы. Особенно, когда работодатель продолжает платить низкую зарплату уже получившему опыт молодому сотруднику.

Не стоит игнорировать и ошибку при выборе будущей профессии. Многие по окончании школы поступают в вуз, не имея представления о выбранной специальности. Ключевым моментом при выборе университета у молодых людей служит доступность имеющихся направлений, а не интерес к роду деятельности. В итоге процесс получения профессионального образования будет испорчен незаинтересованностью обучающегося. Несознательный выбор профессии повышает риски безработицы.

На фоне всего вышеперечисленного, разумным будет заметить появление у молодёжи страха перед конкуренцией или поиском подходящей вакансии, сомнения в собственной квалификации или в выборе направления. В конечном итоге подобные пессимистические настроения могут привести к угасанию интереса к дальнейшему трудоустройству и нахождению в статусе безработного.

Последствия молодежной безработицы могут проявляться в любых сферах жизни, например, в экономической, социальной, политической и так далее. Рассмотрим подробнее две из них: социальную и экономическую.

Так, социальная отрасль в последствии молодежной безработицы может иметь обострение криминальной ситуации, увеличение дифференциации общества, отток молодых специалистов в другие регионы, падение патриотизма, увеличение количества беспризорных детей и так далее. Ученые также находят прямую связь между безработицей и нервным состоянием человека. Безработица отражается в снижении уровня жизни и благосостояния населения, деградации рабочих и потере профессиональных навыков.

Последствия молодежной безработицы имеют последствия в экономической области. Из-за безработицы снижается потенциально возможный уровень ВВП, теряется возможность производства большего количества товаров и услуг для удовлетворения потребностей и так далее.

Таким образом, безработица является большой проблемой для молодых людей, поскольку они лишаются возможности найти рабочее место и поддержать свое существование. К тому же, история показывает, что массовая молодежная безработица неизбежно ведет к резким сменам политической и социальной власти. Именно поэтому государство должно вмешиваться в вопросы рынка, чтобы вовремя урегулировать ситуацию и не рассчитывать только на его саморегулирование.

Решением проблемы безработицы среди молодежи являются националь-

ные программы занятости. Разработка программ активного трудоустройства, субсидий на создание рабочих мест для молодежи, а также стимулирование работодателей к приему на работу молодых специалистов может способствовать улучшению ситуации на рынке труда.

Содействие в международной мобильности – еще один эффективный способ решения этой проблемы. Программы обмена и стажировок за рубежом позволяют молодому поколению получить международный опыт работы, расширить свой кругозор и улучшить свои профессиональные навыки. Партнерство с зарубежными компаниями может создать новые возможности для трудоустройства молодых специалистов на международном уровне.

Также не мало важный способ – это повышение информационной грамотности: обучение молодых людей навыкам поиска работы, составлению резюме, успешному прохождению собеседования использованию онлайн-платформ для поиска работы.

Комплексное применение вышеперечисленных методов решения безработицы среди молодого поколения может создать более благоприятные условия для трудоустройства. Важно, чтобы государство, работодатели и образовательные учреждения совместно искали эффективные решения этой проблемы и создавали условия для развития потенциала молодого поколения.

Таким образом, кардинальные изменения модели экономического развития страны в области решения проблемы трудоустройства и безработицы в последние годы требуют формирования новых подходов в управлении [4, с. 15].

Влияние на социальную инфраструктуру чрезвычайно многообразно и всесторонне. К примеру, относительно высокий удельный вес молодежи в составе населения, рост числа браков и рождений требует соответствующего удовлетворения растущего спроса на жилье, продуктах питания и т.д. Напротив, в стареющем населении увеличивается потребность в социальном и медицинском обслуживании [10].

Важно отметить, что рассмотрение данных процессов и их влияния на экономику особенно ценно при осуществлении процессов планирования и прогнозирования в обществе.

Далее рассмотрим возрастную структуру населения и ее влияние на экономику страны.

Считаем, что изменения в возрастной структуре населения могут повлиять на экономический рост. По экономическим подсчетам в 2022 году на каждый прирост трудоспособного населения России на 1% в период с 1997 по 2017 год фактический региональный ВВП на душу населения увеличился на 0,27%. В основном благодаря пенсионной реформе Россия сможет получить положительный «демографический дивиденд» (то есть увеличение доли трудоспособного населения принесет рост ВВП) как минимум до 2036 года [9].

Согласно октябрьскому макроэкономическому обзору Центрального банка России, потенциальный ВВП России будет расти среднегодовыми темпами в 1,5% в период с 2027 по 2031 год.

Российский экономист Александр Исаков, отметил, что вклад демографических тенденций в динамику ВВП обычно делится на две части – занятое население (экстенсивная) и количество рабочих часов (нормальная). Он сказал: «Оба эти фактора окажут негативное влияние на темпы роста (российской) экономики в ближайшие годы. По нашим оценкам, сокращение численности занятого населения снизит темпы роста примерно на 0,15–0,2%, а сокращение средней продолжительности рабочего дня снизит темпы роста примерно на 0,1%».

Согласно прогнозу, Российского национального бюро статистики, общее число трудовых иммигрантов в России продолжит расти на протяжении всего прогнозируемого периода, достигнув более 200 000 человек в год. Ранее в этом году демографы Российского высшего экономического университета подсчитали, что для поддержания численности населения в 146 миллионов человек Россия должна ежегодно привлекать в среднем не менее 390 000 иммигрантов

(чистый приток). Министерство экономического развития России объявило, что российской экономике потребуется пополнить штат на 2,3 миллиона человек в более короткий период до 2030 года. Оно также заявило: «Мы будем использовать внутренние ресурсы, чтобы покрыть половину этой суммы, которая будет получена в результате совокупного эффекта пенсионной реформы и роста занятости молодежи. Другая половина будет восполнена за счет дальнейшего повышения производительности в некоторых отраслях промышленности и привлечения большего числа студентов колледжей и других граждан». По оценкам Министерства экономического развития России, благодаря реализации национального проекта «Производительность труда» дефицит рабочей силы в России сократится на 130 000 человек к концу 2024 года [4, с. 215].

Однако, существуют также определенные риски пенсионной системы.

Важно отметить, что Россия начала постепенно повышать пенсионный возраст, впервые с 1932 года изменив верхнюю границу трудоспособного возраста. На момент распада Советского Союза доля пенсионеров в России составляла менее 20%, но с середины 2000-х годов она быстро росла, достигнув рекордных 25,8% к моменту официального начала пенсионной реформы. С середины 21 века доля населения России трудоспособного возраста сократилось, что увеличило риск дисбаланса в общей системе страхования по старости (распределенной системе страхования по старости).

Российское национальное бюро статистики объявило, что пенсионный возраст российских женщин постепенно увеличивается с 55 до 60 лет, а мужчин – с 60 до 65 лет, что оказало влияние на изменение доли пенсионеров среди населения. В то же время доля самого молодого населения России (молочного официального нижнего предела трудоспособного возраста в 15 лет) сократится с 18,5% в 2024 году до 15,6% в 2046 году (абсолютная численность населения за этот период сократится на 5,5 млн человек).

Из-за эффекта от повышения пенсионного возраста к 2028 году на каждую 1000 человек трудоспособного возраста в России будет приходиться не менее 327 пенсионеров, по мере снижения эффекта это число будет постепенно увеличиваться, достигнув 468 к 2045 году (чуть выше 430 в 2022 году).

Помимо того, что рост численности пожилого населения нанесет ущерб пенсионной системе, он также окажет влияние на структуру бюджетных расходов. Старение населения неизбежно приведет к увеличению расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, поскольку среди пожилых людей становится больше инвалидов и людей, нуждающихся в длительном уходе. К 2024 году доля расходов России на социальную политику составит 21% от общего объема расходов федерального бюджета (самый низкий показатель с 2011 года), а расходы на здравоохранение составят 4,4% от общего объема федеральных расходов.

Согласно данным Министерства финансов России, в рамках расширенных государственных расходов на период с 2024 по 2026 год (включая не только федеральное центральное правительство, но и местные фонды и внебюджетные фонды) расходы на социальную политику составят в среднем 11,4% ВВП, или 31% от общего объема расходов; расходы на здравоохранение на его долю придется 3,6% ВВП, что составляет около 10% от общего объема расходов [7, с. 29].

Следовательно, государству необходимо проводить политику, направленную на минимизацию уровня рисков экономической безопасности, решения проблем социального обеспечения населения и обеспечения их качества жизни. В данной работе разработаны перспективные направления решения демографической проблемы в обществе, наглядно представленные на рис. 1.

Считаем, что применение данных направлений на практике позволит не только решить демографические проблемы в обществе, но создать благоприятные условия для будущего развития поколе-

ний, повышений уровня и качества жизни, увеличения рождаемости и снижения смертности населения.

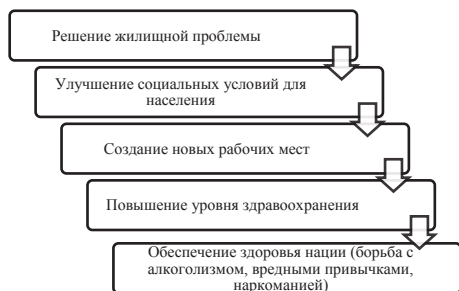

Рис. 1. Перспективные направления решения демографической проблемы в обществе

Источник: разработано автором.

Обсуждение

Изучение демографии играет важную роль в социально-экономическом развитии страны. Демография связана с экономикой и социальными явлениями в обществе. Она изучает процесс воспроизводства населения (изменения рождаемости и смертности), а при изучении законов развития народонаселения она неотделима от основных принципов, разработанных в экономике, особенно при изучении взаимосвязи между населением и экономикой. Развитие и процесс народонаселения ограничены и определяются социальной структурой, социальной системой и внутренним механизмом общественного развития на определенном историческом этапе, поэтому демография и социальные процессы также неразрывно связаны. Наблюдение и анализ социальных факторов, определяющих развитие населения, неотделимы от принципов и методов социологии. Изменения в воспроизводстве населения зависят от социального поведения людей, такого как брак, семья и деторождение. Следовательно, демография и социально-экономические процессы являются неотделимыми друг от друга.

Заключение

Показатели демографического развития страны играют важную роль в развитии социально-экономических явлений в об-

ществе. В условиях экономической нестабильности основной задачей со стороны государства является обеспечение необходимых условий для поддержания и жизнедеятельности населения, создания возможностей для улучшения демографической ситуации в будущем: разработка политики по решению жилищных условий, создание новых рабочих мест, повышение уровня прожиточного минимума населения, решения проблем в области здравоохранения и т.д. Обеспечение комплексного подхода к деятельности позволит добиться положительных результатов и снизить риски экономической безопасности.

Литература

1. Каюков В.В. Взаимосвязь демографических процессов с состоянием экономики // Экономика, управление, финансы. – Пермь: Меркурий. 2014. – С. 177–180.
2. Кармиргодиева А. А., Черкесова Э.Ю. Влияние демографических факторов на социально-экономическое развитие // «Концепт». 2016. Т. 17. С. 249–253.
3. Мочалова Я.В. Стратегия развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ // Пространственное развитие территорий. 2018. С. 393–396.
4. Малинина Т.Б. Демография и социальная статистика. – Москва: Юрайт, 2024. – 354 с.
5. Медков В.М. Введение в демографию. – М.: Фонд «Мир», 2022. – 432 с.
6. Смирнова Т.П. Демографическая ситуация как фактор развития рынка рабочей силы // Проблемы современной экономики. № 3(31). 2009. С. 15–27.
7. Тихомиров Н.П. Демография. Методы анализа и прогнозирования. – М.: Экзамен, 2023. – 256 с.
8. Цейтлин И.Я. К методологии планирования населения. – М.: Наука, 2022. – 320 с.
9. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
10. Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов

[Электронный ресурс]. – URL: <https://studfile.net/preview/2383919/page:9/> (дата обращения: 20.04.2024).

DEPENDENCE BETWEEN DEMOGRAPHIC PROCESSES AND SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA

Sjng Xiuyan

Lomonosov Moscow State University

Issues related to identifying the relationship between demography and socio-economic phenomena in society are considered. The purpose of the study is to study the demography and socio-economic processes in society, to identify the main features and traits. Research methods: analysis, comparison, decision making, logical reasoning and others. The historical features of the demographic crisis in Russia are considered. The influence of demography on the main economic indicators of development such as: unemployment indicators is emphasized; population migration indicators; birth rate; consumer price index; life expectancy level; interest rates; the state of social funds; wages; reproduction level; macroeconomic development indicators and others. An analysis of the population of the Russian Federation over the past five years was carried out. The influence of demography on basic socio-economic processes has been studied. The age structure of the population and its impact on the country's economy are considered. The forecast values of the country's socio-economic development indicators have been determined. The risks of pension reform have been studied. Promising directions for solving the demographic problem in society have been developed. The use of an integrated approach in assessing and analyzing demographic and socio-economic processes will

allow achieving positive results in the development of state planning and forecasting policies in society.

Keywords: demography; society; problems; solution; population; socio-economic processes.

References

1. Kayukov V.V. Interrelation of demographic processes with the state of the economy // Economics, management, finance. – Perm: Mercury. 2014. – pp. 177–180.
2. Karmirgodieva A. A., Cherksova E. Yu. The influence of demographic factors on socio-economic development // "Concept". 2016. T. 17. pp. 249–253.
3. Mochalova Y.V. Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation // Spatial development of territories. 2018. pp. 393–396.
4. Malinina T.B. Demography and social statistics. – Moscow: Yurayt, 2024. – 354 p.
5. Medkov V.M. Introduction to demography. – M.: Foundation "Mir", 2022. – 432 p.
6. Smirnova T.P. Demographic situation as a factor in the development of the labor market // Problems of modern economics. No. 3(31). 2009. pp. 15–27.
7. Tikhomirov N.P. Demography. Methods of analysis and forecasting. – M.: Exam, 2023. – 256 p.
8. Tseytlin I. Ya. On the methodology of population planning. – M.: Nauka, 2022. – 320 p.
9. Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
10. Interrelation of demographic and socio-economic processes [Electronic resource]. – URL: <https://studfile.net/preview/2383919/page:9/> (access date: 04/20/2024).

Цифровая грамотность, цифровое неравенство и цифровая адаптация инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции

Тринадцатко Антон Александрович,

к.с.н., Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13-176@rambler.ru

Процесс цифровизации российской экономики обусловил глубокое проникновение современных цифровых технологий в повседневную жизнь широкого круга граждан. Эффективное взаимодействие с информационно-цифровой средой для большей части из них стало результатом повышения уровня их цифровой грамотности и способности адаптироваться к новым условиям. В то же время в обществе существуют определенные группы людей, обладающие цифровыми компетенциями и неплохо адаптированные к работе в цифровой среде, но при этом являющиеся жертвами цифровой дискриминации. К ним, в первую очередь, относятся лица с ограниченными возможностями, которые испытывают трудности во взаимодействии с современными цифровыми устройствами из-за недостаточного уровня адаптации цифровых технологий к их возможностям. В статье исследуется вопрос взаимосвязи уровня цифровой грамотности инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения, с их цифровой дискриминацией и адаптацией. Делается вывод о том, что инвалиды по зрению имеют высокий уровень цифровой грамотности, активно пользуются персональными компьютерами и смартфонами, но по-прежнему испытывают трудности при работе с ними из-за низкого уровня адаптации ряда важных программных продуктов. Это свидетельствует как о способности инвалидов по зрению реализовывать позитивный адаптивный тип поведения, интегрируясь в социально-цифровую среду и расширяя тем самым свои возможности и повышая уровень самостоятельности, так и о существовании в их отношении цифровой дискриминации, ограничивающей рост уровня их социальной независимости. Также делается вывод о том, что в своей повседневной жизни инвалиды очень ограниченно пользуются технологиями smart-TV и интернетом вещей, что обуславливается низкой технологически-процессуальной и функциональной адаптацией последних к возможностям незрячих лиц.

Ключевые слова: Инвалиды, инвалиды по зрению, тяжелые нарушения зрения, цифровизация, адаптивные цифровые технологии, тифлоадаптивные технологии, цифровая среда, цифровая грамотность, цифровая адаптация, цифровая дискриминация.

Введение

Формирование в современной России цифровой экономики обусловило появление такого социального феномена, как цифровой социум или цифровое общество, являющееся, с одной стороны, потребителем результатов цифровизации, а с другой – ее движущей силой. Цифровая экономика также подразумевает наличие соответствующего субъекта – цифрового гражданина – актора, имеющего необходимые цифровые компетенции, дающие ему возможность реализовывать свой трудовой и творческий потенциал, развиваться и достигать свои цели в виртуальных и реальных социальных сообществах в условиях диффузии цифровых технологий [1]. При этом имеющийся у гражданина набор компетенций, позволяющий ему эффективно решать повседневные задачи и достигать поставленные цели посредством цифровых технологий, определяет его цифровую грамотность (ЦГ) [2].

В то же время развитые цифровые компетенции зачастую не гарантируют адекватного удовлетворения запросов конкретного индивида вследствие неадекватного уровня адаптивности цифровых инструментов, слабо учитывающих индивидуальные особенности немалой части нетипичных представителей российского социума.

В этом контексте актуализируется вопрос изучения проблем цифрового неравенства и цифровой адаптации определенных социальных групп, проистекающих из целого ряда условий – от языковых различий до состояния здоровья. Особую актуальность эти вопросы приобретают, если речь идет о такой части социума, как инвалиды, традиционно дискриминируемой с точки зрения участия в некоторых ключевых социальных процессах, а именно – процессе профессионально-трудовой самореализации

и, в условиях цифровизации, процессе цифровой социализации.

Наибольшее значение проблема цифровой дискриминации приобретает для инвалидов дискредитированного стигматипа, к числу которых относятся слепые и приравненные к ним лица, инвалиды с дефектами обеих верхних конечностей, инвалиды-спинальники, лица с ментальными нарушениями и пр. В их отношении весь потенциал высокого уровня ЦГ может быть раскрыт только тогда, когда процесс их цифровой адаптации, реализуемый, к слову, через процедуру цифровой реабилитации (абилитации), будет сопровождаться устранением цифровой дискриминации, проявляющейся как в неадаптированности операционных систем, программных продуктов и приложений, так и технических устройств, взаимодействие с которыми осуществляется посредством цифровых онлайн-технологий.

В данной статье, в отношении цифровых технологий, мы будем придерживаться точки зрения, представленной Т.А. Бороненко, А.В. Кайсиной и В.С. Федотовой, которые понимают под ними технологии, основанные на идее получения, извлечения, хранения, просмотра, создания, изменения, распространения и передачи информации в электронном виде в цифровой форме. Такие технологии реализуются посредством различных цифровых устройств, к числу которых относятся стационарные (десктопы) и мобильные (лэптопы) форматы ПК, а также сенсорные мобильные устройства, цифровое ТВ, технологии умного дома, бытовые роботы и др. [3].

Отметим при этом, что в контексте рассмотрения феномена ЦГ, Т.А. Бороненко с соавторами акцентируют внимание на образовательном этапе ее формирования непосредственно в учебных заведениях, как результата освоения обучающимися курса информатики, развивающего необходимые компетенции. В то же время, авторы признают, что в настоящий момент многие элементы цифровой грамотности не входят в курс информатики и осваиваются цифровыми пользователями самостоятельно.

Процесс цифровизации практически всех важнейших сфер жизнедеятельности граждан актуализирует вопрос формирования практик позитивной цифровой адаптации, а также разработки специальных методик развития ЦГ у полностью или частично эксклюзивированных социальных групп, например, инвалидов с сенсорными нарушениями, ментальными нарушениями или с множественной инвалидностью.

Напомним, что первым, кто дал определение цифровой грамотности, был П. Гилстер, который в своей одноименной работе 1997 г. подразумевал под ней «способность, принимать и использовать информацию, предоставленную во множестве форматов из широкого спектра источников посредством компьютеров» [4]. Позднее Г. Дженкинс с коллегами предложили свой вариант понятия ЦГ, согласно которому она определяется как совокупность взаимосвязанных навыков по взаимодействию с ПК и прочими цифровыми устройствами, с программным обеспечением (ПО), предназначенным для работы с информацией, а также общих навыков работы с цифровыми технологиями [3]. В свою очередь А. Эмеджулу и С. Макгрегор определили ЦГ как уверенное, критическое и творческое использование информационно-коммуникационных технологий для достижения целей, связанных с работой, трудоустройством, обучением, отдыхом, социальной сферой [5]. Т.А. Бороненко с соавторами вполне логично отмечают, что ЦГ является базовым навыком, необходимым для постоянного обучения в течение всей жизни, условием достижения успеха в учебе и востребованности при трудоустройстве [3].

В целом мы можем констатировать, что ЦГ в настоящее время является достаточно популярной темой исследования в научном сообществе, о чем свидетельствует широкий круг научных публикаций, к числу которых, кроме вышеуказанных, можно отнести работы, например, И.В. Гужовой [6], Н.В. Митяевой [7], А.В. Коневой и А.А. Лисенковой [8], Е.В. Салимуллиной, И.А. Талышевой и Х.Р. Пеговой [9] и др. Таким образом,

мы можем заключить, что ЦГ обычно представляют как совокупность навыков индивида по взаимодействию с ПК и другими цифровыми устройствами и технологиями с целью достижения им своих личных целей в различных сферах как виртуального, так и реального пространства. Очевидно, что данный взгляд на ЦГ является вполне корректным, хотя в нем изначально и заложена дискриминационная составляющая в отношении дискредитированной части сообщества лиц с инвалидностью, нежели его редуцированный вариант, предлагаемый, например, В.И. Токтаровой, в котором ЦГ представляется с точки зрения информационно-коммуникационной функции, т.е. только с позиции возможности эффективной и безопасной коммуникации виртуальных пользователей [2].

Материалы исследования

Проведенный в очном и заочном форматах в феврале-апреле, а также ноябре-декабре 2023 г. опрос 180 инвалидов по зрению I (62,8% или 113 чел.) и II (37,2% или 67 чел.) гр., из числа которых 155 (86%) состоят в Хабаровской общественной региональной организации (РО) ВОС, 20 чел. (11%) – в РО ВОС других субъектов РФ, 5 чел. (2,8%) – в Белорусском обществе слепых, показал, что 161 чел. (89,4%) умеют работать на ПК с использованием тифлоадаптивных технологий, 178 (99%) – могут, также с использованием тифлоадаптивных цифровых технологий взаимодействовать с сенсорными мобильными устройствами.

При этом, наличие у инвалидов с тяжелыми дефектами зрения таких навыков не деактуализирует вопрос определения уровня их ЦГ и поиска вариантов его повышения, поскольку данная категория населения, в отличие от зрячих граждан, является менее защищенной, например, в вопросах цифровой безопасности, а также зависимой от своего социального окружения в ситуациях, базальтернативно требующих от цифровых пользователей сохранности зрительной функции.

Результаты проведенного опроса свидетельствуют, что по субъективным

ощущениям информантов 6,1% из них (11 чел.) определяют уровень своей ЦГ как очень высокий, 19% (34 чел.) считают, что уровень их ЦГ достаточно высок, 32,8% (59 чел.) отмечают, что их уровень ЦГ мог бы быть и выше (т.е. уровень средний), 41% (74 чел.) обозначили состояние своей ЦГ как низкий и 1% (2 чел.) отметили, что уровень их ЦГ нулевой. В данном случае прослеживается определенная взаимосвязь между возрастом инвалида, состоянием его занятости, образованием, тяжестью зрительного дефекта и субъективной оценкой своего уровня ЦГ.

Так, инвалиды с высшим образованием, работающие или занимающиеся иным видом социальной активности (например, творчеством), имеющие I гр. инвалидности по зрению, в возрасте до 50 лет отметили, что их уровень ЦГ высокий или очень высокий (25,1%). Средний и низкий уровень своей ЦГ преимущественно указали неработающие инвалиды старше 50 лет, состоящие в браке с лицами без дефектов зрения, имеющие I и II гр. инвалидности по зрению (73,8%). Полное отсутствие ЦГ отметили инвалиды, относящиеся к возрастной когорте 60+, не проявляющие социальной активности, проживающие с близкими родственниками (супругом, детьми, внуками). При этом были бы не против повысить свою ЦГ примерно половина информантов (52,2% или 94 чел.), еще 39,4% (71 чел.) не видят в этом необходимости и 8,3% (15 чел.) затруднились с ответом.

В то же время, с учетом введения в массовый обиход непосредственно понятий «цифровая грамотность» и «цифровые компетенции», возникла необходимость построения определенной шкалы уровня ЦГ и методики ее измерения, что нашло отражение в работах целого ряда отечественных и зарубежных ученых [2, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Так, с начала XXI в. подход к оценке уровня ЦГ трансформировался от четырехкритериальной модели к информационной, а затем к технической (компьютерно-вычислительной) [2]. Одним из последних, наиболее признанных на-

учным сообществом подходов к оценке уровня ЦГ, стал подход, предложенный на саммите G20 в 2017 г. в рамках которого было рекомендовано совместное использование ее социальной и технической характеристик, т.е. совокупности информационной, компьютерной, коммуникационной и технологической грамотности [10].

При этом указанные составляющие оцениваются с технической, когнитивной и этической позиций. В частности, технический аспект подразумевает наличие у человека понимания работы цифровых устройств и технологий, а также сформированные навыки поиска информации во всем многообразии ее форм; когнитивный означает умение цифрового пользователя работать с информацией, включая коммуникативные процессы, осуществляемые в виртуальной среде; под этическим понимается ответственность индивида за результаты работы с информацией и коммуникации в цифровом пространстве [11].

Специалисты аналитического центра НАФИ, взявшие за основу этот подход, предложили свою методику расчета индекса ЦГ, представляющего собой количественное выражение сформировавшегося уровня цифровых компетенций у больших социальных групп (например, профессиональных или иных социальных сообществ). Определяется данный индекс путем тестирования (или интервьюирования) конкретных индивидов, позволяя, в итоге, оценить не их личный уровень ЦГ, но крупной социальной общности. При этом одной из ключевых целей определения данного индекса является выявление сообществ, большая часть представителей которых обладает низким уровнем ЦГ и, соответственно, не может выступать акторами цифровой экономики в различных ее вариациях [2].

Так, согласно результатам комплексной оценки ЦГ официально работающего населения России, проведенного НАФИ в 2018–2020 гг. только 27% респондентов имеют высокий уровень ЦГ, что на 3% ниже целевого показателя (30% для 2020 г.), заложенного в Федеральном проекте «Кадры для цифровой эконо-

мики». В то же время 65% информантов допускают, что в их организациях возможно сокращение численности персонала в результате автоматизации производственных процессов и внедрения новых технологий, 24% считают, что сами могут быть сокращены, если не будут совершенствовать свои цифровые навыки. Сам индекс ЦГ работающих россиян в 2020 г., вычисляемый, к слову, по методологии Digcomp, согласно НАФИ, составил 58% из 100 и определялся по 5 параметрам: информационная грамотность (59%); коммуникативная грамотность (62%); создание цифрового контента (53%); цифровая безопасность (60%) и навыки решения проблем в цифровой среде (58%) [12].

Приведенные данные не только позволяют оценить уровень ЦГ представителей работающего сообщества, но и указывают на наличие проблемы цифровой адаптации части из них, а также цифровой дискриминации по критерию «цифровая грамотность».

Собственно, результаты опроса инвалидов по зрению также свидетельствуют об общем высоком уровне цифровой грамотности, причем он, может быть даже выше, чем показали результаты НАФИ. В то же время можно однозначно констатировать, что по параметрам «создание цифрового контента» и «решение проблем в цифровой среде» цифровые компетенции инвалидов по зрению объективно должны показывать более низкие значения, что обуславливается как невысоким уровнем трудовой занятости незрячих и слабовидящих граждан, так и неполной тифлоадаптированностью как компьютерных ОС, так и мобильных приложений [13, 14].

По-нашему мнению, к недостатком данного подхода, предназначенного для оценки цифровых навыков больших социальных групп, в первую очередь можно отнести именно эту его особенность, поскольку полученные с его помощью результаты не позволяют достоверно оценить уровень ЦГ небольших, в сравнении с более крупными социальными образованиями, социальных групп, например, различных инвариантов дискре-

дигитированных инвалидов, вследствие игнорирования некоторых ограничений, обусловленных состоянием здоровья, что по умолчанию будет давать более низкие значения их индекса ЦГ.

В то же время логично будет предположить, что частота и направления использования гражданами онлайн-технологий в повседневной жизни могут служить индикатором их социальной адаптации к процессу цифровизации их жизнедеятельности.

При этом, однако, мы не можем полностью согласиться с выводом О.В. Шиняевой с коллегами, базирующемся на приведенном тезисе, утверждающих, что частота использования мобильных устройств для выхода индивида в ТКС «Интернет» зависит от уровня его мобильности и, следовательно, свидетельствует об уровне его социальной адаптации [11]. Так, в отношении инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения, умеющих работать на ПК и взаимодействовать с современными мобильными устройствами, можно утверждать, что чем ниже уровень их физической мобильности, тем активнее они используют в своей повседневной жизни цифровые технологии [14]. Собственно, неправильно будет отрицать, что данное утверждение может быть экстраполировано и на другие инварианты дискредитированных инвалидов (например, инвалидов-колясочников или спинальников), которые именно посредством использования онлайн-технологий удовлетворяют свои социальные потребности, в т.ч. в общении, творческой или профессиональной самореализации, проявляя таким образом рост уровня своей независимости и самостоятельности.

Таким образом, указанные выше составляющие ЦГ, реализуясь через современные цифровые устройства и технологии, имеют своей целью предоставление индивиду возможностей для эффективной работы в виртуальном пространстве. Однако достижение этой цели доступно лишь для той части социума, которая не нуждается в специальной адаптации цифровых технологий и устройств под свои индивидуальные

особенности, обусловленные, зачастую, состоянием здоровья.

Обозначив существование проблемы оценки уровня ЦГ инвалидов дискредитированного стигматипа, в отношении которых используются методики оценки ЦГ должны подвергаться определенной корректировке, а также отметить наличие проблемы обеспечения полноценного доступа таких граждан к цифровой среде, рассмотрим в этой взаимосвязи вопрос социально-цифровой адаптации указанной когорты лиц, которая, впрочем, лежит на поверхности и является интуитивно понятной как для бенефициаров, так и специалистов.

Социальную адаптацию можно представить, как способ реагирования человека на происходящие вокруг него объективные изменения условий функционирования общества [11]. Формирование и выбор соответствующей социально-адаптивной практики в контексте процесса цифровизации, является результатом появления феномена цифрового неравенства, особенно ярко проявляющегося в отношении лиц, которые, даже имея высокий уровень ЦГ и обладая навыками взаимодействия с цифровыми устройствами и технологиями, объективно не могут использовать весь их спектр из-за игнорирования имеющихся у таких лиц дефектов здоровья.

Если отталкиваться от тезиса о том, что доступность цифровых технологий для населения и уровень овладения ими выступают не только показателями цифровой адаптации социальной структуры, но и важной составляющей современной социальной инфраструктуры, служащей цели оптимизации процесса удовлетворения социальных потребностей и интересов граждан, то важное значение приобретает вопрос цифровой дискриминации отдельных социальных групп, вызванной не физической недоступностью цифровых технологий, а недостаточным уровнем их универсальности [15].

Интересные результаты, с точки зрения проявления цифровой дискриминации как фактора, обуславливающего неспособность лиц с инвалидностью по зрению оптимально адаптироваться

к стремительно развивающемуся цифровому пространству и не позволяющему им максимально продуктивно пользоваться цифровыми устройствами, в т.ч. из-за низкой или полной неадаптированности

последних к ограниченным возможностям данной группы, демонстрирует авторский опрос инвалидов по зрению, проведенный в 2023 г., частичные результаты которого приведены в табл. 1.

Таблица 1. Наличие и использование инвалидами по зрению в повседневной жизни онлайн-устройств

Наличие онлайн-устройств в месте проживания инвалида	В наличии		Пользуются	
	человек	%	человек	%
Всего респондентов	180	100	180	100
– стационарный ПК (десктоп)	138	76,7	125	69,4
– мобильный ПК (ноутбук, нетбук)	94	52,2	67	37,2
– планшет	61	33,9	40	22,2
– смартфон, мобильный телефон	178	98,9	178	98,9
– смарт-ТВ	75	41,7	57	31,7
– интернет-вещей	131	72,8	47	26,1
– нет ничего перечисленного	0	0	0	0

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что современные цифровые устройства в различных своих вариантах, достаточно плотно окружают инвалидов по зрению в их повседневной жизни, причем немалая часть инвалидов использует их при решении повседневных задач. Об этом, в частности, говорят показатели наличия у инвалидов по зрению и использования ими стационарных и мобильных видов ПК и смартфонов.

В то же время, мы также можем наблюдать отклонение между показателями наличия цифровых устройств и их самостоятельным использованием инвалидами, что подтверждает существование проблемы цифрового неравенства и трудностей с социально-цифровой адаптацией. Отклонения между показателями наличия и использования ПК и планшетов обусловлено фактом принадлежности конкретного устройства непосредственно инвалиду или члену его семьи, а также возможностью доступа инвалида к данному устройству и оснащенностью этого устройства тифлоадаптивным ПО.

Например, инвалиды с низким остатком зрения предпочитают работать с ПК, настроенными именно под их особен-

ности зрения, что является неудобным для зрячих членов их семьи и, соответственно, служит фактором желательности приобретения дополнительных компьютеров для них.

Планшетами преимущественно пользуются лица с II гр. инвалидности по зрению или с I гр., но с неплохой сохранностью зрительного анализатора. Данный факт объясняется тем, что для таких людей размер экрана имеет значение и взаимодействие с устройством они зачастую осуществляют с помощью внешних приспособлений (очки, лупа) или встроенных цифровых инструментов (мобильный помощник, более низкое разрешение дисплея, увеличенный шрифт, увеличение изображения тройным касанием и т.д.), не прибегая к технологии TTS.

Смартфонами инвалиды по зрению обеих групп пользуются в равной степени часто, опираясь при этом, однако, на разные цифровые тифлоинструменты. Например, тотально незрячие лица и инвалиды с критически низким остатком зрения при работе со смартфонами используют мобильные помощники и технологию TTS. Лица, относящиеся к категории слепых, но с сохранностью

зрения от 0,03% обычно дополнительно настраивают на устройстве крупный шрифт и увеличение тройным касанием.

Аналогичная ситуация складывается и с ПК. Тотально незрячие и приравненные к ним индивиды при работе на ПК используют программы-скринридеры (TTS, например, JAWS или NWDA) и программы-ридеры (MaxReader, IceBook, Говорилка и др.). Инвалиды с низкой сохранностью зрения, но не относящиеся к категории слепых, указанные тифло-технологии дополняют экранной или ручной лупой, а также аппаратно адаптируют под себя цветовую гамму, контрастность изображения, размер указателя мыши и шрифта и т.п. Инвалиды I и II гр. с неплохой сохранностью зрения практически не используют при работе на ПК скринридеры, но зато активно применяют другие встроенные инструменты, а также нецифровые приспособления (лупа, очки) [14].

Совсем иная ситуация складывается с использованием инвалидами по зрению смарт-ТВ и интернета вещей. Данные табл. 1 свидетельствуют, что:

- 1) смарт-ТВ имеется только у 42% инвалидов, и лишь 32% информантов могут самостоятельно использовать все его возможности. К их числу относятся инвалиды II и I гр. с остатком зрения, позволяющим им без помощи окружающих взаимодействовать с устройством, а также слепые и слабовидящие индивиды, у которых данное цифровое устройство имеет функцию голосового помощника;
- 2) технология интернета вещей присутствует в домашнем окружении 72,8% опрошенных, однако лишь 26% могут самостоятельно ее подключить и настроить.

Таким образом, на основании результатов опроса мы видим, что, в первую очередь, уровень ЦГ у инвалидов по зрению крайне низок в направлениях взаимодействия с цифровым ТВ и интернетом вещей, т.е. там, где минимален уровень тифлоадаптации цифровых устройств или технологий и где решаемые с их помощью задачи можно

достичь посредством других цифровых устройств.

Инвалиды по зрению отмечают, что в вопросе их взаимодействия с современными цифровыми устройствами, включая ПК и смартфоны, их цифровые возможности значительно уже, чем у зрячих представителей социума.

К числу основных дискриминирующих факторов, ограничивающих цифровые возможности граждан с инвалидностью по зрению, последние отнесли:

- 1) полная или частичная неадаптированность цифровых устройств или программных продуктов (приложений) к физическим особенностям данной когорты инвалидов – 60,55% (109 чел.);
- 2) необходимость дополнительного обучения специфике работы с тифлоадаптивными цифровыми устройствами, а также отсутствие возможности или желания обучаться взаимодействию с такими устройствами – 43,3% (78 чел.);
- 3) отсутствие возможности или необходимости в приобретении функционально незнакомого им или нового цифрового устройства – 24,4% (44 чел.).

Превышение количества ответов над общей численностью участвовавших в опросе инвалидов объясняется возможностью выбора нескольких (но не более 3) вариантов ответов из доступных 6.

Мы видим, что более 60% инвалидов, пользующихся цифровыми устройствами (очевидно, что это ПК и смартфоны), считают, что основным дискриминирующим фактором в области использования ими цифровых технологий и устройств выступает их недостаточная тифлоадаптивность. К их числу преимущественно относятся лица с I гр. инвалидности, в возрастной когорте до 50 лет, с высшим или средним профессиональным образованием, работающие или имеющие опыт трудовой деятельности, получившие инвалидность по зрению во взрослом возрасте, состоящие в браке и имеющие детей.

43% отметили, что у них нет желания или возможности специально обу-

чаться работе с незнакомыми или новыми цифровыми устройствами. В данную группу преимущественно вошли инвалиды в возрасте от 40 лет, не имеющие высшего образования, не работающие и ведущие пассивный образ жизни, состоящие в браке с супругом без инвалидности по зрению, имеющие детей, являющиеся как инвалидами по зрению с детства, так и получившие инвалидность по зрению во взрослом возрасте.

Наконец, 15% указали, что у них нет возможности или необходимости в приобретении незнакомого или нового цифрового устройства. К этой группе, в основном, относятся инвалиды по зрению старшего пенсионного возраста – от 55 лет, проживающие отдельно от детей и внуков, одинокие или состоящие в браке, в т.ч. с другим инвалидом по зрению, относящиеся к категории totally незрячих (I гр.).

Заключение

Таким образом мы можем констатировать, что наиболее активная часть инвалидов по зрению, обладая высоким, с учетом ограниченности их зрения, уровнем ЦГ, достаточно успешно адаптируется к меняющимся условиям, стремясь интегрироваться в цифровое общество, но испытывает при этом определенные проблемы, обусловленные их цифровым неравенством, проявляющимся в лимитации их возможности всесторонне пользоваться современными цифровыми устройствами и технологиями.

Вершинская О.Н. отмечает, что в настоящее время социально-цифровую адаптацию нельзя просто сводить к наличию интернета. ТКС «Интернет» становится инструментом, обеспечивающим виртуальную жизнь членов современного цифрового общества, без которой возможности удовлетворения ими своих жизненных потребностей существенно снижаются [16].

В контексте процесса цифровизации социальную адаптацию можно трактовать как рост ЦГ граждан и их сообществ с целью повышения качества их жизнедеятельности, а также как формирование способностей к осуществлению эф-

фективных интеракций с другими людьми или группами людей в условиях складывающейся информационно-цифровой социальной структуры [11].

Конечно, нельзя отрицать существование в современном обществе социальных групп, слабо использующих возможности онлайн-технологий, неспособных или нежелающих адаптироваться к цифровой действительности и формирующих, таким образом, слой дискриминируемых, в контексте процесса цифровизации, граждан. Логично, что среди них присутствует достаточно большое число представителей когорты дискредитированной стигмагруппы инвалидов, добровольно выбирающих дезадаптивную поведенческую траекторию и предпочитающих либо сохранение пассивной жизненной позиции, с перекладыванием вопросов решения своих проблем на плечи близких, либо осуществляющих выбор в пользу сохранения традиционных, привычных способов взаимодействия с социальной средой.

В то же время, немалая часть инвалидов с тяжелыми сенсорными и иными дефектами здоровья, выбирая активную жизненную стратегию и действуя в контексте социальных моделей инвалидности [17], стремятся к широкому использованию открываемых перед ними процессом цифровизации возможностей с целью роста уровня своей самостоятельности и независимости, ограничиваются в этом стремлении лишь факторами поиска способов повышения ЦГ, а также адаптивностью цифровых ресурсов, технологий и устройств, позволяющих им реализовать имеющиеся цифровые компетенции [13].

Литература

1. КонсультантПлюс: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 12.05.2024).

2. Токтарова В.И. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 165–177.
3. Бороненко Т.А. Концептуальная модель понятия цифровой грамотности / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 4 (46). – С. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
4. Gilster P. Digital Literacy / P. Gilster. – New York: Wiley, 1997. – 279 с.
5. Emejulu A. Towards a radical digital citizenship in digital education / A. Emejulu, C. McGregor // Critical Studies in Education. – 2019. – Т. 60. – № 1. – С. 131–147. DOI: 10.1080/17508487.2016.1234494.
6. Гужова И.В. Маркеры цифровой грамотности в текстах социальных сетей общения (на материале интервью с представителями цифрового поколения) / И.В. Гужова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 4 (34). – С. 25–36. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10403.
7. Митяева Н.В. Повышение цифровой грамотности населения Саратовской области / Н.В. Митяева // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 4 (33). – С. 37–41.
8. Конева А.В. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности / А.В. Конева, А.А. Лисенкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 14–28. DOI: 10/17223/22220836/35/2.
9. Салимуллина Е.В. К вопросу о цифровой грамотности / Е.В. Салимуллина, И.А. Талышева, Х.Р. Пегова // Человек в интернет-пространстве: матер. науч. – практ. конф. Казань, 27–28 июня 2019 г. – С. 91–97.
10. Chetty K. Bridging the digital divide: measuring digital literacy / K. Chetty, Q. Liu, N. Gsoга [и другие] [Электронный ресурс] // Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal. 12 (2018–23). – P. 1–20. – URL: <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018–23> (дата обращения: 13.05.2024).
11. Шиняева О.В. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения / О.В. Шиняева, О.В. Полетаева, О.М. Слепова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4. – С. 68–85.
12. НАФИ: Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 18.05.2024).
13. Тринадцатко А.А. Тифлоинформационные технологии в жизни инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 42–46.
14. Тринадцатко А.А. Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 3. – С. 101–111.
15. Шарифьянов Т.Ф. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий / Т.Ф. Шарифьянов, Д.А. Гайнанов // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 22. – С. 2–18.
16. Вершинская О.Н. Цифровая депривация / О.Н. Вершинская // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, – 2016. – С. 431–435.
17. Калашникова И.В. Эволюция социальных моделей инвалидности / И.В. Калашникова, А.А. Тринадцатко // Вестник ТОГУ. – 2017. – № 3 (46). – С. 277–288.

DIGITAL LITERACY, DIGITAL DISCRIMINATION AND DIGITAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES WITH SEVERE VISUAL IMPAIRMENT

Trinadtsatko A.A.
Pacific State University

The process of digitalization of the Russian economy has led to the deep penetration of modern digital technologies into the everyday life of a wide range of citizens. Effective interaction with the information and digital environment for most of them was the result of increasing the level of their digital literacy and ability to adapt to new conditions. At the same time, there are certain groups of people in society who have digital competencies and are well adapted to work in the digital environment, but who are victims of digital discrimination. These primarily include persons with disabilities who experience difficulties in interacting with modern digital devices due to the insufficient level of adaptation of digital technologies to their capabilities. The article examines the relationship between the level of digital literacy of people with severe visual impairments and their digital discrimination and adaptation. It is concluded that visually impaired people have a high level of digital literacy, actively use personal computers and smartphones, but still experience difficulties when working with them due to the low level of adaptation of a number of important software products. This indicates both the ability of visually impaired people to implement a positive adaptive type of behavior, integrating into the social and digital environment and thereby expanding their capabilities and increasing the level of independence, and the existence of digital discrimination against them, limiting the growth of their level of social independence. It is also concluded that in their everyday lives, people with disabilities use smart TV technology and the Internet of things very limitedly, which is due to the low technological, procedural and functional adaptation of the latter to the capabilities of blind people.

Keywords: disabled people, blind and visually impaired people, severe visual impairment, digitalization, adaptive digital technologies, typhloadaptive technologies, digital space, digital literacy, digital adaptation, digital discrimination.

References

1. ConsultantPlus: Passport of the national project «National Program "Digital Economy of the Russian Federation"» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol of June 04, 2019 № 7) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (date of the application: 12.05.2024).
2. Toktarova V.I. Digital literacy: concept, components and assessment / V.I. Toktarova, O.V. Rebko // Bulletin of Mari State University. – 2021. – V. 15. – № 2. – P. 165–177.
3. Boronenko T.A. Conceptual model of the concept of digital literacy / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotova // Prospects for science and education. – 2020. – № 4 (46). – P. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
4. Gilster P. Digital Literacy / P. Gilster. – New York: Wiley, 1997. – 279 p.
5. Emejulu A. Towards a radical digital citizenship in digital education / A. Emejulu, C. McGregor // Critical Studies in Education. – 2019. – V. 60. – № 1. – P. 131–147. DOI: 10.1080/17508487.2016.1234494.
6. Guzhova I.V. Markers of digital literacy in the texts of social communication networks (based on interviews with representatives of the digital generation) / I.V. Guzhova // Sign: problem field of media education. – 2019. – № 4 (34). – P. 25–36. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10403.
7. Mityaeva N.V. Increasing digital literacy of the population of the Saratov region / N.V. Mityaeva // Economic security and quality. – 2018. – № 4 (33). – P. 37–41.
8. Koneva A.V. The identity matrix in the digital age: social challenges of overcoming anonymity / A.V. Koneva, A.A. Lisenkova // Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history. – 2019. – № 35. – P. 14–28. DOI: 10/17223/22220836/35/2.
9. Salimullina E.V. On the issue of digital literacy / E.V. Salimullina, I.A. Talysheva, H.R. Pegova // Man in the Internet space: materials of a scientific and practical conference. Kazan, June 27–28, 2019. – P. 91–97.
10. Chetty K. Bridging the digital divide: measuring digital literacy / K. Chetty, Q. Liu, N. Gcora [and other] [Electronic resource] // Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal. 12 (2018–23). – P. 1–20. – URL: <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23> (date of the application: 13.05.2024).
11. Shinyaeva O.V. Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices / O.V. Shinyaeva, O.V. Poletaeva, O.M. Slepova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2019. – № 4. – P. 68–85.
12. NAFI: Digital literacy of Russians: study 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossi>

- yan-issledovanie-2020/ (date of the application: 18.05.2024).
13. Trinadtsatko A.A. Typhloinformation technologies in the life of visually impaired people / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – № 5. – P. 42–46.
 14. Trinadtsatko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – № 3. – P. 101–111.
 15. Sharifianov T.F., The digital divide evolution and the tools to neutralize its effects / T.F. Sharifianov, D.A. Gainanov // Regional Economics: Theory and Practice. – 2014. – № 22. – P. 2–18.
 16. Vershinskaya O.N. Digital deprivation / O.N. Vershinskaya // Russia: trends and development prospects. Yearbook. Moscow. – 2016. – P. 431–435.
 17. Kalashnikova I.V. The evolution of social models of disability / I.V. Kalashnikova, A.A. Trinadtsatko // Bulletin of PNU. – 2017. – № 3 (46). – P. 277–288.

Влияние индивидуальных особенностей субъектов управления на институциональные условия системы социального управления

Погребной Дмитрий Николаевич,

к.с.н., старший помощник начальника отдела
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: d.pogrebnoi@list.ru

Бычков Петр Иванович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник Военного
университета Министерства обороны Российской
Федерации
E-mail: pbychkov64@yandex.ru

Дорофеев Дмитрий Владимирович,

к.с.н., старший помощник начальника отдела
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: dorofeevdv@inbox.ru

В статье произведен анализ современных условий управления и функционирования социальных институтов и организаций. Авторы сосредоточили внимание на особенностях руководителей и сотрудников в системе институционального управления, персонификации и деперсонализации управления, и их роли в государственных институтах. Цель исследования заключается в изучении проблемы влияния индивидуальных особенностей субъектов управления на сформировавшуюся в организациях и социальных институтах систему социального управления. Результаты проведенного исследования выявили противоречия в системе функционирования системы управления под влиянием индивидуальных особенностей руководителей и подчиненных, а также особой роли восприятия населением акторов исполняющих должностные обязанности на определенных государственных должностях. Было выявлено, что не только личность влияет на организацию, но и влияние организации на личность имеет определенное значение. В результате проведенного исследования было установлено, что в рамках государственной организации наиболее приемлемым способом функционирования остается преемственность поколений, что в первую очередь определяется именно деперсонифицированными социальными ролями и должностными обязанностями. Персонификация управления обладает деструктивным потенциалом, снижающим интегративное начало в социальной системе.

Ключевые слова: персонификация, деперсонификация, деперсонализация, эффективность, управление, поведение, социальный институт, государственная служба.

Введение

Российская система государственной службы в настоящий момент сталкивается с беспрецедентным давлением динамично изменяющихся внешних факторов, детерминирующих формирование современного общества.

Исторически сложившиеся формы управления государственными институтами подвергаются вынужденной модификации в различных областях социальной жизни. Некоторые из проверенных временем инструментов управления, алгоритмов действий, инструкций и планов порой оказываются неспособными реагировать на современную ситуацию.

Особенности современного этапа развития государственной службы, сложности, возникающие противоречия и способы их преодоления, формирование не только образа, но и чиновника будущего представляют собой значительный интерес научных дискуссий, международных и всероссийских форумов [7].

Некоторые исследователи обращают внимание на выявление проблем и разработку действенных механизмов развития личности руководителя. Другие анализируют влияние их индивидуальных особенностей на сформировавшуюся в организациях и социальных институтах систему социального управления.

Открытым остается вопрос о причинах, оказывающих влияние на старые подходы к обеспечению функционирования государственных учреждений. Одной из таких причин является наличие строгой системы преемственности и деперсонификации должностных обязанностей в качестве удерживающей конструкции.

Деперсонификация представляет собой продукт общественного сознания, формирующим их поведение в процессе адаптации к условиям социальной системы с ее специфическими ролями и особенностями социального действия.

Государственная служба Российской Федерации характеризуется особенностями азиатской бюрократии, включающей в себя чиновничество, патернализм и клановость и признаками рациональной бюрократии, такими как: профессиональный отбор сотрудников, формализация, унификация процесса выработки и принятия решения, а также деперсонализация ответственности должностных лиц [2].

В данной статье мы сосредоточим внимание на служебном поведении руководителей, персонификации управления в организации, возможностях ее снижения в интересах повышения социальной эффективности.

Результаты исследования

В России в системе государственной службы определены виды государственной службы такие как гражданская, правоохранительная, военная, которые представляют формализованную структуру, но имеют признаки социального института. Значительный вклад в изучение социальной структуры организации, места личностных факторов в системе управления, формального, неформального и методик их измерения был внесен отечественным исследователем В.В. Щербиной [11].

Анализируя работу Э. Гоффмана, можно отметить, что государственная служба имеет признаки тотального социального института с социальными механизмами реализации значительного аспекта жизни их членов. К таким признакам можно отнести: 1. все члены института ежедневно выполняют свои обязанности в окружении большой группы других людей, с одинаковым отношением со стороны руководства ко всем сотрудникам и требованием, о выполнении одинаковой работы; 2. ежедневная работа строго расписана и регламентирована, занятия сменяют друг друга в строго определенное время в соответствии со строгим планом, направленным на достижение целей института [5].

В рамках социального института его невозможность действовать в соответствии с намеченными целями и объек-

тивными потребностями, изменяя свои предназначенные функции под влиянием интересов отдельных индивидуумов приводит к деперсонализации социального института.

При решении задачи по определению места и роли исследуемого социального феномена в социальном управлении государственными институтами также необходимо рассмотреть лингвостилистические особенности персонификации служебного поведения и существующем обратном явлении – деперсонализации, как ключевых понятиях исследования. Социологический подход в изучении данного социального феномена позволяет выявить характер и направленность происходящих внутри государственных институтов процессов, способах функционирования иерархических связей и системы «руководитель–подчиненный».

Результаты исследования показали, что существующие в теории литературы и лингвистике определения персонификации трактуют его как «приписывание неодушевленным предметам и абстрактным идеям человеческих действий и качеств» [5]. Под деперсонализацией, как противоположном явлении, понимается «наделение людей (лиц) свойствами неживого, в результате которого люди изображаются лишенными каких-либо человеческих качеств» [8].

Персонализация – это опора на индивидуальные способности, интересы и возможности сотрудников организации, опора на персональные качества. Персонификация управления выражается в отождествлении управленческого стиля, стратегии, ответственности с индивидуальными особенностями руководителя и осуществляется с помощью «выдвижения доминирующих субъектов и наделения их полномочиями влиять на процессы институционализации и деинституционализации, интеграции и дезинтеграции в ответ на вывозы, с которыми сталкиваются сообщества людей» [9].

При обозначении деиндивидуализации человека в его основе не содержится компонентов, указывающих на индивидуальные особенности того, кто на-

зван и фактически попадает под наименование «какой-то человек», с вполне применимыми к переносимым обозначениям «должностное лицо», «руководитель», «начальник», «чиновник»¹.

В связи с этим, действия государственных служащих в представлении общества олицетворяют, деятельность государственного аппарата в целом, в независимости от выполняемых обязанностей. Публичность управленческих должностей привлекает внимание общественности не только к профессиональным, но и к личным качествам, и способно определять модель поведения, порой выходя за рамки государственной службы и затрагивая личную жизнь неизбежно персонифицируя процесс управления.

Такие фразы российского государства как «Петровская Россия», «Сталинские времена», «Эпоха Владимира Путина» и т.д., характеризующие различные этапы развития, описывают одно и тоже государство в зависимости от характера действий государственных лидеров, управляющих страной. Личные характеристики руководителя, уровень его авторитета, харизмы, созданного вокруг него имиджа, оказывают специфическое влияние на процесс функционирования подчиненного социального института.

Теоретический анализ аспектов деперсонификации сотрудника, как одного из элементов системы взаимоотношений в сфере государственной службы, позволяет выявить факторы, определяющие вектор развития социальной системы и изменение его направления. Значительную роль тут играет понимание места данного социального феномена в культурно-исторической области го-

сударственного строя российского общества.

В системе управления государственными институтами патернализм представляет собой одну из основополагающих форм взаимодействия служащих.

Предсказуемость поведения государственных служащих на рабочем месте остается одним из ключевых факторов преемственности поколений, несмотря на изменение экономических систем, форм государственного правления и исторических эпох. «Социальные интересы человека во многом predeterminedены социальным окружением и характеристикой социальной среды, члены одной и той же профессии будут неизбежно сходными в идеологии, убеждениях, вкусах, симпатиях и антипатиях, образе и уровне жизни» [5].

Примером выступают институализированные социальные связи системы здравоохранения, где проработавший много лет медицинский работник, после увольнения заменяется другим, но при этом профессиональная деятельность нового сотрудника на этой должности и для вышестоящего руководства и для коллег предсказуема. Это обеспечивается исторически выработанными и усвоенными в процессе профессиональной институционализации деперсонифицированных требований к претенденту на эту должность.

В этом аспекте интерес представляют наблюдения, сделанные П. Сорокиным: «Я посетил до 20-ти приемных зубных врачей в Петрограде в 1916 г. и поражен был их однообразием и монотонностью: все они были устроены по одному и тому же шаблону. Монотонность доходила до того, что во всех них, кроме 3-х, на столике валялись почти те же журналы и газеты» [5].

Например, Э. Гидденсом персонификация и деперсонификация в системе управления рассмотрена через призму доверия вышестоящему руководству. Так феномен доверия был разделен автором на то, которое окрашено личностными обстоятельствами (взаимодействии с конкретными представителями социальных институтов), и то, которое

¹ Альтернативный взгляд на деперсонификацию объектно-субъектного воздействия в области применения беспилотников операторами Вооруженных сил США своей работе «Офшоры» описывает Дж. Урри: «беспилотники создают эру «без героев», позволяют отстраниться, «вывести в офшор» гуманитарные последствия убийств. Они делают войну невидимой для многих, и убивать становится проще – ведь врагов, отделенных физически и в моральном плане, военные видят только на экране, подобно вражеским персонажам видеоигр. Врага показывают на экране, и находится он очень далеко, так что нет оснований чувствовать ответственность за его мучительную смерть».

относится к абстрактным системам (общество, армия, религия и т.д.) [4].

В системе же государственного управления процесс деперсонализации напрямую связан с процессом вхождения актора в коллектив и его социализации. Рассматривая его в качестве социального института необходимо акцентировать внимание на его включенность в систему жизнедеятельности государственных организаций и особенности, оказывающие свое влияние на социальные роли индивидов, их поведение и установки.

Особенности социального института, основной целью которого является самосохранение с помощью закрепления корпоративных норм, заключается в присвоении себе властных полномочий. В результате чего источником власти становятся не конкретные люди с их индивидуальными характеристиками, а сам факт их назначения на определенные должности. В таком случае происходит деперсонализация власти и ее носителем становится государственная должность [2].

Такие особенности, по мнению М.Вебера, характерны управлению, основанному на формальных актах, устанавливающих объективный безличный порядок и полномочия руководителя в силу формальной легальности его распоряжений [3].

При деперсонализации субъекта государственной службы происходит стирание (а иногда и полная «отмена») индивидуальных особенностей, присущих определенному человеку. Так, например, в медиа пространстве нередко конкретные лица заменяют определенным фреймом: руководители государств, правительство, первые лица, официальные представители и т.д. Также необходимо отметить широко распространенное негативное явление, присущее крупным организациям, в которых документальное оформление каких-либо мероприятий становится важнее проведения самих мероприятий [6].

Заключение

Таким образом результаты исследования показали, что характерные особенности

функционирования государственных институтов представляют собой механизмы регуляции распространения и влияния индивидуальных черт работника посредством социального контроля, норм и традиций организации, обеспечивающих их предсказуемое поведение.

Проведенный анализ изучаемого социального феномена позволил определить, что персонификация управления обладает деструктивным потенциалом, снижающим интегративное начало в социальной системе; субъект и объект в социальных системах индивидуальны и имеют свои потребности, мотивы, ценности. Система их взаимоотношений предполагает достижение целей организации первым и высказыванием своих ожиданий, и влиянием на решения вторым.

В свою очередь результатом деперсонализации системы государственного управления стал перенос на госслужбу ожиданий общества, ранее связанных с руководителем страны. Случаи недовольства государством, как гаранта соблюдения прав, свобод и стабильности в первую очередь связано с недостаточным качеством профессиональной деятельности сотрудников государственных институтов.

Литература

1. Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – С. 282.
2. Васильева В.А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ. дис. ... доктора социол. наук: 22.00.08 / Васильева Елена Александровна. – Санкт-Петербург, 2015. – 364 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т.1. Социология. – 445 с.
4. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Практикс, 2011. – С. 211–255.

5. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Эрвин Гоффман; пер. с англ. А.С. Салина; под ред. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные формы, 2019 – С. 459.
6. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Дэвид Гребер. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. – С. 236.
7. Емелин И.А. Государственная служба: риски и вызовы // Государственная служба 2022 Т. 24 № 1. С. 7.
8. Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994.
9. Суздальцева В.Н. Деиндивидуализация и деперсонификация в политическом дискурсе // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 2. С. 151–160.
10. Тихонов А.В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 355.
11. Щербина В.В. Социология управления как специальная социолого–регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 56–65.

THE INFLUENCE OF INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF MANAGEMENT SUBJECTS ON THE INSTITUTIONAL CONDITIONS OF THE SOCIAL MANAGEMENT SYSTEM

Pogrebnoy D.N., Vyckhov P.I., Dorofeev D.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article analyzes the modern conditions of management and functioning of social institutions and organizations. The authors focus on the peculiarities of managers and employees in the system of institutional management, personification and depersonalization of management, and their role in public institutions. The purpose of the research is to study the problem of the influence of individual characteristics of management subjects on the social management system formed in organizations and social insti-

tutions. The results of the study revealed contradictions in the system of functioning of the management system under the influence of individual characteristics of managers and subordinates, as well as the special role of the population's perception of actors performing official duties in certain public positions. It was revealed that not only personality influences the organization, but also the influence of the organization on the personality has a certain significance. As a result of the research, it was found that within a state organization the most acceptable way of functioning remains the continuity of generations, which is primarily determined by depersonalized social roles and job responsibilities. Personification of management has a destructive potential that reduces the integrative beginning in the social system.

Keywords: personification, depersonalization, depersonalization, efficiency, management, behavior, social institution, public service.

References

1. Borev Yu.B. Aesthetics. Theory of literature. Encyclopedic Dictionary. – М.: Astrel: AST, 2003. – P. 282.
2. Vasilyeva V.A. Transformation of public service in the conditions of administrative reform: sociological analysis. dis. ... Doctor of Sociol. Sciences: 22.00.08 / Vasilyeva Elena Aleksandrovna. – St. Petersburg, 2015. – 364 p.
3. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology [Text]: in 4 volumes / Max Weber; [transl. with German]; comp., total. ed. and preface L.G. Ionina; National research University "Higher School of Economics". – М.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2016. Т.1. Sociology. – 445 p.
4. Giddens E. Consequences of modernity. – М.: Praxis, 2011. – P. 211–255.
5. Goffman E. Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions / Erwin Goffman; lane from English A.S. Salina; ed. A.M. Korbut. – Moscow: Elementary Forms, 2019 – P. 459.
6. Graeber D. Crazy work. A treatise on the spread of meaningless labor / David Graeber. – М.: Ad Marginem Press, 2020. – P. 236.
7. Emelin I.A. Public service: risks and challenges // Public service 2022 Vol. 24 No. 1. P. 7.

8. Sorokin P.A. The influence of profession on people's behavior and reflexology of professional groups // *Articles of different years.* – М.: Nauka, 1994.
9. Suzdaltseva V.N. Deindividuation and depersonification in political discourse // *Bulletin of Moscow University. Episode 10. Journalism.* 2011. No. 2. pp. 151–160.
10. Tikhonov A.V. From the sociology of management to the sociology of management // *Sociological Research.* 2011. No. 2. P. 355.
11. Shcherbina V.V. Sociology of management as a special sociological–regulatory theory: genesis, growth, prospects // *Sociological Research.* 2020. No. 5. pp. 56–65.

Разработка инструментов оценки кадрового состава в органах исполнительной власти

Лебедев Георгий Иванович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: georgelebedev@mail.ru

Содержание данной статьи раскрывает комплексный анализ деятельности субъективной оценки кадрового состава в органах исполнительной власти.

В работе также подробно описаны ключевые тенденции в сфере административного управления талантами и освещены проблемные вопросы, требующие незамедлительного разрешения. Описаны и противоречивые моменты, существующие на данный момент в структуре государственного управления.

Особое внимание уделено приоритетам в разработке оценочного инструментария, которое учитывает специфику текущего этапа развития кадровой политики для органов государственной власти.

На базе анализа сформулированы особые критерии, позволяющие отбирать оценочный инструментарий. Также разработана логика их применения в процессе отбора потенциальных кандидатов. Обоснование необходимости формирования единой базы оценочного инструментария позволит многократно повысить эффективность прозрачности процессов кадровой политики в органах исполнительной власти.

Ключевые слова: качества государственного управления, гражданская служба, системная оценка деятельности.

Тренды государственного управления в большей степени обусловлены изменениями в подходах к оценке профессиональных компетенций различных уровней. Так, систематическая оценка качеств профессии государственного управления в настоящее время выступает ключевым элементом процесса, который ориентирован на формулировку требований к программам и курсам, обеспечивающим развитие профессиональных компетенций у гражданских служащих [1].

В соответствии с изучением трендов глобалистики оценочных механизмов кадровой политики, проведенной сервисом SHL PV, современный фокус в управлении кадрами смещается с традиционного типа к новому, где на первое место встают таланты. Это подразумевает переосмысление подходов к подбору, развитию и удержанию тех сотрудников, у которых в центре внимания находятся их личные способности и присутствует потенциал для развития.

Такое изменение структуры подходов показывает широкий переход к особым стратегиям, которые направлены на оптимизацию работы с высококвалифицированными специалистами. Именно специалисты могут принести максимальную пользу организации. В контексте государственного управления это означает не просто набор подходящих сотрудников, а выбор потенциальных кандидатов, навыки которых подходят под требования организации. Такая тенденция подчеркивает потребность формирования более продвинутых оценочных систем, имеющих объективные измерительные инструменты для анализа профессиональных навыков. Важно также наличие способностей, позволяющих принимать инновации. Лидерские качества и критическое мышление также важны для гражданских служащих [3].

На государственной службе контроль талантов становится приоритетным на-

правлением. Данная тенденция прямо отражена в докладе Правительства, содержание которого предоставляет стратегию развития на последующие пять лет. В частности, указывается, что такой подход предусматривает реализацию комплекса мер, положения которых направлены на привлечение, удержание и мотивацию талантливых работников. Согласно данной концепции, талант определяется как совокупность человеческих способностей, обеспечивающих формирование продуктивной деятельности с высоким уровнем качества и элементом новизны.

Важность такого подхода в контексте государственного управления обусловлена потребностью в наличии высококвалифицированных специалистов, способных эффективно реализовывать национальные проекты.

Следует отметить, что достижение поставленных в стратегии целей предполагает использование передовых практик и инструментов, включая:

- разработку компетенций;
- оценку персонала;
- программы обучения;
- карьерное планирование;
- мотивационные мероприятия.

Интеграция такого подхода позволяет как укрепить потенциал кадров в сфере государственного управления, так и сделать ее более адаптивной и эффективной. В частности, планируется, что до конца 2024 г. будут реализованы благодаря национальному проекту ключевые инициативы, позволяющие государственному управлению достигать нового уровня качества и эффективности.

Организация процесса субъективной оценки качества профессии государственного управления сегодня активно заимствует инструменты и механизмы из передовой бизнес-практики. В качестве основы используются оценки по компетенциям, которые успешно используются ведущие лидеры рынка – Росатом, Ростех, Северсталь, Газпром. Такой подход позволяет адаптировать лучшие практики коммерческого сектора для нужд кадровой политики в сфере государственного управления [2].

Следует отметить, что в контексте международного опыта особого внимания заслуживает нашего внимания подход, который был принят комиссией из Австралии. Так, органы государственного управления Австралии в 2016 г. опубликовало специальное руководство, рассказывающее об особенностях административного контроля талантливых сотрудников, работающих в муниципалитетах. Талант определяется, в частности, как «работник, у которого имеется особый потенциал, позволяющий в будущем достигать высоких результатов, значительно превосходящих текущие достижения». Ключевым аспектом становится способность человека успешно справляться с наиболее трудными задачами.

Комплексный анализ западного опыта свидетельствует о том, что работники, отобранные на основе результатов оценки талантливых работников, которые в два раза ценнее. В тоже время лишь 15% более талантливых гражданских служащих способны развиваться и впоследствии адаптироваться для выполнения успешной работы. Такие данные подчеркивают значимость качественной оценки на выходе, выступающей критической частью административного контроля талантливыми сотрудниками. Эффективное использование оценочного инструментария не только помогает идентифицировать эти 15%, но и обосновать впоследствии целесообразность их дальнейшего продвижения на ключевые позиции в системе органов государственной власти [5].

Из этого следует, что современная гражданская служба стремится к использованию инновационных аспектов управления, обеспечивающих повышение эффективности и качества государственной политики.

Процесс субъективной оценки качества профессии государственного управления сегодня продолжает развиваться и, как следствие, расширять собственные границы после принятия на вооружение инновационных аспектов методических подходов. Успешный опыт реализации оценочных систем в государственном управлении показыва-

ет эффективность таких процессов как отбора потенциальных кандидатов, так и при последующем проведении аттестаций.

Подчеркнем, что приоритеты политики кадрового состава за последнее время претерпели значительные изменения. Так, если в 2018 г. основными задачами кадровой политики выступали вовлечение молодых специалистов методы, помогающие удерживать опытный квалифицированный персонал, то спустя лет картина сильно поменялась. В 2023 г. мы можем наблюдать, что внимание специалистов изменилось в сторону оказания поддержки стимулирующих инструментов, оказывающих поддержку талантливым работникам.

Поэтому основными задачами в данном направлении становятся следующие тенденции:

- определение критериев субъективной оценки, позволяющие четко установить приоритетность главных качества оценки профессии государственного управления;
- выбор методов субъективной оценки, позволяющий объективно анализировать не только наличие требуемых знаний и умений, но и потенциал карьерного развития в профессии государственного управления;
- интеграция данных субъективной оценки в систему управления талантливыми сотрудниками позволит интегрировать в общую структуру инновационные аспекты HR-менеджмента.

Из вышесказанного следует, что усиление и совершенствование процессов субъективной оценки позволит не только повысить качество кадрового состава, но и значительно улучшить результативность работы государственного управления [7, 8].

На данный момент субъективная оценка качества профессии государственного управления зачастую опирается на принципы компетентностного подхода, который акцентирует внимание на формировании личностных требований к профессии. Такая модель стремится к сбалансированному сочетанию полноты, отображающей все аспекты

функционала должности гражданского служащего, и не избыточности, при которой ключевые компетенции достаточно характеризуют потенциал кандидата.

Достижение достоверности субъективной оценки профессионального потенциала, включающего личностные качества, становится одной из основных задач после формирования модели компетенций. В этом контексте важно выбрать оценочные механизмы, максимально точно отображающие реальные способности и уровень квалификации работников.

Интересные выводы предоставляют нам глобальные исследования, которое провела в прошлом году компания SHL. Содержание исследования подчеркивает, что использование стандартизированных и валидированных психометрических тестов позволяет многократно повысить точность и объективность квалификации, уменьшить субъективизм в принятии решений о найме и продвижении персонала. Эти инструменты помогают не только установить наиболее подходящих кандидатов, но и выявить потенциал для дальнейшего развития в карьере [4].

Применение таких передовых оценочных методов требует соответствующей подготовки специалистов и внедрения системы непрерывного обучения для повышения квалификации. Такое направление становится ключевым для развития системы управления талантливыми сотрудниками на государственной службе. Кроме того, принципы данного подхода позволяют не только адекватно оценивать потенциальных кандидатов, но и эффективно управлять персоналом, обеспечивая высокий уровень профессионализма в принятии оптимальных решений [6].

Следует отметить, что сегодня проводится большая работа, обеспечивающая разработку моделей инновационных компетенций на уровне органов государственного управления. Реализация национального проекта «Цифровая экономика» способствует данному процессу. В частности, формируется единая модель для гражданских служащих, где

будет обеспечиваться информационная безопасность кадрового состава государственного управления.

Сегодня одним из популярных оценочных методов выступают собеседования и анкетирования, подразумевающие выполнение тестов. Как правило, аттестационный конкурс или экзамен, подтверждающий квалификацию, дополняются собеседованием с главным руководителем. И только по итогам данных процедур руководитель выносит вердикт о соответствии потенциального специалиста на должность гражданского служащего.

Собеседование имеет субъективный характер, но преследует объективную цель: определить и уточнить уровень развития квалификации и профессионально-личностных качеств кандидата или действующего государственного служащего. В идеале, в процессе собеседования руководитель определяет «проблемное поле» оцениваемого, принимает решение о приемлемости кандидата для конкретной должности и/или дает необходимые рекомендации, направленные на коррекцию профессионального, личностного и мотивационного развития государственного служащего.

Как и в реальном секторе экономики, широко распространено на государственной службе тестирование. Используются как тесты для оценки общих и профессиональных знаний, так и тесты на когнитивные способности, личностные опросники и пр.

В случае с тестами на знания кадровая служба составляет, а конкурсная или аттестационная комиссия утверждает тесты с учётом специфики деятельности органа власти, устанавливает порог правильных ответов, определяющих успешное прохождение теста. Тесты на оценку компетенций и профессионально-личностного профиля подбираются, исходя из осведомленности кадровых служб, с учётом их доступности по ресурсам и возможностям органа власти, в редких случаях разрабатываются на заказ. Единого подхода, позволяющего обеспечить сопоставимость результатов

оценки, в настоящее время пока не существует [9].

Отмечается тенденция совершенствования тестовых инструментов в части повышения их практико-ориентированности, ухода от простых тестовых вопросов – на практике все чаще используют ситуационные задачи как основу для формулирования тестового задания, применяют такие формы вопросов, как установление соответствия между множественными рядами, ранжирование и установление значимости и пр.

Конструктивный анализ практики кадровой политики свидетельствует о том, что большая часть применяемых механизмов ондборинга представляет оценку посредством специального программного обеспечения.

Применение автоматизированных механизмов предоставляет возможность для проведения массовой оценки, которая дает возможность уменьшить затраты и повысить эффективность. Одним из главных принципов данного типа субъективной оценки выступает использование единого подхода. Стандартизация оценочного механизма предоставляет большую возможность для масштабирования на иные сферы, гарантируя, таким образом, единство подходов и сопоставимость оценочных результатов в целом.

Для повышения эффективности экспертной оценки в рамках государственного управления важно внедрять комплексный подход, содержащий не только аналитическую диагностику, но и последующее обсуждение результатов. Этот процесс предусматривает беседу эксперта с кандидатом или сотрудником, направленный на уточнение информации. Использование адресной психодиагностики и ассесмент-центров в этом контексте может значительно усилить точность и объективность оценочных процедур [10].

Опыт использования ассесмент-центров в системе государственного управления достаточно обширен. Тренды государственного управления в большей степени обусловлены изменениями в подходах к оценке профессиональных

компетенций различных уровней. Так, систематическая оценка качеств профессии государственного управления в настоящее время выступает ключевым элементом процесса, который ориентирован на формулировку требований к программам и курсам, обеспечивающим развитие профессиональных компетенций у гражданских служащих.

В контексте усиления профессионализма специалистов кадровой политики, ВНИИ организовал экспертные дискуссии, которые ориентированы на разработку и последующую оптимизацию актуального инструментария по оценке деятельности гражданских служащих. В рамках этих мероприятий были установлены базовые критерии по отбору методик, используемых для анализа личностного потенциала у гражданских служащих. Кроме того, нами была реализована экспертная апробация оценочного инструментария, обеспечивающая качество аналитических сессий.

Одним из главных направлений деятельности выступает формирование единой базы сертификатов проводящей оценки профессиональных качеств гражданских служащих, а также разработка специального сервиса по организации консультаций в сфере государственного управления. Такое направление получило дополнительное развитие благодаря положительному опыту Минтруда. Именно Минтруд активно работает над образованием профессионального сообщества кадровиков и последующим совершенствованием их компетенций через различные мероприятия.

Такие инициативы открывают широкие перспективы для эффективного разрешения актуальных проблемных вопросов, касающихся кадровой политики в сфере государственного управления.

Литература

1. Феллоуб С., Кантровиц Т. Отчет за 2021 год о глобальных тенденциях в оценке // SHL PreVisor. – 2022.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. – 8-е изд. – СПб: Питер, 2024.

3. Доклад «Итоги внедрения системы «Открытое правительство» и перспективы до 2024 года». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://report.open.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
4. APS Talent Management Guide. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.apsc.gov.au/talent-management-guide> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Burke, Schmidt & Griffin (2024). Improving the Odds of Success for High-Potential Programs – Georgia, USA. Talent Report. CEB SHLL Talent Measurement.
6. Кантровиц Т., Тузински К., Рейнс Дж. Отчет о глобальных тенденциях в оценке персонала за 2018 год // SHL GATR, 2018.
7. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. – М.: HIPPO, 2023.
8. McClelland D.C. A guide to job competence assessment. – Boston: McBer, 2016.
9. Синягин Ю.В., Новикова О.Г. Компетентностный подход в оценке управленческого персонала. – М.: Изд-во РАГС, 2016. – 115 с.
10. Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 4. – С. 120–144.

DEVELOPMENT OF TOOLS FOR ASSESSING PERSONNEL IN EXECUTIVE AUTHORITIES

Lebedev G.I.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)

The content of this article reveals a comprehensive analysis of the activities of subjective assessment of personnel policy in the public administration system.

The work also describes in detail key trends in the field of administrative talent management and highlights problematic issues that require immediate resolution. The contradictory aspects that currently exist in the structure of public administration are also described.

Particular attention is paid to priorities in the development of assessment tools that take into account the specifics of the current stage of development of personnel policy for public authorities. Based on the analysis, special criteria have been formulated to allow the selection of assessment tools. The logic for their use in the process of selecting potential candidates has also been developed. Justification of the need to form a unified base of assessment tools will greatly increase the efficiency of transparency of personnel policy processes in the field of public administration.

Keywords: quality of public administration, civil service, systemic performance assessment.

References

1. Fellow S., Kantrowitz T. 2021 Global Assessment Trends Report // SHL PreVisor. – 2022.
2. Armstrong M. Practice of human resource management. – 8th ed. – St. Petersburg: Peter, 2024.
3. Report "Results of the implementation of the Open Government system and prospects until 2024." – [Electronic resource]. – URL. – <https://report.open.gov.ru>. (date of access: 05/14/2024).
4. APS Talent Management Guide. – URL. – <https://www.apsc.gov.au/talent-management-guide>. (date of access: 05/14/2024).
5. Burke, Schmidt & Griffin (2024). Improving the Odds of Success for High-Potential Programs – Georgia, USA. Talent Report. CEB SHLL Talent Measurement.
6. Kantrowitz T., Tuzinski K., Rains J. Report on global trends in personnel assessment for 2018 // SHL GATR, 2018.
7. Whiddett S., Hollyford S. Competency Guide. – M.: HIPPO, 2023.
8. McClelland D.S. A guide to job competence assessment. – Boston: McBer, 2016.
9. Sinyagin Yu.V., Novikova O.G. Competence-based approach in assessing management personnel. – M.: Publishing house RAGS, 2016. – 115 p.
10. Vasilyeva E.V. Competency-based approach in the civil service: what knowledge and skills do civil servants choose? // Issues of state and municipal government. – 2018. – No. 4. – P. 120–144.

Взаимосвязь концепта «культура-цивилизация» в аспекте феномена социального кризиса в работе О. Шпенглера «Закат Европы»

Марков Алексей Александрович,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом, ассистент кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: daka.07markov@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются основные философские взгляды немецкого философа Освальда Шпенглера, представляющие собой концептуальную научную взаимосвязь гносеологического и социологического видения эволюционной пертурбации цивилизации, как естественной стадии упадка отживающих форм онтогенеза, применимые в рамках предлагаемой статьи к теоретическому познанию (в том числе – феномена, явления, законов, причинно-следственных связей и пр.) именно социального кризиса, как естественного следствия угасания и ломки, казалось бы, незабываемых догм величия человечества на примере западной его системы ценностей. Особое внимание уделяется анализу концептуальной темы в знаменитой работе Шпенглера «Закат Европы» – взаимосвязи понятия культура-цивилизация, как одной из фундаментальных причин зарождения, протекания и окончания кризисной ситуации различных уровней, а также связанных с ней смысловых конструкций – исторической, социокультурной и административной, – как естественного осмысления природы и коррелированности данных конструкций с современным социологическим пониманием кризисных явлений и ситуаций, позволяющим воспринимать и, соответственно, выстраивать научно-практическое осмысление и действие к перспективным социальным потрясениям (кризисам и угрозам) на глобальном и национальном уровнях.

Ключевые слова: культура, цивилизация, социальный кризис, духовность, прагматизм, смысловая конструкция, эволюция, культурный код.

Изучение феномена социального кризиса, его понятия и особенностей достаточно актуально, равно как и отлично во взглядах и научной мысли. Безусловно, понятие социального кризиса, его деление на макро, микро и иные уровни, разнообразие дефиниции, нередко определяющие природу социального кризисного проявления с позиций соответствующей науки или научной школы (вне всякого сомнения, социология как наука опирается и использует опыт, концепции, взгляды иных гуманитарных наук, прежде всего – философии, истории, психологии, культурологии, политологии и т.д., что расширяет границы и направления социологического познания и обогащает его) все же в целом формирует следующий нарратив – социальный кризис является сложнейшим общественным феноменом и явлением, требующим самостоятельного теоретического и практического исследования. Конечно же, теоретическая база подобных исследований так же разнообразна, как и тематика, и типология и т.д. Например, «...кризис с точки зрения классической и современной социологии, разрабатываются элементы концепции кризисной социальности на основе теорий лиминальности и морфогенетического подхода [1]. Или иной – уже функциональный подход: «С позиции социальной психологии сформулировано понятие, уровень, стадии социального кризиса, раскрыта его связь с социальной напряженностью, конфликтами и общественным кризисом, а также диагностика социального кризиса и история его исследования» [2].

В настоящей работе мы суживаем научную мысль до предела воззрений всего одного автора, но наш взгляд, его работа представляет существенную ценность в настоящее время в исследовании насущных проблем современного социума. Да, немецкая (особенно – классическая, от Гегеля, Фейербаха, Канта

до Гете, Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера) философия внесла весомый вклад в изучение природы сущности человека и общества. И все же в формате темы данной статьи мы обращаемся именно к Освальду Шпенглеру, ибо его «Закат Европы» представляется наиболее гармонизирующим с современной проблематикой теории социальных кризисов. Безусловно, данная работа является феноменом, о котором нет равнодушных мнений, зато в изобилии разнополярные – от обвинений в психопатии до шедевра гения. «Шпенглер – мастер ювелирного жеста... предпочитающий работать большими «площадями» давления, предварительно погоняя под себя несовместимый по обычным меркам материал», – так характеризует стиль Шпенглера К.А. Свасьян в предисловии к двухтомнику «Заката Европы» [3, с. 14–15]. Разумеется, мы не ставим перед собой цель очередного анализа творчества великого философа, ибо не досрости до такой роли, да не это является главным. Впрочем, чтобы хоть частично осознать характерность присущего Шпенглеру изложения своих взглядов, нередко безапелляционных, спорных и сложных, равно как талантливых, оригинальных и честных, стоит отметить, что автор в качестве образцов, вдохновителей своего труда вычленяет Гете и Ницше (об исполинах немецкой классической философии – Гегеле и Фейербахе он вообще практически не упоминает, но нередко заочно полемизирует с Кантом). При этом против своего почти современника Ницше он настроен нередко воинственно, порой сознательно или неосознанно используя его стиль – афористический и бескомпромиссный. Но в отношении Гете (и Шпенглер это не только не скрывает, но всячески демонстрирует) позиция меняется – Гете это гений философии и литературы, и эталон, и, если хотите, проводник Шпенглера по его главам и параграфам книги. Благоговение перед Гете вырисовывается в отношении к Фаусту, потому по всей работе Шпенглера нас постоянно сопровождает фаустовский человек, фаустовский дух, как некое человеческое

совершенство, даже обладающее божественной силой разума и воли.

В «Закате Европы» нас, прежде всего, как мы и говорили выше, интересует позиция и концептуальность автора применительно к теории социальных кризисных ситуаций. Примечательно, что в самой работе непосредственного анализа социальных кризисов нет, однако ряд положений, взглядов, позиций Шпенглера, на наш взгляд, вполне являются концептуальными, в том числе и для развития теоретического знания социальных кризисных ситуаций.

Основой, толчком становления и развития человеческой цивилизации, ее принятых чувствами и сознанием жизненных установок (гештальт – по Шпенглеру, хотя впервые этот термин ввел австрийский философ и психолог Христиан фон Эренфельс, означающий соединение восприятия окружающего мира не только чувствами, но и сознанием) является природа в ее историческом познании, с чем нельзя не согласиться: «Природа – это гештальт, в рамках которого человек высоких культур сообщает единство и значение непосредственным впечатлением своих чувств. История – гештальт, из которого его фантазия стремится постичь живое бытие народов Китая, Египта, по отношению к собственной жизни и тем самым идентифицировать ее действительность. Способен ли он на эти пластические формообразования и какое из них овладевает его бодрствующим только сознанием – вот первый вопрос всякого человеческого существования» [4, с. 134].

Конечно же, каждый этнос, каждая раса рождается, проходит стадии развития по-разному, ибо на это влияют климат, ландшафт, в целом – среда обитания, что учитывает и Шпенглер, определяя самобытность формирования и экстраполяции на окружающий мир народов Китая, Египта, Аравии, Мексики, России и т.д., но при этом фокусируя основное внимание на Западноевропейской территории, и именно Запад предстает как лакмусовая бумага в исследовании Шпенглера в сравнении с другими народами и территориями – в сравни-

тельном анализе культурности и цивилизационности. И именно этим определяется концептуальность «Заката Европы» – культура и цивилизация. Шпенглер определяет афористично и твердо: Греческая душа и римский интеллект. Так различаются культура и цивилизация. И тут же поясняет: «И это можно сказать не только об античности. Все снова и снова всплывает этот тип крепких умом, но совершенно неметафизических людей. В их руках духовная и материальная участь каждой поздней эпохи. Они провели в жизнь вавилонский, египетский, индийский, китайский, римский империализм. В такие эпохи буддизм, стоицизм и социализм достигают зрелости окончательных жизненных настроений, способных еще раз охватить и преобразить угасающее человечество во всей его субстанции. Чистая цивилизация, как исторический процесс, состоит в постепенной выемке ставших неорганическими т отмерших форм. Переход от культуры к цивилизации происходит в античности в IV веке, на Западе – в XIX веке» [4, с. 164].

Напомним, что «Закат Европы» был закончен к 1918 году, когда в Европе, включая и Германию еще шла Первая мировая война, что, возможно, и повлияло на скептицизм автора. Но это не меняет концептуальности, а, рискнем предположить, и трансцендентности двух основополагающих понятий – культура и цивилизация, которые в данной работе являются не органично входящими друг в друга субстанциями, но, как вытекает из слов Шпенглера, они далеки и несомнестимы друг с другом, где начинаются полномочия, законы, уклады, цели... одной, там прекращаются или становятся слабыми и зависимыми аналогичные – другой.

Конечно же, Древняя Греция – это начало расцвета культуры Европы (сюда отнесем и математику, и философские школы, и историю, и архитектуру, и театр от Эсхила до Аристофана при всей его статичности, и медицину, и литературу (Гомер, Эзоп, Сапфо...) и т.д. А разве Древний Рим не дал миру Вергилия, Плавта, Цицерона, Цезаря...? Но, как

нам видится, Шпенглер видит это глубже и по-другому, а именно в Риме уже начинаются цивилизационные процессы, например, в колониальных захватах чужих территорий для обеспечения себя ресурсами и богатствами завоеванных территорий, что было абсолютно чуждо Древней Греции. Шпенглер, кстати, не принимает исторической и привычной нам линейки: Древний мир – Средние века – Новое время. И этим он, на наш взгляд, вырывает временные форматы различных эпох из привычных нам реалий, выставляя вперед категоричность – «...структура высших понятий определяется все еще схемой «Древний мир – Средние века – Новое время» и связанной с нею цивилизацией, выглядит просто бессмысленным. Но ситуация именно такова» [4, с. 154].

Выходит, Шпенглер видит эволюцию человечества в иных рамках, не сопоставимых с историческими привычками нам веками? Почему? Ведь, являясь, блестящим знатоком культуры, он считает предтечей культурного Запада эпохи Ренессанса, Протестантства, века Просвещения. Его глубокий анализ использования художниками Возрождения цветовой гаммы от первоначальной сине-зеленой гаммы (торжество жизни) до преобладания коричневых тонов (предельная психологичность, особенно у Рембрандта), не менее яркий анализ музыки века Просвещения – прежде всего, Бах, Бетховен и Моцарт, а на втором плане – Гендель, Вивальди, Брамс... Но ведь как и в Древнем Риме, так и в Европе указанного времени так же шли войны, великие морские открытия осваивались новыми колониальными захватами, происходили буржуазные революции и пр. Но таково первое и поверхностное суждение. Мы уверены, что Шпенглер не разделял культуру и цивилизацию как два антипода, он, по сути, видел в культуре – *духовность*, а в цивилизации – *прагматизм*. И то, и другое присуще человеку, и то и другое присуще нации, народу.

Мир не может не эволюционировать. И это предполагает, особенно в настоящее время торжество научно-

технической революции, совершенство и развитие высоких технологий, цифровой экономики, искусственного интеллекта и т.д. Это – неизбежный прагматизм. Но не теряет ли мир при этом свою духовную составляющую? Свою, выраженную в народах, культуру, и заложенную в ней – конфессиональность, традиции, исконные обычаи и пр., То есть, технологическая прагматика превыше гуманистического духа? Получается – прагматизм цивилизации необходим для ее выживания, а духовность культуры – для полноценной жизни. И, в таком случае, отсутствие баланса в этом плане, перекос в сторону цивилизации в конечном счете способен привести нас к неким людским массам, озабоченным комфортом собственного существования и лишенным тех же гуманитарных канонов, как сострадание, праведность, истинность, любовь... Не это ли выражено в «Закате Европы»? Шпенглер в своей таблице «Цивилизация» предрекает «Растворение народного тела, предрасположенного теперь главным образом к жизни в больших городах, в бесформенных массах. Мировой город и провинция: четвертое сословие (масса). Неорганическое, космополитическое начало» – 1880–2000 гг.; «Восхождение цезаризма, победа политики силы над деньгами. Возрастающее примитивный характер политических форм. Внутренний распад наций и превращение их в бесформенное население. Обобщение последнего в империю, постепенно вновь приобретающую примитивно-деспотический характер» – 2000–2200 гг.; «Созревание окончательной формы: частная и семейная политика отдельных государств. Мир как добыча... Внеисторическое окоченение и бессилие имперского механизма на фоне радости юных народов или чужеземных завоевателей. Медленное воцарение первобытных состояний в высокоцивилизованных жизненных условиях» – после 2200 г [4, с. 199–200].

Да, такую участь Шпенглер видит в Западной Европе, он, конечно, не мог предвидеть даже при всем его предвидении особенности тенденции современно-

го развития цивилизации (атомную энергетику и ядерное оружие, мощь научно-технического прогресса, глобализацию, диктат информационного пространства и технологий и пр.), но, нам представляется, такая мрачная картина будущего, увы, может не ограничиться только Западной Европой.

Признаем, что Шпенглер не обошел стороной и Россию, которую представлял по трудам великих русских писателей, тем не менее, западноевропейский снобизм, как альтернатива истинного понимания сути нашей страны, достаточно видны: «Одно только слово «Европа» связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство. Здесь, в культуре воспитанных на книгах читателей голая абстракция привела к чудовищным фактическим последствиям. Олицетворенные в Петре Великом, они на целые столетия извратили историческую тенденцию примитивной народной массы, хотя русский инстинкт с враждебностью, воплощенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень верно и глубоко отмежевывает «Европу» от «матушки России» [4, с. 145].

Здесь Шпенглер в своем высокомерии не одинок, многие европейские мыслители воспринимали Россию, аналогично, не понимая ни ее особенностей, ни ее как раз – *духовности*, противостоящей *прагматизму* в западном понимании, прежде всего. Например, Россия как и, скажем, Британия, Франция, Голландия, Испания тоже может считаться колониальной страной, расширяя свою территорию. Однако в западных странах цивилизационный прагматизм завоевателей основывался на ограблении колоний из богатств которых строились сверкающие довольством метрополии. Российская колониальная политика, что в царские времена, что в советские, основывалась на создании необходимых жизненных условий в самих колониях за счет метрополии. Не потому ли после распада того СССР, многие из бывших республик оказались богаче Российской Федерации, за счет которой и жили. Разве не смешно для западного прагматика

узнать, что самая необеспеченная среди бывших республик Советского Союза газом является – та же Российская Федерация...

Итак, концептуальность «культура – цивилизация» понятна. Какое же теоретическое значение данная концептуальность Шпенглера имеет для актуальной в наше время феномена социального кризиса? Очевидно, что современная цивилизация функционирует в фазе острых и чрезвычайных социальных кризисов и кризисных ситуаций, по масштабности делящимися на – международные, национальные и региональные. Причины социальных кризисов также разнообразны – политические, экономические, конфессиональные, экологические, коррупционные, административные, медицинские, межнациональные. Но при этом важны к пониманию, а значит – и к преодолению различных социальных кризисов именно условия, способствующие их порождению, и в перспективе – надлежащему предотвращению и ликвидации.

На наш взгляд, как раз концептуальность «культура-цивилизация» является одним из важнейших условий, если хотите – базовых, фундаментальных условий в их понимании, как целостном явлении и при этом вероятно неизбежном по тем или иным причинам. Теория предполагает наличие определенного и конкретного базиса для изучения явления с целью его верного использования или такого же грамотного противодействия ему. Теория социальных кризисов пока что формируется, и в ней необходимы те знания, которые уже есть для включения в единую, научно обоснованную эффективную систему, способную проявить себя в практической деятельности. Концептуальность Шпенглера «культура-цивилизация» здесь к месту.

Определим, на наш взгляд, ее основные смысловые конструкции.

Историческая. Выявление особенностей исторического развития нации, характеризующих ее ментальность, логичность и платформу национальной идентичности, внутренние социальные, культурные, этнические взаимосвязи, формирующие в целом единый нацио-

нальный генетический код. Это поможет создавать соответствующие программы воспитания социума, определять вероятные точки конфликтности, проблематику и причины потенциальных национальных и региональных социальных кризисов, детерминировать перспективную национальную стратегию, что особенно важно в периоды глобальной нестабильности. Скажем, российская нация в свои исторические эпохи выделяется понятием народ-воин, ибо в ее истории участие в различных войнах и военных конфликтах происходит не реже чем в каждые тридцать лет, и понятие – народ-труженик остается вторичным, ибо обладая самыми большими ресурсами в мире для своего естественного функционирования, мы не озабочены экономическим производством так, как страны, лишенные природных богатств. Народ-воин отличает *духовность*, выросшая на основе его культурных корней, традиций и пр., и вмещающую в себя патриотизм, как основу выживания. («Фундаментальное понятие всяких живых нравов – честь. Все остальное – верность, покорность, храбрость, рыцарственность, владение собой, решимость – собрано в ней. И честь – вопрос крови, а не рассудка» [5, с. 358]). Народ-труженик отличает *прагматизм*, выросший на основе цивилизационной необходимости обеспечения жизнедеятельности, и вмещающий в себя интеллект, как основу выживания. Сочетание этих парадигм существования нации и выравнивание позиций такого сочетания, как это происходит, наконец, в современной России, требует исторического и социологического осмысления и грамотного использования, ибо данный процесс не прост, не скор и не лишен социальной конфликтности на различных этапах своего осуществления.

Социокультурная. Распад цивилизации по Шпенглеру (он имел в виду -западноевропейскую), но мы позволим себе обобщить) начинается с упадка культуры. То есть, постепенно истинная культура, превращаясь для цивилизационных целей ненужной обузой онтологических и духовных ценностей, мимикрирует сна-

чала в эрзац-, затем в квазикультуру, наконец – в антикультуру, в итоге становится приемлемой догмой для нации, искажая и упрощая до примитива ее духовность. Фетиш становится нормой. Пропагандируется при явной или скрытой поддержке государственных структур и политиков аномальные течения и взгляды, как естественный плод демократии, например, ЛГБТ, транссексуальные, бисексуальные, гетеросексуальные, полиаморные и пр. Детям в ряде стран западной цивилизации едва ли насильно прививаются искажающие нормальные понятия о полах человека. Во многих католических странах моногамные однополые браки освящаются католической церковью. При приеме на работу именно нетрадиционная сексуальная ориентация становится одним из критериев отбора (вспомним президента США Д. Байдена, в 2022 году откровенно хвалившегося тем, что в его правительстве самое большое количество чиновников с такой нестандартной ориентацией). Возникают при попустительстве, а то и поддержке государственных институтов агрессивные асоциальные движения типа BLM, MeToo и пр. Культурные произведения (живопись, музыка, литература) насаждают примитив, халтуру, мизантропию, пошлость под видом новых культурных ценностей. Тем самым вымывается интеллектуальный уровень и снижается в целом IQ индивидуума, социальной группы и в перспективе – социума, неспособных к критическому и аналитическому познанию действительности, тем самым повышая прагматическое видение мира. И это становится еще одной реальной угрозой социальных конфликтов и кризисных ситуаций.

Административная. На уровне государственных институтов, особенно в западной цивилизации, прослеживается некомплектность неспособность к принятию самостоятельных решений, укрепляющих суверенность государственного управления. «...государство является той формой, которая определяет внешнее положение, так что исторические связи между народами всегда имеют политический, а не социальный характер.

Внутриполитическое же положение оказывается до такой степени во власти сословных противоречий, что социальная и политическая тактика представляются здесь на первый взгляд неразделимыми... Во внешней борьбе оно постоянно оказывается вынужденным заключать союзы с сословиями... Всемирная история – это государственная история, и всегда ею останется» [5, с. 384–385]. Современные сословные противоречия, казалось бы неактуальные в том же западном мире последние тридцать лет, достаточно очевидны, частично они сказываются и на России, которая те же тридцать лет активно впитывала в себя либеральные основы функционирования, на чем воспитывались несколько поколений. И потому возврат к исконным национальным критериям в настоящее время встречает достаточное сопротивление. Либеральный прагматизм уже является вызовом национальным традициям, национальной культуре. Это тоже повод к появлению социальным кризисам.

Таким образом, философские взгляды Шпенглера, на наш взгляд, могут быть частью теории социальных кризисных ситуаций и явлений на основе концептуальности явления культура-цивилизация, там самым обогащая наши знания о природе социальной конфликтности и изучении надлежащего реагирования на нее. Россия представляет собой уникальную материю, которую многие великие гуманитари западной цивилизации так и не поняли, и здесь стоит привести известное четверостишие Ф. Тютчева; Умом России не понять (то есть прагматика бессильна в исторической эволюции России), Аршином общим не измерить (существующие изыскания и труды западных на основе разнообразных умных стандартных исследований так и не определили особенность России), ... У ней особенная стать – В Россию можно только верить (и эта особенная стать – духовность, культурный код не давшие прагматическому подходу доминировать в нашей исторической эволюции. Возможно, в этом и есть подлинная мощь,

непобедимость, странность и уникальность страны, не вписывающейся в западные стандарты. А также – вариативность, специфичность, трагедийность, жестокость ее социальных кризисов, грозивших распадом. Не каждая страна, пережившая в XX веке великие революции в 1917 г. и в 1991 г., прошедшая через две мировые и гражданскую войны, смогла бы выстоять как государство. Но это уже тема другой статьи.

Литература

1. Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26.
2. Сухов А.Н. Социальный кризис: теоретико-практический аспект. // Социальная политика и социальное партнерство. № 7, 2019.
3. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу. // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Мысль, 1998.

INTERRELATION OF THE CONCEPT “CULTURE-CIVILISATION” IN THE ASPECT OF THE PHENOMENON OF SOCIAL CRISIS IN O. SPENGLER’S WORK “THE DECLINE OF EUROPE”

Markov A.A.

St. Petersburg State University of Economics

This article considers the main philosophical views of the German philosopher Oswald Spengler, which represent a conceptual scientific relationship between the epistemological and sociological vision of the evolutionary perturbation of

civilization, as a natural stage of decline of outmoded forms of ontogenesis, applicable in the framework of the proposed article to the theoretical cognition (including phenomenon, phenomenon, laws, cause-and-effect relationships, etc.) of the social crisis as a natural consequence of the fading and breaking of the seemingly unshakable dogmas of the greatness of mankind on the example of the Western system of values.) of social crisis as a natural consequence of fading and breaking of seemingly immutable dogmas of greatness of mankind on the example of its Western system of values. Special attention is paid to the analysis of the conceptual theme in Spengler’s famous work “The Decline of Europe” – the interrelation of the concept of culture-civilization as one of the fundamental causes of the origin, course and end of the crisis situation at various levels, as well as related semantic constructs – historical, socio-cultural and administrative – as a natural comprehension of the nature and correlation of these constructs with the modern sociological understanding of crisis phenomena and situations, which allows us to perceive and, accordingly, to develop the concept of culture-civilization.

Keywords: culture, civilisation, social crisis, spirituality, pragmatism, meaning construction, evolution, cultural code.

References

1. Katerny I.V. Development of the theory of crisis in sociology: evolution of ideas and modernity. // Sociological Studies. 2023. № 10. С. 14–26.
2. Sukhov A.N. Social crisis: theoretical-practical aspect.// Social policy and social partnership. № 7. 2019.
3. Svasyan K.A. Oswald Spengler and his requiem for the West// Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. T. 1. М.: Mysl, 1993.
4. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. T. 1. М.: Mysl, 1993.
5. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. T. 2. М.: Mysl, 1998.

Концептуальные основания развития социальной сферы в структуре управления Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии)

Смирнов Андрей Павлович,

адъюнкт Военного университета имени князя
Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: 89037347589@mail.ru

В предлагаемой статье автор комплексно анализирует социальную сферу в структуре Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии), особое внимание уделяя содержанию системы ее управления: нормативному правовому регулированию, целям, субъектам и другим компонентам. Автор обосновывает обращение к теме исследования возросшими требованиями к эффективности выполнения сотрудниками Росгвардии своих должностных обязанностей со стороны общества и государства в связи с ухудшением социально-политической обстановки и обострением потребности населения в обеспечении безопасности на фоне разворачивающихся в мире конфликтов. В таких условиях, резюмирует автор, должна повышаться и эффективность мер государственной социальной поддержки сотрудников и их семей, что выступает залогом концентрации их на служебных задачах. Поэтому основной целью автора является исследование проблем в области системы управления социальной сферой и поиск перспективных направлений ее реформирования.

Ключевые слова: социальная сфера, социальные гарантии, система управления, социальная защита, реформирование.

Современное состояние международных отношений, характеризующееся кризисом в дипломатической сфере, взаимными санкциями, затрудняющими экономическое развитие стран, общим ухудшением социальной обстановки, повлияло на внутригосударственные процессы и на содержание принимаемых государственно властных решений. В научной литературе высказываются мнения, что противостояние России и стран Запада, развернувшееся на территории Украины, является определяющим вектором для всех процессов развития нашего государства в ближайшие годы [1]. Нельзя отрицать тот факт, что развернувшийся геополитический конфликт уже оказал видимое влияние на состояние всех сфер жизни общества. Одним из наиболее актуальных вопросов, возникающих в связи с вышеописанной ситуацией как для практического применения норм законов, так и для научного исследования влияния кризиса на развитие России, выступает исследование особенностей управления правоохранительной системой – основного механизма обеспечения общественной и государственной стабильности.

Исследование состояния преступности, особенностей возникающих внутри российского общества противоречий, проблем, связанных с выполнением служебно-боевых задач, позволяет сделать вывод, что система управления правоохранительными органами требует реформации в связи с новыми реалиями и угрозами безопасности российского общества. Одним из звеньев структуры правоохранительных органов в России выступает Росгвардия – специфическое подразделение, объединяющее в себе функции и содержание как военизированной структуры, так и органа, обеспечивающего защиту прав и свобод граждан.

Сотрудники войск национальной гвардии России (далее – Росгвардия) в зависимости от специфики конкретного подразделения могут выполнять задачи как на поле боя, так и на улицах городов. Они обладают достаточно широким диапазоном полномочий, их служебная деятельность зачастую сопряжена с риском для жизни. В связи с этим особенное влияние в государственной аппарате управления правоохранительными органами уделяется социальным гарантиям сотрудников Росгвардии как одного из наиболее значимых факторов обеспечения их служебной деятельности. Социальная сфера в данном аспекте выступает как «тыл», уверенность в котором позволяет сотрудникам Росгвардии сконцентрироваться на выполнении возложенных на них служебных задач.

К проблеме изучения в целом особенностей Росгвардии как отдельного подразделения в правоохранительной системе России, так и социальной сферы в частности обращались К.В. Гераскина [2], А.А. Долотов [3], О.И. Максимова [4].

Анализ научных трудов, посвященных анализу различных аспектов социальной сферы в Росгвардии показал, что большая часть из них утратили свою актуальность в связи с происходящими социально-политическими событиями, которыми были особенно насыщены последние два года. Большинство из представленных в российской научной области исследований данной проблемы опираются на принятые в мирное время нормативно-правовые акты, исследуют социальную сферу Росгвардии в статике и не учитывают тех коренных изменений, которые уже произошли в российском обществе. Между тем нельзя отрицать факт того, что данная сфера обеспечения деятельности сотрудников Росгвардии нуждается в углубленном исследовании и изучении в целях ее актуализации.

Кроме того, обращение к данной теме исследования продиктовано тем фактом, что и у государства, и общества увеличились требования к более качественному выполнению сотрудниками

Росгвардии стоящих перед ними задач. Соразмерно этому должны увеличиваться и социальными гарантии сотрудников, что возможно через реформирование системы социального управления. В связи с этим перед исследователями возникает проблема изучения как проблем в данной области, так и перспективных направлений принятия обоснованных государственных решений по изменению социальных гарантий сотрудников Росгвардии.

Несмотря на то, что Росгвардия является организацией с наличием в ней симбиотических отношений, что подтверждается не только спецификой выполняемых ее сотрудниками задач, но равноправным существованием в ее структуре как специальных, так и военных званий, в настоящее время ее деятельность регулируется Законом РФ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». В данном нормативном правовом акте определены основополагающие аспекты деятельности рассматриваемой нами структуры: задачи, принципы осуществления полномочий, организационная, кадровая структура, а также основы управления, в том числе, и социальной сферой.

Предоставление сотрудникам войск национальной гвардии социальных гарантий преследует цель обеспечить общую стабильность несения службы через формирование у сотрудников чувств уверенности и благополучия. Также социальные гарантии являются основным способом компенсации социально-политических ограничений, сопровождающих сотрудников Росгвардии на всем протяжении несения ими службы. Понятие «социальных гарантий» соизмеримо по своему содержанию с понятием «социальная защита». Обращаясь к научным исследованиям, отметим, что авторские подходы к определению данных терминов отличаются разнообразностью. В контексте нашей работы мы будем использовать понятия «социальная защита» и «социальные гарантии» как тождественные и определять их как «совокупность законодательно установленных экономических, соци-

альных, юридических гарантий и прав, социальных институтов и учреждений, обеспечивающих их реализацию создающих условия для поддержания жизнедеятельности различных социальных слоев и групп населения» [3]. Применимо к специфике служебной деятельности сотрудников войск национальной гвардии данное определение нуждается в уточнении: вместо широкой трактовки «население» мы будем использовать узкое «сотрудников национальной гвардии (Росгвардии)».

Социальные гарантии имеют непосредственную связь с процессом управления. Они повышают степень социального детерминизма и прогнозируемости социальной среды и, как следствие, управляемости социальными процессами [5]. Следовательно, под системой управления социальной сферой в Росгвардии следует понимать деятельность органов государственной власти в лице уполномоченных сотрудников, направленную на реализацию социальных гарантий, прав, свобод, льгот и законных интересов, установленных действующими нормативными правовыми актами, положенных личному составу войск национальной гвардии и членам их семей.

Рассматривая систему управления социальной сферой Росгвардии, необходимо отметить, что она состоит из нескольких компонентов, требующих детального исследования в целях выявления существующих проблем и противоречий, а также поиска возможных перспективных путей реформирования и актуализации механизмов социальной защиты сотрудников.

Считаем целесообразным начать рассмотрение системы управления социальной сферой Росгвардии с анализа ее нормативного регулирования как отправной точки всего механизма социального обеспечения личного состава войск национальной гвардии.

Акцентируя внимание на вопросе нормативного правового регулирования социальной сферы, отметим, что в системе законодательства можно выделить три большие группы НПА, регламентирующих данную область Ро-

сгвардии. Критерием выбранной нами дифференциации, представленной в исследованиях А.А. Долотова, послужило содержание функций, которые данные НПА должны реализовывать в системе социальной сферы войск национальной гвардии [3].

К первой группе исследователь относит источники законодательного регулирования, содержащие права и гарантии сотрудников Росгвардии, а также их семей. Вторая группа обобщает НПА, которые регулируют правовые статусы и ответственность должностных лиц, в компетенцию которых входит реализация механизма социального обеспечения. Наконец, третья группа нормативных правовых источников регламентирует механизм и гарантии реализации социальной защиты сотрудников войск национальной гвардии.

Как любая система, управление социальной сферой реализуется субъектами. В качестве таких выступают как обезличенные, выступающие в качестве организаций, субъекты: государство, воинские части, профсоюзы и общественные объединения, действующие в рамках реализации социальных программ защиты сотрудников Росгвардии; так и субъекты, наделенные личностными характеристиками, к которым относятся командующие и начальники подразделений.

Говоря о целях создания системы управления социальной сферой в Росгвардии, необходимо отметить, что цель ее существования выражается не только в создании благоприятных условий для несения службы сотрудниками войск национальной гвардии, но и в поддержании дисциплины среди сотрудников. Возможность получить социальные льготы, особенно в условиях нестабильности экономической системы, являются значимым фактором добросовестного выполнения сотрудниками Росгвардии своих служебных задач.

Система управления социальной сферой в Росгвардии концентрируется вокруг трех основных компонентов: социально-экономическом, морально-психологическом и правовом компоненте.

Социально-экономический компонент включает в себя обеспечение сотрудников войск национальной гвардии вещевым, денежным довольствием, гарантий пенсионных выплат, медицинским обслуживанием, жильем. Морально-психологический компонент напрямую зависит от социально-экономического, так как в него входит реализация задач по поддержанию устойчивого благоприятного климата в коллективе Росгвардии, личного спокойствия сотрудников, что в полной мере невозможно без стабильного и устойчивого социально-экономического обеспечения службы.

Наконец, правовой компонент включает в себе нормативную правовую основу обеспечения управления социальной сферой в Росгвардии. Проведенный нами анализ законодательства России в данной области позволил выделить следующие НПА, регулирующие различные вопросы управления социальной сферой в Росгвардии: закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», закон № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих», закон РФ № 4468–1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», закон № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данные НПА являются основными в рассматриваемом нами вопросе, однако приведенные нами список не является исчерпывающим, так как область законодательного регулирования Росгвардии также относится к межведомственной сфере, включает в себя и локальные нормативные правовые акты.

По мнению О.И. Максимова, эффективность системы управления социальной сферой в Росгвардии оценивается обеспеченностью:

- доступом сотрудников Росгвардии к материальным и духовным благам, всем видам довольствия в установленном НПА размере;
- гарантией наличия свободного времени и возможности заниматься саморазвитием, а также предоставление положенного за выполнения служебных обязанностей времени отдыха и отпуска;
- обеспечением защиты жизни, здоровья и достоинства сотрудников и членов их семей [4].

Понимая механизм работы системы управления, можно проанализировать проблемы, существующие в данной области и существенно затрудняющие процесс ее функционирования.

Мы можем выделить несколько направлений системы управления социальной сферой Росгвардии, в которых на сегодняшний день существуют объективные проблемы, требующие повышенного внимания.

Во-первых, недостаточно эффективно проработана система социальной поддержки членов семей сотрудников войск национальной гвардии в случае его гибели. Положенные в соответствии с законодательством выплаты зачастую имеют характер однократных, а выделяемые пенсии и пособия по своим размерам не достигают уровня реальных потребностей семей. При этом законодательством не предусмотрено ни одной долгосрочной государственной программы поддержки вдов и детей сотрудника Росгвардии, хотя такие программы активно действуют в отношении военных.

Во-вторых, на сегодняшний день в состоянии стагнации находится механизм предоставления жилья сотрудникам Росгвардии, социальных льгот и медико-санитарного обслуживания, так как выделяемого финансирования не достаточно для полноценной реализации указанных гарантий в отношении всего личного состава войск национальной гвардии. Отдельно следует отме-

тить, что серьезной проблемой является отсутствие механизмов трудоустройства на новую работу сотрудников Росгвардии, вынужденных уйти со службы в результате получения инвалидности.

В-третьих, достаточно проблемным является вопрос профессиональной, психологической и социальной адаптации как самих сотрудников, так и членов их семей, что необходимо в сложных жизненных ситуациях. Как отмечал О.В. Филимонов, «...в процессе этой адаптации люди не могут использовать типичные и привычные для них стереотипы поведения, а в условиях глубоких политических, экономических, культурных и духовных изменений... люди становятся конформными, в изменившихся условиях теряют потенции к самоидентификации и самоактуализации» [6, с. 67], то есть многие люди не успевают адаптироваться к новым условиям социальной жизни.

В целом следует отметить, что не смотря на законодательную регламентацию действенных механизмов социального обеспечения сотрудников Росгвардии, в настоящее время данная сфера не лишена недостатков. Причину этого мы видим в проблемах, связанных с ее управлением, в том числе, с недостаточной проработкой самой системы управления, полномочий должностных лиц и механизмов предоставления сотрудникам Росгвардии мер социальной поддержки.

В качестве возможных способов решения выделенных проблем, которые могут быть обозначены как перспективы реформирования системы управления социальной сферой, мы видим следующие.

1. Совершенствование законодательного регулирования через уточнение и детальную регламентацию полномочий лиц, в обязанности которых входит разрешение вопросов, связанных с социальными гарантиями сотрудников войск национальной гвардии; закрепление более действенных механизмов межведомственного взаимодействия, а также повышение гибкости оперативного реагирования на потребности сотрудников

и случающиеся в их жизни события, требующие социальной поддержки.

2. Развитие организационной структуры управления социальной сферой, что может быть достигнуто благодаря созданию единого централизованного подразделения по управлению социальной сферой.

3. Внедрение проектного и программного метода управления социальной сферой, а также совершенствование кадровой политики путем профессионального обучения сотрудников соответствующей категории.

4. Использование рационального подхода к распределению ресурсов на наиболее значимые области социальной поддержки сотрудников Росгвардии.

5. Цифровизация и модернизация системы управления социальной сферой: создание единой информационной системы, электронных сервисов и т.д., что позволит оптимизировать процесс получения сотрудниками социальных льгот.

Указанные нами возможные направления реформирования системы социального управления позволяет повысить общий уровень эффективности социальной сферы в Росгвардии, обеспечить сотрудников и членов их семей материальными и моральными механизмами поддержки, что особенно важно в период сложной геополитической ситуации и возросших требований к выполнению ими своих должностных обязанностей.

Литература

1. Москалец А. В., Слинко А.А. Новая роль России в региональной политике // РСЭУ. 2024. № 1 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-rol-rossii-v-regionalnoy-politike> (дата обращения: 09.05.2024).
2. Долотов А.А. Совершенствование механизмов и институтов социальной защиты войск национальной гвардии Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2023. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-mehanizmov-i-institutov-sotsialnoy-zaschity-voysk-natsionalnoy-gvardii>

- rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.05.2024).
3. Гераськина К.В. Социальная защита войск национальной гвардии различных категорий / К.В. Гераськина // Благовещенск: Амурский государственный университет, 2019.
 4. Максимова О.И. Система социальной защиты войск национальной гвардии и членов их семей в локальных конфликтах, ее составные элементы / О.И. Максимова // Мировая наука. 2021. № 6 (51).
 5. Гришай Е.В., Плотников В.В. Социальный детерминизм и его прогностический потенциал в отношении девиантных социальных процессов // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 165–169.
 6. Филимонов О.В. Социальная сфера общества и военной организации: теоретические основания выделения / О.В. Филимонов // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 67–75.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SPHERE IN THE MANAGEMENT STRUCTURE OF THE FEDERAL SERVICE OF NATIONAL GUARD TROOPS (ROSGVARDIA)

Smirnov A.P.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

In this article, the author comprehensively analyzes the social sphere in the structure of the Federal Service of National Guard Troops (Rosguard), paying special attention to the content of its management system: legal regulation, goals, subjects and other components. The author justifies his approach to the research topic by the increased requirements for the effectiveness of the performance by employees of the Russian Guard of their official duties from society and

the state in connection with the deterioration of the socio-political situation and the aggravation of the population's need for security against the backdrop of conflicts unfolding in the world. In such conditions, the author summarizes, the effectiveness of state social support measures for employees and their families should also increase, which is the key to their concentration on official tasks. Therefore, the main goal of the author is to study problems in the field of social sector management system and search for promising directions for its reform.

Keywords: social sphere, social guarantees, management system, social protection, reform.

References

1. Moskalets A.V., Slinko A.A. The new role of Russia in regional politics // RSEU. 2024. No. 1 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-rol-rossii-v-regionalnoy-politike> (access date: 05/09/2024).
2. Dolotov Andrey Aleksandrovich Improving the mechanisms and institutions of social protection of the troops of the National Guard of the Russian Federation // Stolypin Bulletin. 2023. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-mehanizmov-i-institutov-sotsialnoy-zaschity-voysk-natsionalnoy-gvardii-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 05/09/2024).
3. Geraskina, K.V. Social protection of national guard troops of various categories / K.V. Geraskina // Blagoveshchensk: Amur State University, 2019.
4. Maksimova, O.I. The system of social protection of troops of the National Guard and members of their families in local conflicts, its components / O.I. Maksimova // World Science. – 2021. – No. 6 (51).
5. Grishay E.V., Plotnikov V.V. Social determinism and its prognostic potential in relation to deviant social processes // Society and Law. 2018. No. 4 (66). pp. 165–169.
6. Filimonov, O.V. The social sphere of the society and military organization: theoretic foundation of its marking-out / O.V. Filimonov // Bulletin of the Military University. 2009. No. 4 (20). pp. 67–75.

Приоритетные и взаимосвязанные направления организации управления в органах публичной власти (по результатам социологического опроса Ростовского областного суда)

Асташев Роберт Владимирович,

аспирант ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»

E-mail: astarobert20092009@yandex.ru

Швандерова Алла Робертовна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российский университет правосудия»

E-mail: ashvanderova@yandex.ru

Управленческая деятельность в структурах публичной власти в Российской Федерации характеризуется особенностями, обусловленными историческими, политическими, экономическими и культурными контекстами. Эффективность судов общей юрисдикции неотделима от анализа специфики управленческой практики, включая определение функциональных ролей внутри судебной структуры и исследование управленческих взаимосвязей.

Результаты научного исследования, представленные в нашей статье, основаны на данных, полученных в ходе социологического опроса работников Ростовского областного суда, которые позволило проанализировать внутреннее устройство управленческих процессов и выявить актуальные тенденции в структуре и механизме управления, влияющие на эффективность судебной работы.

Ключевые слова: организационная структура, механизмы управления, легитимация власти, делегирование полномочий, корпоративная культура, управленческое решение, контроль качества управления, формализация, институциональная среда, инновационное управление.

Основополагающие аспекты организационной структуры системы управления судами общей юрисдикции отражены в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». В частности, ст. 3 закрепляет единство судебной системы, которая выражается в правовом закреплении единства статуса судей, финансировании федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета, соблюдении всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства [8]. Ст. 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» провозглашает базовые принципы функционирования судебной системы и механизм управления в судебных органах разного уровня, для которых названный закон является единственным источником организации деятельности, связанной с отправлением правосудия.

Однако работа суда не ограничивается только лишь осуществлением правосудия. В процессе организации деятельности судебной системы возникает целый ряд внутриорганизационных отношений, возникающих в судах, и эти отношения, не связанные непосредственно с осуществлением правосудия, обладают всеми признаками управленческой деятельности и нуждаются в ней.

Проведенное нами эмпирическое исследование в суде общей юрисдикции убедительно показало, что сложившиеся социально-политические и экономические особенности современного российского общества обусловили проблемы управленческой деятельности структур публичной власти, которые затрудняют поиск оптимальных методов управления, обеспечивающих наибольшую эффек-

тивность в работе судов общей юрисдикции.

Рационализация, то есть разумная организация труда является не единственной, но одной из основных целей управленческой деятельности, основными принципами разумной организации труда, которые сформулировали еще в начале XX века основоположники теории управления Ф. Тейлор, Г. Эмерсон, Ф. Гилберт, М. Вебер, Г. Форд и другие, являются *усовершенствование научной организации труда, результатов труда, средств труда и технологических процессов* [9].

Как реализуются вышеназванные принципы рационализации, с какими проблемами сталкиваются руководители судебного органа, мы выяснили в ходе опроса, в котором приняли участие 222 сотрудника судебной инстанции, занимающих разные должности. Сотрудникам было предложено ответить на 25 вопросов, раскрывающих разные стороны их профессиональной деятельности. С семью руководителями структурных подразделений: начальником отдела общего делопроизводства, начальником отдела организации уголовного судопроизводства в первой инстанции, начальником отдела организации административного делопроизводства, председателями коллегий по административным делам 1-й и 2-й инстанций было проведено глубинное интервью, состоящее из 12 вопросов, связанных со спецификой управленческой деятельности в судебном органе власти.

Результаты проведенного опроса показали: сотрудники – от рядовых работников до руководителей структурных подразделений убеждены в необходимости дальнейшего развития правовой базы – Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023), закрепившего структуру управления судами общей юрисдикции подразумевающую четкую субординацию и разделение процессуальных и управленческих функций [8].

В условиях современной сложной социально-политической и экономической обстановки структура управления в судах общей юрисдикции требует дополнительного юридического регулирования многих аспектов внутреннего судебного сообщества. Закон о судебной системе был принят 18 лет назад, в марте 2002 года был принят № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», предусматривающий в ст. 1 создание коллегиальных органов, в состав которых входят судьи федеральных судов всех видов и уровней, судьи судов субъектов Российской Федерации [7]. Согласно ст. 4 этого Закона основными задачами органов судейского сообщества являются содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства, защита прав и законных интересов судей, участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности, утверждение авторитета судебной власти, обеспечение выполнения судьями требований, предъявляемых кодексом судейской этики. Кроме того, у органов судейского сообщества есть полномочия и управленческого характера, они могут содействовать в организации деятельности судов общей юрисдикции, участвовать в разрешении проблем управленческой деятельности. Так Григорьева Е.А. и Злобина Е.А. в Комментариях к Федеральному закону от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (постатейному) в пункте 2 комментария ст. 4 Закона подчеркивают, что «...характерной формой совершенствования судебной системы является обобщение практики деятельности судов с целью выработки судебной практики, которая в ряде случаев ввиду отсутствия специальных правовых предписаний восполняет правовые коллизии» [3].

В этой связи, учитывая возрастание организационно-управленческой функции в внутренней деятельности органов судебной власти мы предлагаем конкретизировать обозначенную в «Федеральном законе от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества

в Российской Федерации» задачу судебного сообщества «участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности», следующим положением: в кадровой оценке руководителей необходимо учитывать такие профессиональные качества как умение формировать управленческую команду, понимание стратегических перспектив коллектива, умение управлять возникающими изменениями [7].

Проведенное нами исследование также показало, что у большинства руководителей возникают разного рода проблемы в отношениях с подчиненными, обусловленные в том числе и личностными характеристиками руководителя. Очевидно, что профессиональное управление должно осуществляться специалистами, способными эффективно управлять коллективом и организацией путем четкого определения целей и разработки стратегий для их достижения. Руководитель обладает определенными правами и обязанностями: он официально руководит коллективом, организует профессиональную деятельность подчиненных, имеет возможность применять различного рода меры воздействия, включая негативные, и несет юридическую ответственность за результаты работы организации.

Безусловно, личность руководителя и его индивидуальные характеристики играют значительную роль в управленческой деятельности, определяя создание стиля управления внутри организации. Например, немецкий психолог и ученый Курт Левин в 1930-е годы выделил три стиля управления – авторитарный, демократический и либеральный, основываясь на способах взаимодействия руководителя с подчиненными и коллегами, в зависимости от уровня делегирования полномочий между руководителем и его подчиненными. Кроме того, на этот выбор оказывает влияние множество субъективных и объективных факторов. К объективным факторам, например, можно отнести уникальные характеристики организации, ее цели, задачи и уровень руководства. Так, Закон РФ «О статусе судей в Российской

Федерации» [4], определяя процедуру назначения руководителя органа судебной власти (согласно ст. 6), его функции и задачи, фактически устанавливает как стиль управления руководителя, так и его методы управления в целях достижения целей и задач организации, которой он управляет. В этой связи к руководителю судебного органа предъявляются более строгие требования к личностным и профессиональным качествам, а также к уровню управленческой подготовленности.

Не вызывает сомнений, что для успешного руководства в любом стиле управления требуется наличие определенных личностных качеств, которые способствуют достижению максимальной эффективности и успеху в управленческой сфере, а также системного мышления, необходимого для адекватного определения стратегических и тактических задач управления.

Мы убеждены, что эффективного современного руководителя можно и нужно «вырастить», основываясь на компетентностном подходе, реализация которого предполагает свободный выбор форм обучения, – круглые столы, «мозговые штурмы», гибкие программы, ориентированные на конкретного руководителя и управленческие проблемы, с которыми он сталкивается чаще всего, высокую активность и заинтересованность самих обучающихся. Например, участие в Международном ежегодном конкурсе «Руководитель года».

При изучении научных подходов социологии к управлению в организации мы обнаружили пять основных методов: системный, ситуационный, творческий, дескриптивный и нормативный. В реальной управленческой практике ни один из этих подходов не является всеобъемлющим из-за постоянных изменений в обществе и сложной социально-экономической среды, которая приводит к возникновению неожиданных, порой экстремальных проблем, требующих нестандартных подходов к решению, в отличие от традиционных методов управления.

Ранее мы уже отмечали, что наиболее эффективным является ситуационный подход, способный в неожиданных ситуациях обеспечить сохранение продуктивности организации и минимизацию негативных последствий [2]. На наш взгляд, использование ситуационного подхода в конце 2019 года в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации подтвердило эффективность такого подхода.

Еще одной выявленной исследованием проблемой является кадровая политика в структурах судебного органа: низкая оплата труда, нехватка квалифицированных кадров, в том числе осуществляющих организационно-управленческие функции, всевозрастающий документооборот, отсутствие мотивации и межличностные отношения.

Названные проблемы и возможные пути их решения мы также уже рассматривали применительно к суду общей юрисдикции [1]: полагаем, что для решения проблемы квалифицированных кадров в органах публичной власти необходимо *внедрять эффективные программы профессионального обучения, включающую: создание программ для привлечения и мотивации высококвалифицированных кадров на государственную службу; улучшение условий работы через применение современных информационных технологий в различных сферах деятельности судебного органа; создание возможностей для профессионального роста и обучения сотрудников и руководителей всех уровней; продвижение карьеры в органах судебной власти на основе профессиональных достижений.*

Такие программы могут включать в себя семинары и курсы: это могут быть краткосрочные образовательные программы, которые обычно проводятся в течение нескольких дней или недель. Они могут продолжаться в формате онлайн-обучения и включать в себя периодические вебинары. Кроме того, эффективным способом повышения квалификации может быть и обучение на рабочем месте, поскольку нацелено на кон-

кретные задачи и проблемы, с которыми государственные служащие сталкиваются в своей работе. Также имеет смысл проведение конференций и симпозиумов. Опыт проведения таких мероприятий, привлекающих ведущих экспертов из различных наук, на протяжении почти двух десятилетий накапливается в Российском государственном университете правосудия. Такие мероприятия проводятся в формате онлайн или офлайн.

Опрошенные сотрудники в качестве актуальных направлений обозначили также необходимость активного внедрения современных информационных технологий. Бесспорно, в современном мире информация играет важную роль в управлении органами публичной власти. Она помогает принимать взвешенные решения, эффективно распределять ресурсы, что в конечном итоге сказывается на повышении эффективности работы, позволяет получать необходимые данные для анализа и прогнозирования текущей ситуации, использовать для улучшения взаимодействия с гражданами и организациями: например, с помощью онлайн-сервисов и мобильных приложений можно значительно ускорить и упростить процедуры обращения за государственными услугами.

В ноябре 2006 года Государственная приемочная комиссия приняла систему ГАС «Правосудие» – Государственную автоматизированную систему РФ «Правосудие». Разработана эта система была с целью создания единого правового информационного пространства, обеспечения эффективного управления в судебной системе, единства судебной системы РФ, гарантирования прав граждан и юридических лиц на получение судебной информации. Система ГАС «Правосудие» обеспечивает соблюдение конституционных принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей, обеспечения повышения эффективности работы судов.

Важную роль в становлении интернет-правосудия сыграло Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406, которым была утверждена Федеральная целевая программа

«Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». В программе изложены основы развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в судах общей юрисдикции, цель которых обеспечение максимальной открытости, доступности и прозрачности деятельности судов за счет применения систем видео- и аудиопротоколирования хода судебных заседаний, программно-технических средств оцифровки документов и оборудования [6].

Принятая Концепция развития информатизации судов до 2020 г. (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ 19 февраля 2015 г. № 439) стала первым документом, официально изложившим суть электронного правосудия в Российской Федерации – повышение уровня доступности правосудия и доверия граждан. Достижение максимальной прозрачности деятельности при соблюдении требований защиты персональных данных [5].

Создаваемая сегодня система «электронное государство» является необходимым инструментом в современном мире, где информационные технологии играют все большую в жизни общества и государства.

Благодаря электронной системе можно улучшить доступность информации, повысить ее актуальность и объем. Граждане имеют возможность контролировать деятельность органов публичной власти, а также получать полезные сведения и оповещения; снижаются затраты на административную деятельность.

Еще одной проблемой является обучение кадрового аппарата служащих судебного органа, включая самих руководителей, навыкам работы с системой электронного документооборота. Обучение, как правило, начинается сразу после установки необходимого оборудования. В результате пользователи получают необходимый минимум знаний о системе электронного документооборота, необходимый для выполнения конкретных задач, но системными знаниями и навыками не обладают и в случае появления новой задачи, связанной с использованием IT технологий пыта-

ются справиться с ней «методом тыка». В этой связи необходимо, на наш взгляд, официально закрепить ответственность за развитие систем электронного документооборота, его прозрачности и доступности для граждан за руководителями органов публичной власти, структурных подразделений.

Сделать обязательным обучение всего аппарата служащих судебного органа для работы в системе «Электронное правосудие» – возможно, курсы повышения квалификации по освоению современных информационных технологий, аналогичные тем, что уже не одно десятилетие существуют в системе образования. Кроме того, необходимо совершенствовать систему «обратной связи» с населением, для того чтобы сделать доступ к «электронному правосудию» максимально доступной государственной услугой.

Таким образом, результаты нашего исследования позволили выявить **главную особенность управленческой деятельности в исследуемом судебном органе власти – дуализм этого феномена: с одной стороны, управленческая деятельность довольно жестко регламентирована правовыми нормами и должностными инструкциями, а с другой стороны – судебный орган, его сотрудники – микросоциум, и как в любом социуме «...историю (общества) люди делают так: каждый преследует свои собственные. сознательно поставленные цели... Вопрос сводится к тому, чего хочет это множество отдельных лиц...» [10].**

Следовательно, профессиональный подход в управлении подразумевает, что управленческая работа – это активная деятельность, связанная с взаимодействием с людьми и требующая от руководителей глубоких знаний, значительных усилий в области коммуникации и навыков делового общения; включает в себя привлечение опытных юристов, судей, специалистов IT-технологий к обучению сотрудников, что крайне важно для юридического сообщества, так как способствует обучению квалифицированных юридических специалистов, готовых

эффективно решать сложные проблемы в сфере права.

Литература

1. Асташев Р.В. «Актуальные проблемы кадровой политики в государственных органах Российской Федерации» / Асташев Р.В. // Социально-гуманитарные технологии. № 2(26). 2023.
2. Асташев Р.В. О необходимости применения ситуационного подхода в управлении структурами государственной власти (на примере суда общей юрисдикции). / Асташев Р.В. // Социально-гуманитарные знания. № 2. 2023. С. 46–50.
3. Григорьева Е.А., Злобина Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (постатейный). / Григорьева Е.А., Злобина Е.А. – Специально для системы ГАРАНТ, 2012. С. 22. – URL: <https://base.garant.ru/57854169/>
4. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022). – URL: <https://www.consultant.ru/document>.
5. Концепция развития информатизации судов до 2020 г. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/konceptiya_razvitiya_informatizacii_sudov_do_2020_goda/ (дата обращения: 20.05.2024).
6. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
7. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_d
8. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_

9. Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. Управление – это наука и искусство. / Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. – М., 1992. – 349 с.
10. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». – URL: https://archive.org/details/1985_20201115

PRIORITY AND INTERRELATED AREAS OF MANAGEMENT ORGANIZATION IN PUBLIC AUTHORITIES (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE ROSTOV REGIONAL COURT)

Astashev R.V., Shvanderova A.R.

Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonova, Russian University of Justice

Managerial activity in public authorities in the Russian Federation is characterized by features determined by historical, political, economic and cultural contexts. The effectiveness of courts of general jurisdiction is inseparable from the analysis of the specifics of management practice, including the definition of functional roles within the judicial structure and the study of managerial relationships. The results of the scientific research presented in our article are based on data obtained during a sociological survey of employees of the Rostov Regional Court, which allowed us to analyze the internal structure of management processes and identify current trends in the structure and mechanism of management that affect the effectiveness of judicial work.

Keywords: organizational structure, management mechanisms, legitimization of power, delegation of authority, corporate culture, management decision, management quality control, formalization, institutional structure

References

1. Astashev R.V. “Current problems of personnel policy in government bodies of the Russian Federation” / Astashev R.V. // Social and humanitarian technologies. No. 2(26). 2023.
2. Astashev R.V. On the need to use a situational approach in managing government structures (using the example of a court of

- general jurisdiction). / Astashev R.V. //Social and humanitarian knowledge. No. 2. 2023. pp. 46–50.
3. Grigorieva E.A., Zlobina E.A. Commentary on the Federal Law of March 14, 2002 No. 30-FZ “On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation” (article-by-article). / Grigorieva E.A., Zlobina E.A. – Especially for the GARANT system, 2012. P. 22. – URL: <https://base.garant.ru/57854169/>
 4. Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132–1 “On the status of judges in the Russian Federation” (as amended on April 16, 2022). – URL: <https://www.consultant.ru/document>.
 5. Concept for the development of court informatization until 2020 – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/koncepciya_razvitiya_informatizacii_sudov_do_2020_goda/ (access date: 05.20.2024).
 6. Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 1406
 - “On the federal target program “Development of the judicial system of Russia for 2013–2024”” // SZ RF. 2013. No. 1. Art. 13.
 7. Federal Law of March 14, 2002 No. 30-FZ “On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation.” – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_d
 8. Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ “On the Judicial System of the Russian Federation” (as amended on April 16, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_
 9. Fayol A., Emerson G., Taylor F, Ford G. Management is a science and an art. / Fayol A., Emerson G., Taylor F, Ford G. – M., 1992. – 349 p.
 10. Engels F. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy.” – URL: https://archive.org/details/1985_20201115

Роль и значение социального взаимодействия для гармоничного развития личности

Абоимова Ирина Сергеевна,

к.п.н., доцент, кафедра среднего и графического дизайна, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
E-mail: i.aboimova@mail.ru

Лутюшкина Виктория Николаевна,

к.п.н., доцент, Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет
E-mail: vikkilu@yandex.ru

Кривенцева Светлана Михайловна,

преподаватель кафедры публичного права, ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России
E-mail: Smk.uii@mail.ru

Троицкая Елена Михайловна,

д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
E-mail: trromano@yandex.ru

Демидова Татьяна Евгеньевна,

д.и.н., профессор, кафедра общественно-социальных институтов и социальной работы, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: ted-05@list.ru

выступает как индивидуальный, социальный и духовный феномен. Гармоничное личностное развитие понимается как генезис функций жизнедеятельности: смыслоопределения, ответственности, творческой самореализации, автономности и индивидуальности. Гармоничной является личность, в которой наиболее равномерно представлены различные аспекты личности как субъекта деятельности, познания и общения. Социальное взаимодействие в процессе деятельности и общения играет важную роль в развитии личности как субъекта жизнедеятельности. Условиями социального взаимодействия, которые способствуют развитию гармоничной личности, являются высокий уровень социальной адаптированности и компетентности в общении.

Ключевые слова: общество, личность, социальное взаимодействие, социальное развитие, социализация, социальная адаптация, гармоничное развитие личности.

В статье освещаются вопросы о роли и значении социального взаимодействия для гармоничного развития личности. Целью статьи является анализ социального взаимодействия как социально-психологического фактора для гармоничного развития личности. Методы: теоретический анализ научной литературы. Результаты: определены особенности социального взаимодействия, специфика социального развития личности и условия социального взаимодействия, которые обеспечивают гармоничное развитие личности. Показано, что социальное взаимодействие является системным и многоуровневым социальным феноменом. Социальное развитие личности опосредовано возрастными-психологическими особенностями, процессами социальной адаптации, социализации и индивидуализации, которые носят противоречивый характер. Механизмами расширения и умножения социальных связей личности с внешним миром в процессе социального развития выступают деятельность, общение и самосознание личности. Выводы: личность как субъект социального взаимодействия

Введение (Introduction)

Современное общественное развитие сопровождается процессами информатизации, цифровой трансформации общественных отношений, противоречивостью и многозначностью социально-культурной и нормативно-ценностной системы общества, что оказывает влияние на систему социального взаимодействия. Социальное взаимодействие «имеет место на разных уровнях – на политическом, экономическом, социальном и духовном» [14, с. 216], представляя собой «взаимодействие между социальными субъектами – личностями, группами, общностями, социальными институтами» [14, с. 216]. Личность как общественный субъект в процессе прохождения стадий возрастано-психологического и социального развития вовлечена в многообразные ситуации социального взаимодействия, которые оказывают влияние на становление ее интеллектуальных, эмоционально-волевых, ценностно-смысловых и мировоззренческих качеств, что делает актуальным проблему о роли и значении социального взаимодействия для гармоничного развития личности.

Результаты (Results)

Общество пронизано многочисленными социальными связями, которые определяют характер социальных действий и включают субъектов социального взаимодействия, предмет и механизмы регулирования социальных взаимодействий. Социальная связь выступает как более обобщенное понятие к понятию социальное взаимодействие, выступая в виде социального контакта и социального взаимодействия. Социальное взаимодействие выступает как «процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия социальных субъектов (личностей, групп, общностей) друг на друга» [14, с. 214]. Социальное взаимодействие осуществляется на разных уровнях и предполагает не только взаимодействие между отдельными индивидами, но и «взаимодействие различных социальных групп, социальных

институтов, народов и общностей» [14, с. 214]. Результатом социального взаимодействия являются «социальная структура, социальные отношения и социальные институты» [14, с. 215]. К признакам социального взаимодействия относятся «предметность – наличие внешней по отношению к взаимодействующим индивидам или группам цели, осуществление которой по различным причинам предполагает необходимость объединения усилий; ситуативность – достаточно жесткая регламентация конкретными условиями той ситуации, в которой протекает процесс взаимодействия; эксплицирование – доступность для стороннего наблюдателя внешней выраженности процесса взаимодействия» [6, с. 2]. В процессе социального взаимодействия «происходит разделение и кооперация функций, взаимное согласование совместных действий» [6, с. 2], что позволяет достичь эффективности во взаимодействии ее субъектов на разных уровнях общественного функционирования.

Личность как субъект социального взаимодействия представляет собой «феномен одновременно индивидуального, социального и духовного бытия» [10, с. 3402]. Личность – это сознательный субъект, занимающий определенное положение в обществе и выполняющий социально полезную общественную роль. Структура личности – это сложная организованная иерархия отдельных свойств, способностей, характера, самоконтроля и системных экзистенциально-бытийных целостных свойств личности [11]. Определяя связь личности и общества в социальном взаимодействии, отметим, что «внутренняя гармония невозможна без гармоничных связей с социальным окружением... гармония межличностных отношений предполагает согласие индивида с самим собой» [10, с. 3402]. Личность формируется путем присвоения индивидом социально выработанного опыта – системы представлений о нормах и ценностях жизни человека; о его общей направленности, поведении, отношениях к другим людям, к себе, к обществу в целом. В результате творческого присвоения социального

опыта и проживания человеком определенных социальных ситуаций происходит формирование мотивов, свойств и способностей личности, что определяет ее развитие [11]. Поэтому вопросы особенностей гармоничной личности и гармоничных отношений в социальном взаимодействии требуют своего изучения.

Определяя роль социального взаимодействия для гармоничного развития личности, рассмотрим признаки гармоничной личности, которую следует изучать «в рамках целостного, системного подхода как психологическую норму живой системы, имеющую подсистемы: человек – среда как внешнее пространство и человек – человек как внутреннее пространство личности» [10, с. 3402]. В самом общем виде характеристики гармоничной личности включают согласие человека с миром и с самим собой, следование нравственным нормам, определяющим мировоззрение личности [4]. Данные критерии гармоничной личности созвучны пониманию феномена психологической зрелости личности. Так, согласно Э. Фромму, представителю гуманистического направления научного знания, личностная зрелость трактуется как чувство согласия и единения с миром [13]. При выделении критериев зрелости авторы ориентируются либо на адаптацию к социуму, либо на раскрытие ресурсов автономной личности и ее индивидуальности. Однако такое понимание гармоничной личности имеет ряд противоречий, поскольку «мир слишком сложен, многообразен, общество в любой исторический период не свободно от противоречий» [4, с. 93]. Если рассматривать гармоничность со стороны личности, то «внутренняя свобода, в частности от влияний культуры, тем самым верность своей системе взглядов так или иначе ведет к разобщенности с определенной частью мира» [4, с. 93]. Личности на разных этапах социального развития проходит ряд нормативных кризисов, сталкивается с рядом критических событий на своем жизненном пути, что сопровождается конфликтными и противоречивыми переживаниями,

отсутствием согласия с самим собой и с миром, в том числе и в системе социального взаимодействия. Поэтому взгляд на гармоничность личности как на согласованность с самим собой и с миром не раскрывает данный феномен. Согласимся с мнением Е. Д. Божович, согласно которой гармоничность/дисгармоничность личности определяется «соотношением ее сознательных стремлений и непосредственных, обычно неосознаваемых, желаний, иными словами, соотношением сознательных и бессознательных мотивационных тенденций» [4, с. 93]. Развитие гармоничной личности, по мнению автора, определяет «согласованность этих тенденций или преодолеваемые самой личностью противоречия между ними» [4, с. 93]. Признавая ведущую роль деятельности в социальном развитии личности с позиции деятельностного подхода, гармоничной является личность, в которой наиболее равномерно представлены различные аспекты личности как субъекта деятельности, познания и общения. В этой связи интерес представляют условия социального взаимодействия, которые способствуют развитию гармоничной личности человека.

Вопросы о гармоничном развитии личности в социальном взаимодействии решаются в контексте понимания закономерностей и механизмов социального развития, особенностей возрастного-психологического развития, которое имеет свою специфику на разных этапах социального развития личности. Социальное развитие личности опосредовано механизмами социализации, адаптации человека к обществу, к его культуре, механизмами индивидуализации, самоизменения в процессе усвоения и воспроизводства культуры. Основатель культурно-исторической концепции развития психики Л. С. Выготский, описывая развитие высших психических функций человека в процессе онтогенеза, выделит два плана развития поведения личности – природного, то есть естественного, и культурного, то есть приобретенного на основе индивидуального жизненного опыта в той или иной культуре. Соглас-

но Л.С. Выготскому, социальное в самом широком смысле обозначает, что культура есть продукт социальной жизни и общественной деятельности человека, и потому самая постановка проблемы культурного развития личности уже вводит ее непосредственно в социальный план развития [7]. Понимание специфики возрастано-психологического развития личности в контексте социального развития обуславливает необходимость выделения таких явлений, как «нормативный кризис» и «критический период», то есть в онтогенезе выделены, наряду со стабильным периодом, «критические», «переходные периоды», в которых интегрируются противоречия и кризисы развития, затрудняющие гармоничное развитие личности [7].

Социальное развитие личности осуществляется в процессе социализации, которую Г.М. Андреева рассматривает как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему связей, с другой – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности» [1, с. 57]. Процесс социализации личности Г.И. Власовой определяется как «процесс присвоения человеком социального выработанного опыта, прежде всего системы социальных ролей» [5, с. 28]. Социальные роли человека реализуются в социальном взаимодействии в различных социальных группах и институтах: в семье, в образовательных организациях, в производственных и в неформальных коллективах. В процессе социализации происходит формирование личности и ее самосознания при усвоении ее «социальных норм, умений, стереотипов, социальных установок, принятых в обществе форм поведения и общения, вариантов жизненного стиля» [5, с. 28].

К одному из основных социально-психологических механизмов социализации личности относится социальная адаптация, которая является показателем зрелости личности, определяющую и гармоничность ее развития. Социаль-

ная адаптация личности понимается как итог процесса изменений социальных, социально-психологических, морально-психологических и демографических отношений между людьми, приспособления к социальной среде [1]; как процесс «активного усвоения личностью многообразных функций в зависимости от конкретных условий; как специфическое общественное явление, в основе которого лежит взаимодействие между субъектом и социальным объектом» [3, с. 12]. Характер адаптации зависит от стадии онтогенеза личности. На ранних этапах социального развития психические особенности и качества личности возникают путем приспособления ребенка к требованиям окружающей среды. Ребенок не просто приспосабливается к наличной ситуации, а на основе сформировавшихся ранее качеств преломляет воздействия среды и сознательно или несознательно занимает по отношению к ней определенную внутреннюю позицию. В процессе формирования сознательной регуляции поведения осознанные цели все в большей мере контролируют и направляют активность развивающейся личности. Гармонизация личности происходит в процессе социально-психологической адаптации, преодоления внешних и внутренних противоречий и проблемных ситуаций в ходе которых «использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития и социализации навыки и механизмы поведения или открывает новые способы поведения и решения задач, новые программы и планы внутриспсихических процессов» [9, с. 18]. Гармоничная личность обладает успешной адаптацией, высоким уровнем адаптированности, показателем которой выступает, прежде всего, достижение возможности выполнения основных задач деятельности в процессе социального взаимодействия. Социально-психологическая или социальная адаптация предполагает приобретение личности к новым группам, а также видам деятельности, которые имеют место в данном социуме.

Раскрывая проблему развития гармоничной личности в процессе социаль-

ного взаимодействия, необходимо отметить вопросы соотношения социального и индивидуального в процессе социального развития личности. В процессе жизнедеятельности, согласно Э. Фромму, «человек вступает в отношения с миром посредством отношений с людьми (и с самим собой) – это и есть социализация, а индивидуализация – это процесс усиления и развития личности, собственного Я, процесс растущего обособления от первоначальных связей» [13, с. 40]. Согласно А.Г. Асмолову, социализация предстает активным процессом, в котором личность «присваивает себе общественный опыт, а в процессе индивидуализации личность становится субъектом деятельности» [2, с. 139]. Механизмом индивидуализации выступает экстернизация, в результате которой происходит «социальное конструирование мира, порождение смысловых миров, интерсубъективной реальности, а это, в свою очередь, связано с опосредствованием, как механизмом овладения и саморегуляции поведения человека, с переходом от детерминации к самодетерминации» [2, с. 144]. Основными сферами социального развития личности являются деятельность, общение и ее самосознание, посредством которых осуществляется расширение и умножение социальных связей личности с внешним миром. Ведущую роль в социальном становлении личности играет деятельность. Ключевое значение оказывает ведущая деятельность, в которой личность наиболее полно усваивает социальный опыт. Другим важным механизмом социального развития личности является общение как одна из форм социального взаимодействия, посредством которого личность усваивает социальный опыт других людей, преобразуя его в собственные взгляды, мысли, установки и нормы поведения [1]. То есть процесс социального развития личности не может быть сведен к простой сумме уровней развития познавательных, эмоциональных, мотивационно-волевых и ценностно-смысловых компонентов личности, характеризующих индивидуальность человека на разных этапах его жизнедея-

тельности, а является сложным процессом формирования различных по уровню и характеру психологических новообразований личности в процессе взаимодействия с социальной и культурной реальностью.

Социальное взаимодействие на индивидуальном уровне осуществляется посредством социально-психологических механизмов общения. Общение в процессе деятельности опосредуется задачами и спецификой деятельности. Деятельность на разных стадиях социального развития человека имеет свою специфику: игровая деятельность определяет развитие психических функций и личности ребенка в детстве; учебная и учебно-профессиональная – на этапах обучения в образовательных учреждениях в школьный и юношеский период развития; профессиональная деятельность – на этапе взрослости. Характер социального взаимодействия определяется, с одной стороны уровнем социальной адаптированности человека в социуме, с другой – уровнем его компетентности в общении. Социальная адаптированность личности связана с взаимодействием личности и группы, при которых «личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые выдвигает к ней эталонная группа» [9, с. 18]. Компетентность с точки зрения личности, обладающей качеством компетентности, по Л. Хьюеллу и Д. Зиглеру, – это «психосоциальное качество, означающее силу и уверенность, исходящие от чувства собственной успешности и полезности, что дает человеку осознание своей способности эффективно взаимодействовать с окружением» [8, с. 156]. Социальная компетентность, в свою очередь, отражает способность устанавливать и поддерживать взаимодействие с другими людьми, умение устанавливать деловые и личные контакты, мотивацию к участию в общественных и групповых мероприятиях, умение расширять или

ограничивать сферу взаимодействия с другими людьми или группами. Данные качества определяют высокий уровень компетентности в общении, играют важную роль в развитии гармоничной личности на разных этапах жизнедеятельности.

С другой стороны, отсутствие социальной компетентности личности связано с ее дисгармоничностью, с противоречивостью ее сознательных и бессознательных мотиваций, что приводит к коммуникативным деструкциям в социальном взаимодействии. Коммуникативные деструкции определяются Г.Н. Тигунцевой как нарушения или разрушения в общении, взаимодействии и отношениях. Коммуникативные деструкции проявляются в напряженном, неблагоприятном, нарушенном или разрушенном, конфронтационном, конфликтном характере общения, взаимодействия, отношений. Формируются коммуникативные деструкции постепенно на основе предшествующего опыта и представляют собой расстройства коммуникативно-перцептивных процессов субъекта социального взаимодействия. Характер коммуникаций при коммуникативных деструкциях характеризуется агрессивно-конфронтационным, враждебным, подозрительным, манипулятивным или устрашающим стилем. При этом имеет место блокировка процесса информационного обмена, искажения и неадекватная интерпретация передаваемой и принимаемой информации, что, в силу своей разрушительной направленности, негативно влияет как на результативность социального взаимодействия, так и на развитие самой личности в целом [12].

Заключение (Conclusions)

Теоретический анализ по проблеме исследования позволил определить особенности социального взаимодействия, специфику социального развития личности и условия социального взаимодействия, которые обеспечивают гармоничное развитие личности. Социальные явления общественной жизни являются результатом социального взаимодей-

ствия людей, в процессе которого происходит обмен информацией, знаниями, опытом, материальными, духовными и иными ценностями. Социальное взаимодействие является системным и многоуровневым феноменом, имеет различные виды и формы. Социальное взаимодействие в процессе социального развития личности идет по пути усложнения и изменения форм и видов, опосредованных влиянием ведущих институтов социализации на разных этапах онтогенеза личности. Социальное развитие личности опосредовано возрастно-психологическими особенностями, процессами социальной адаптации личности к социуму, социализации и индивидуализации. Деятельность, общение и самосознание личности выступают механизмами расширения и умножения социальных связей личности с внешним миром. Личность как субъект социального взаимодействия выступает как индивидуальный, социальный и духовный феномен, способный осознавать индивидуальные возможности, действовать и преобразовывать мир и самого себя. Гармоничное личностное развитие понимается как генезис тех функций, которые личность выполняет в жизнедеятельности: смыслоопределения, принятия ответственности, творческой самореализации, обеспечения автономности и индивидуальности бытия субъекта. Гармоничной является личность, в которой наиболее равномерно представлены различные аспекты личности как субъекта деятельности, познания и общения. Активность гармоничной личности в социальном взаимодействии находит выражение в том, что личность из субъекта, усваивающего накопленный человечеством социальный опыт, превращается в творца этого опыта. Условиями социального взаимодействия, которые способствуют развитию гармоничной личности человека, является высокий уровень социальной адаптированности и компетентности в общении, наличие которых обеспечивают способность устанавливать и поддерживать взаимодействие с другими людьми и социальными группами на разных уровнях функционирования социальных систем.

Высокий уровень социальной адаптированности и компетентности в общении играют важную роль в развитии гармоничной личности на разных этапах жизнедеятельности.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2016. – С. 57.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2023. – 448 с.
3. Безюлёва Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов: монография. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 320 с.
4. Божович Е.Д. Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия // Культурно-историческая психология. – 2019. – Том 15. № 2. – С. 91–98.
5. Власова Г.И. Социализация младших школьников в современной институциональной среде (на примере городских образовательных сообществ): диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – СПб., 2014. – 272 с.
6. Волкова Л.В., Ситнова Л.И., Филатова М.Н. Социальное и межличностное взаимодействие: учебно-методическое пособие. – М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2022. – 193 с.
7. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 281 с.
8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2020. – 608 с.
9. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: Механизмы и стратегии. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
10. Пазекова Г.Е., Пазеков Е.В. Феноменология психологической гармонии личности // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–15. – С. 3399–3403.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2023. – 720 с.

12. Тигунцева Г.Н. Психология установления контакта педагога с подростком-правонарушителем: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 236 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. – М.: АСТ, 2022. – 288 с.
14. Черноусова Л.Н. Социальное взаимодействие: понятие, уровни, методологические традиции // Грамота. – 2012. – № 12 (26), часть 1. – С. 214–216.

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF SOCIAL INTERACTION FOR THE HARMONIOUS DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL

Aboimova I.S., Lutoshkina V.N., Kriventseva S.M., Troitskaya E.M., Demidova T.E.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Siberian Federal University, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Melitopol State University, Russian State Social University

The article highlights questions about the role and significance of social interaction for the harmonious development of the individual. The purpose of the article is to analyze social interaction as a socio-psychological factor for the harmonious development of the individual. Methods: theoretical analysis of scientific literature. Findings: the features of social interaction, the specifics of social development of the individual and the conditions of social interaction that ensure the harmonious development of the individual are determined. It is shown that social interaction is a systemic and multi-level social phenomenon. Social development of the individual is mediated by age-psychological characteristics, processes of social adaptation, socialization and individualization, which are contradictory. The mechanisms for expanding and multiplying the social connections of the individual with the outside world in the process of social development are the activity, communication and self-awareness of the individual. Conclusions: personality as a subject of social interaction acts as an individual, social and spiritual phenomenon. Harmonious personal development is understood as the genesis of life functions: meaning determination, responsibility, creative self-realization, autonomy and individuality. A harmonious personality is one in which various aspects of the personality as a subject of activity, cognition and com-

munication are most evenly represented. Social interaction in the process of activity and communication plays an important role in the development of the individual as a subject of life. The conditions for social interaction that contribute to the development of a harmonious personality are a high level of social adaptation and competence in communication.

Keywords: society, personality, social interaction, social development, socialization, social adaptation, harmonious development of personality.

References

1. Andreeva G.M. Social Psychology. Textbook for universities. – M.: Aspect-Press, 2016. – P. 57.
2. Asmolov A.G. Personality psychology: cultural and historical understanding of human development. – M.: Smysl, 2023. – 448 p.
3. Bezyuleva G.V. Psychological and pedagogical support of professional adaptation of pupils and students: monograph. – M.: NOU VPO Moscow Psychological and Social Institute, 2008. – 320 p.
4. Bozhovich E.D. Harmonic personality: structure, development mechanisms, individual differences // Cultural-historical psychology. – 2019. – Vol. 15. No. 2. – P. 91–98.
5. Vlasova G.I. Socialization of junior schoolchildren in a modern institutional environment (using the example of urban educational communities): dissertation ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.02. – St. Petersburg, 2014. – 272 p.
6. Volkova L.V., Sitnova L.I., Filatova M.N. Social and interpersonal interaction: educational and methodological manual. – M.: Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gubkina, 2022. – 193 p.
7. Vygotsky L.S. Developmental psychology. Selected works. – M.: Yurayt Publishing House, 2024. – 281 p.
8. Kjell L., Ziegler D. Theories of personality. – St. Petersburg: Peter, 2020. – 608 p.
9. Nalchadzhyan A.A. Psychological adaptation: Mechanisms and strategies. – M.: Eksmo, 2010. – 368 p.
10. Pazekova G.E., Pazekov E.V. Phenomenology of psychological harmony of personality // Fundamental Research. – 2015. – No. 2–15. – pp. 3399–3403.
11. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology. – St. Petersburg: Peter, 2023. – 720 p.
12. Tiguntseva G.N. Psychology of establishing contact between a teacher and a delinquent teenager: monograph. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2011. – 236 p.
13. Fromm E. Flight from freedom. A man for himself. – M: AST, 2022. – 288 p.
14. Chernousova L.N. Social interaction: concept, levels, methodological traditions // Gramota. 2012. No. 12 (26), part 1. P. 214–216.

Ментальность и билингвизм

Даниелян Мери Георгиевна,

к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

В постсоветской Армении проблема функционирования языков отягощалась не столько социолингвистическими, сколько политическими аспектами. Вопрос присутствия неродного, но доминирующего языка в суверенном моноэтническом государстве касается не только статуса самого языка, но и прав граждан в выборе языка образования. Армяно–русское двуязычие отнюдь не было порождением социалистического строя, а имеет глубокие исторические корни. Ввиду исторических перипетий Россия на протяжении веков являлась страной–покровителем Армении, а русский язык был вторым по популярности. Принятие языка другого этноса, добровольное его изучение в условиях моноэтничности являлся показателем не только толерантного сосуществования двух народов, но и симбиозом культур, способствующим успешному развитию общества. Присутствие языка нетитульной нации в суверенной стране всецело зависит от силы и мощи страны, чей язык популяризируется. В Армении русский язык, появившийся еще в XIX веке, распространялся гармонично и без принуждения, а в эпоху СССР социальные функции армянского языка были шире, нежели сфера функционирования русского языка. Создавать национально ориентированное государство не означает исключение всего ненационального, а напротив, национальная самобытность сохраняется лишь в поликультурном и многоязыком окружении.

Ключевые слова: билингвизм, армянский язык, русский язык.

В постсоветской Армении проблема функционирования языков была отягощена не столько социолингвистическими, сколько политическими аспектами. Poleмика о месте русского языка в суверенном моноэтническом государстве – тема весьма болезненная, так как отражается не только на статусе нетитульного языка, ставшего доминирующим для многих граждан республики, но и затрагивает права граждан, их свободу в выборе языка образования и общения.

Ввиду исторических и геополитических условий Армения на протяжении веков была связана с Россией. Потеря Арменией государственности и независимости в XI веке привела к расселению армянского народа. Бежавшие от магометанских мечей армяне объединялись в колонии в странах, давших им кров. И вполне естественно, что с утратой государственности история и культура армянского народа продолжала развиваться вдали от исторической родины. Армяне, нашедшие спасение в Российской империи, образовали колонии в Астрахани, Москве и Киеве и др. В первой половине XVIII века армянское поселение появились и в Санкт-Петербурге, которое сыграло немаловажную роль в развитии и укреплении политических, социальных и культурных связей между народами. В конце XVIII века в двух столицах были возведены армянские церкви, что также подтверждает лояльное и толерантное сосуществование двух различных этносов, но имевших схожие национальные ценности и ориентиры. Армяне–переселенцы, осевшие в России, жили отнюдь не замкнутыми колониями, напротив, стремились влиться в социум, оставаясь при этом приверженцами своей веры и традиций, истории и языка.

Армяно–русское двуязычие отнюдь не было порождением социалистического строя, а имеет глубокие исторические корни. В конце XVIII века в Санкт-Петербурге на Невском проспекте армянами–переселенцами была основана первая армянская типография, а первой

изданной книгой стал «Букварь» на армянском языке. Находясь вдали от родины, армяне стремились сделать все, чтобы дети, которым, быть может, и не суждено было вернуться в Армению, знали свой родной язык, свою историю, чтобы не угасли армянские «искры» в их глазах. Власти России не видели никакой крамолы в том, что этнические армяне, принявшие российское подданство, организовывали школы, в которых изучался родной язык и издавали книги как на армянском языке, так и на русском. Владелец петербургской типографии, армянский языковед и переводчик Г. Халдарян составил первый русско-армянский словарь, включающий в себя 2500 лексических единиц. В этой же типографии был издан учебник русского языка для армян, составленный Клеопатрой Сарафовой (Марией Моисеевной Лорис-Меликовой). Эта просветительская деятельность есть не что иное как свидетельство принятия армянами русского языка, стремления изучить его, что приведет в дальнейшем к формированию армяно-русского билингвизма.

Выдающиеся представители династии Лазарянов, жившие в Москве и Санкт-Петербурге, занимались политической и культурно-просветительской деятельностью, всецело направленной на возрождение государственности Армении и ее независимости, способствовали переселению армян с захваченных территорий. Венцом просветительской деятельности Лазарянов стал основанный в Москве Лазаревский институт, впоследствии ставший знаменитым Институтом Восточных языков. В этом учебном заведении могли обучаться дети вне зависимости от вероисповедования и национальности; в школе преподавались грузинский, армянский, русский языки, а также ряд восточных языков, курс истории народов Грузии, Армении и России. Лазаревский институт прославился своими передовыми педагогическими методиками и славными наставниками. В стенах Лазаревского института учились И.С. Тургенев – великий русский прозаик, И.А. Зиновьев – русский дипломат, член Государственного совета

в 1909 году, К.С. Станиславский – театральным режиссер, Р.Н. Симонов – главный режиссер Театра им. Е.Б. Вахтангова, Р.И. Аванесов – один из основоположников московской фонологической школы, Р.О. Якобсон – один из крупнейших русских и американских лингвистов XX века и др. В типографии Лазаревского института издавались книги по мировой истории, литературные произведения русских, армянских, грузинских писателей, философские труды Запада и Востока.

XIX век в истории Армении – время освободительной борьбы с магометанским игом. Венцом русско-персидской войны 1826–1828 гг. стал Туркманчайский договор, согласно которому Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Отметим, что еще в 1804 году в Восточной Армении стали появляться первые русские поселения казаков, защищавших границы Российской империи от османов и персов. В 1827–1836 годах были организованы первые гарнизоны в провинции Ширак и в крупном городе Александрополе (Гюмри). С 1830-х годов в Армении проживают представители отдельной ветви христианства – молокане и духоборы: в 1831 году в провинции Карабах появилось село Кизил-Кишлак, в котором жили духоборы из донских казаков, молокане же поселились в селе Базарчай Нахичеванской губернии. С 1835 по 1847 год появились молоканские села Еленовка, Никитино (Фиолетово), Воронцовка, Воскресенка (Лермонтово). В советское время на территории республики насчитывалось около 30 молоканских сел. В 1928 году, путешествуя по Советской Армении, М. Горький описал свою встречу с молоканами: «На берегу озера большая русская деревня, ... Очень здоровый народ, но глаза большинства – странно прозрачные и сонные, такие глаза я замечал у пастухов в горах Швейцарии, и мне подумалось, что это – глаза людей, живущих вне времени, вне действительности.» Примечательно и то, что в настоящее время молокане продолжают жить в Армении, считая ее своей родиной. Отметим, что молоканская община всегда жила обо-

собленно и закрыто, но эта закрытость не вызывала недовольства или агрессии со стороны местного населения. Благодаря этой закрытости у молокан сохранился этнический славянский тип и русский язык, но скорее говор, нежели литературный. Беленые дома молокан всегда отличались от традиционных жилищ армян, в них проявлялась самобытность русской культуры, бережно оберегаемая и чтимая ими. В селах всегда были русские школы, в которых могли обучаться и армянские дети.

Со времен присоединения Армении к России русский язык постепенно стал языком межнационального общения. Армянский язык на протяжении веков представлялся оберегом народа, предать его забвению было сродни исчезновению нации, но и выучить язык своего освободителя и говорить на нем – было честью!

В появившемся в 1841 году романе Х.Абовяна «Раны Армении» описана освободительная борьба армянского народа и передано чувство беспредельной благодарности угнетенного народа русскому солдату. Х. Абовян вошел в плеяду великих армянских просветителей как основоположник новой армянской литературы и нового литературного языка. Будучи высокообразованным человеком, владеющий несколькими иностранными языками, Х.Абовян считал главным детищем своей педагогической деятельности учебник «Новая теоретическая и практическая грамматика русского языка для армян».

Ввиду исторических перипетий Россия на протяжении веков являлась страной–покровителем Армении, а русский язык стал вторым по популярности языком общения. Принятие языка другого этноса, добровольное его изучение в условиях моноэтничности являлся показателем не только толерантного сосуществования двух народов, но и симбиозом культур, способствующим успешному развитию общества.

Армения всегда оставалась моноэтнической страной, имевшей абсолютно развитый и самодостаточный литературный язык. Армянский язык – язык с древнейшей письменностью, изобретенной

Месропом Маштоцем в 406–412 гг., по другим источникам в 396 году. Новоармянский литературный язык представлен двумя вариантами – восточным и западным. Восточный вариант формировался на лексике коренного населения Восточной Армении, западный – на базе речи армян, населявших территории турецкой Армении, а в настоящее время на западном варианте говорят потомки армян–жертв геноцида, нашедшие приют в странах Европы, Ближнего Востока, Северной Америки и др.

Во времена СССР в республике проживало не более 70 тысяч этнических русских. Но уже в 90-х годах начался активный миграционный процесс и страну покинули не только этнические русские, но и русскоязычные армяне.

В 1991 году Армения, провозгласив независимость, оказалась в абсолютно иной реальности. Страна столкнулась с политическими и экономическими судьбоносными вызовами, однако наряду с этими первоочередными вопросами, требующими скорейшего разрешения, новая власть принялась решать вопрос о месте русского языка на территории «независимого» государства. В это время страна переживала политическую трансформацию, продолжались боевые действия в Карабахе, тысячи людей оставались без крова после разрушительного землетрясения, ослабла экономика, однако политики говорили о некоем историческом переходном периоде, не называя при этом ни отправной точки, ни конечной, а общество не было готово к проводимым реформам. В целом, масштабная деиндустриализация остановила экономическое развитие, реформаторы ликвидировали прежние социалистические отношения, не сформировав рыночных, не смогли обеспечить политическую и экономическую стабильность. Несмотря на все неразрешимые проблемы, политики методично занимались лишь одним – изъятием русского языка из социального поля. Высказывания политиков доходили до абсурдных, называли русский язык – языком колонизаторов, имперским, который вытеснит национальный язык из обще-

ственного поля, русский язык обвиняли даже в том, что именно из-за него армяне не хотели изучать армянский, что в корне было передергиванием фактов и ложью. Русский язык никогда не был и не мог быть конкурентом армянскому, так как для армянина родной язык – это не был только средством общения, это – реликвия, святыня, сбереженная и передаваемая из поколения в поколение. Трудно было найти жителя советской республики, который не владел бы армянским языком, и поэтому слова политиков вызывали недоумения среди армянской интеллигенции. Ведь те, кто боролся с русским языком, не потрудились понять, какую связь они хотят прервать, какой язык хотят предать забвению. Никто из «борцов» с русским языком, наверное, не знал, что благодаря Брюсову и Мандельштаму и другим поэтам русскоязычный мир познакомился с шедеврами средневековой армянской поэзии, не читали они и стихи русских лириков, посвященных Армении, не ведомо было им, что благодаря переводам на русский язык стала доступна древняя армянская религиозная философия. Нет, никакие доводы не могли остановить людей, так внезапно получивших власть. Руководствуясь принятым в 1993 году законом «О языке» в стране одна за одной стали закрываться школы с русским языком обучения, а языком преподавания и воспитания стал литературный армянский язык.

К 30-м годам XX века в АрмССР русский язык являлся обязательным предметом в школах, а количество школ с русским языком доходило до 30% от общего числа образовательных учреждений. К 70-м годам в республике утверждается национально-русское двуязычие, причем среди интеллигенции превалировало число русскоговорящих. Присутствие русского языка не вызывало никакого дискомфорта, более того, положительно влияло на научную, культурную и социальную жизнь народа. Следует заметить, что армянский язык никогда не забывался, им никоим образом не считался языком необразованных людей, он оставался самым «жи-

вым и деятельным», популярным языком в стране. Естественно, что человек, получивший образование на русском языке, использовал его в профессиональных целях, но это же не означает, что им забыт родной язык или же он им пренебрегает. Не является секретом и то, что специализированной и профессиональной литературы было больше на русском языке, но неужели можно считать недостатком, если люди свободно владеют языком нетутульной нации?

В 1990 годы русский язык подвергся таким нападкам, что создавалось впечатление, будто во всех несчастьях молодого государства был виновен только язык Пушкина. Каждый из новореформаторов считал своим долгом обвинить русский язык, признать ошибочным решением прежних властей беспрепятственному его распространению в стране. Между тем благодаря русскому языку и русским писателям и поэтам миллионам людей, не являвшихся армянами, были открыты имена Нарекаци, Кучака, Шнорали, Чаренца, Севака др. Нет, таких заявлений со стороны политиков-демократов не было. В защиту русского языка встала интеллигенция, которая понимала, что живущий язык не умерщвляют и не предают забвению, а наоборот – делают все для его процветания. И тем не менее, с момента принятия закона начались действия по вытеснению русского языка из общественной жизни народа: закрыли школьные и дошкольные образовательные учреждения, оставив лишь русский классы, в которых имели право учиться дети представительниц этнических меньшинств, из смешанных семей либо граждан других стран. Запрет на русский язык коснулся всех кафедр русского языка вузов, за исключением факультетов русской филологии. Последствия этой реформы не заставили себя ждать – резко снизился уровень владения русским языком среди молодых людей. Для сравнения, в конце 90-х годов более 80% населения говорило на русском языке, около 15% – считали его родным наряду с армянским, а уже в начале XXI века молодежь уже слабо владеет русским языком.

В конце 1990-х к руководителям страны пришло осознание, что, запрещая русский язык, они провоцируют разрыв не только культурных отношений, но и экономических и политических, и наступит рукотворная самоизоляция, подпитываемая национальным самосознанием вкупе с древнейшим языком и культурой. Наконец стало понятно, что русский язык остался, несмотря на все нападки на него, единственным языком, способным объединить народы прежней страны.

В 1997 году после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Арменией и Россией языковая политика несколько смягчилась: открылись несколько русских школ и классов, был основан Российско–армянский (славянский) университет. В 1999 г. согласно концепции «Русский язык в системе образования и общественно–культурной жизни Республики Армения» в школах открывались билингвальные классы, в качестве обязательного иностранного языка был введен русский язык, а в некоторых школах началось его углубленное изучение. В некоторых областях Армении, где есть молотканские села обучение неизменно ведется на русском языке по учебникам, представляемым Министерством образования России.

Открытие школ с углубленным изучением иностранных языков вызывает споры, суть которых заключается в том, что иностранные языки ущемят права национального языка, а это непременно приведет к изменению национального мышления и интересов страны.

Ставя во главу угла демократические постулаты, вопрос о преподаваемых языках в общеобразовательных учреждениях дело сугубо внутригосударственное и не терпит вмешательства иных стран. Однако в 2008 году на саммите стран Международной Организации Франкофонии (МОФ), проходящий в Квебеке, Армении был присвоен статус ассоциативного члена. А к чему привело шестнадцатилетнее членство в МОФ и есть ли ощутимые результаты в этой области? Или же это был лишь вопрос

членства? Увеличилось ли число студентов французского отделения, стали ли жители говорить на языке Гюго, или же были открыты новые французские центры, в которых изучают историю, культуру и традиции Франции? Очевидно, что лишь благодаря многочисленной деятельности армян–французов в лице Шарля Азнавура, Мишеля Леграна, Розы Армен, Сильвии Вардан и др. Армении было присвоено членство в МОФ. Что же касается знания французского языка, то нет никаких подтверждений и оснований говорить о зарождающемся интересе армян к французскому языку, если, конечно, не считать популярные «мерси, бонжур, мадам, амур, тужур» степенью владения французским языком.

Однако, как только речь заходит о присутствии русского языка в средней школе, то непременно всем политическим деятелям видятся «мягкая сила» и рука Москвы. Более того, представители части «прогрессивной» армянской интеллигенции аргументируют свое нежелание видеть русский язык в стране, ибо именно русский язык помешает процессу формирования национальной идеи у молодого поколения. А как же членство в МОФ, или оно направлено исключительно на усиление национального самосознания?

Нельзя не признать и то, что присутствие языка нетитульной нации в суверенной стране всецело зависит от силы и мощи страны, чей язык популяризируется. В Армении русский язык появился еще в XIX веке, его распространение было весьма гармонично и без принуждения, а в эпоху СССР армянский язык не ущемлялся, его социальные функции были шире, нежели сфера функционирования русского языка.

Одним из аргументов в защиту молодого поколения от русского языка является то, что ребенок, выросший на сказках Пушкина, потеряет свою национальную идентичность. Если следовать этому аргументу, то необходимо запретить изучение всех иностранных языков, чтобы дети оставались исключительно национально–ориентированными. В таком

случае был ли смысл входить в МОФ? Армяне, волею судьбы, живущие вне исторической родины, не стали менее «армянами», нежели те, кто принимает подобные законы и концепции. Ярким примером, демонстрирующий факт национального единения, может послужить Отечественная война 1812 года, когда на борьбу с Наполеоном встало и русское дворянство, владеющее французским языком лучше, чем родным, и простые граждане, и крестьяне, говорящие только по-русски. Однако это не остановило русских и не помешало им отстаивать независимость своей страны и не допустить присутствие французов. Таким образом, быть национально ориентированным – это вовсе не означает исключить все ненациональное, а наоборот, в поликультурном и полилингвальном окружении сохраняется национальная самобытность.

Очевидно, что присутствие любого нетитульного языка в современной Армении всецело зависит от ее внешнеполитического вектора. При всей любви к богатейшему армянскому языку, он остается языком многочисленной диаспоры, превышающей численность населения исторической родины, и небольшой страны, который, к великому сожалению, не имеет того весомого политического влияния, чтобы рассчитывать на международный статус. А принимая во внимание географическое положение страны обязывает граждан владеть не одним иностранным языком, а в эпоху глобализации сугубо национальные идеи приведут только к экономическому, культурному отставанию.

Литература

1. Семёнов И.Я. История закавказских молокан и духоборов / И.Я. Семёнов. – Ереван, 2001. – 90 с.
2. Золян С.Т. Русский язык в Армении: история и современный статус / С.Т. Золян, К.С. Акопян // Десятая годовичная научная конференция (30 ноября – 4 декабря 2015): сборник научных статей. Серия: Социально-гуманитарные науки. Часть III. – Ереван: Изд-во РАУ, 2016. – С. 373–382.
3. Zolyan S.T. Russian in Armenia: Between Thriving and Surviving. In *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies* / S.T. Zolyan, K.S. Hakobyan; ed. by A. Mustajoky, E. Protassova and M. Yelenevskaya; Routledge (Taylor & Francis Group). – London and New York, 2020. – P. 46–54.
4. Дешериев Ю.Д. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко. – М.: Просвещение, 1968. – 312 с.
5. Глазами друзей. Издательство «Ай-астан», Ереван 1967. С. 5. 437 с.
6. Мартиросян С. Язык межнационального общения – армянский, а русский – как иностранный / Мартиросян С. // Ритм Евразии. 2018. – URL: <https://www.ritemeurasia.org/news—2018—03—18—jazyk—mezhnacionalnogo—obschenija—armjanskij—arusskij—kak—inostrannyj—35464> (дата обращения: 15.05.2024).

MENTALITY AND BILINGUALISM

Danielyan M.G.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”

In post-Soviet Armenia, the problem of the functioning of languages was aggravated not so much by sociolinguistic as by political aspects. The issue of the presence of a non-native but dominant language in a sovereign mono-ethnic state concerns not only the status of the language itself, but also the rights of citizens in choosing the language of education. Armenian-Russian bilingualism was by no means a product of the socialist system, but has deep historical roots. Due to historical vicissitudes, Russia has been the patron country of Armenia for centuries, and the Russian language was the second most popular. The adoption of the language of another ethnic group, its voluntary study in conditions of monoethnicity was an indicator not only of the tolerant coexistence of two peoples, but also of a symbiosis of cultures contributing to the successful development of society. The presence of the language of a non-titular nation in a sovereign country depends entirely on the strength and power of the country whose language is being popularized. In Armenia, the Russian language, which appeared in the 19th

century, spread harmoniously and without coercion, and in the era of the USSR, the social functions of the Armenian language were wider than the sphere of functioning of the Russian language. Creating a nationally oriented state does not mean excluding everything non-national, but on the contrary, national identity is preserved only in a multicultural and multilingual environment.

Keywords: bilingualism, Armenian language, Russian language.

References

1. Semenov I. Ya. History of Transcaucasian Molokans and Doukhobors / I. Ya. Semyonov. – Yerevan, 2001. – 90 p.
2. Zolyan S.T. Russian language in Armenia: history and modern status / S.T. Zolyan, K.S. Hakobyan // Tenth annual scientific conference (November 30 – December 4, 2015): collection of scientific articles. Series: Social Sciences and Humanities. Part III. – Yerevan: RAU Publishing House, 2016. – P. 373–382.
3. Zolyan S.T. Russian in Armenia: Between Thriving and Surviving. In *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies* / S.T. Zolyan, K.S. Hakobyan; ed. by A. Mustajoky, E. Protassova and M. Yelenevskaya; Routledge (Taylor & Francis Group). – London and New York, 2020. – P. 46–54.
4. Desheriev Yu.D. Development of languages of the peoples of the USSR in the Soviet era / Yu.D. Desheriev, I.F. Protchenko. – M.: Education, 1968. – 312 p.
5. Through the eyes of friends. Publishing house “Hayastan”, Yerevan 1967. P. 5. 437 p.
6. Martirosyan S. The language of interethnic communication is Armenian, and Russian is a foreign language / Martirosyan S. // *Rhythm of Eurasia*. 2018. – URL: <https://www.ritmeurasia.org/news—2018–03–18-jazyk–mezhnacionalnogo–obschenija–armjanskij–a–rususkij–kak–inostrannyj-35464> (access date: 05/15/2024).

Цифровая грамотность пожилого населения и государственная политика активного долголетия: социальный аспект

Зайцева Ирина Александровна,

к.п.н., доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: zaitsevairin@mail.ru

В статье анализируется государственная политика активного долголетия в контексте освоения пожилыми людьми навыками компьютерной грамотности. Отмечается, что низкие навыки в области использования информационных технологий являются существенным барьером для значимого участия пожилых людей в цифровом обществе: значительная часть людей пенсионного возраста чувствует себя ущемленно в условиях цифровизации. Выявляются барьеры на пути внедрения и использования цифровых технологий в пожилом возрасте: физиологические и психосоматические трудности, отсутствие внутренней мотивации к освоению инновационных технологий, неготовность к активной жизнедеятельности и наличие специфичной терминологии мира цифровых технологий, осложняющей освоение и без того сложных цифровых процедур. Отмечается, что люди пенсионного возраста испытывают амбивалентные переживания при взаимодействии с информационными технологиями, направленность которых зависит от первоначального опыта. Приводятся принципы, которые должны лежать в основе программ по повышению цифровой грамотности пожилых людей. Рассматриваются некоторые зарубежные программы по развитию цифровых навыков пожилых людей.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая грамотность, социальная активность, социальная адаптация, пожилые люди.

По прогнозам ООН, к 2030 году число лиц в возрасте от 60 лет и старше на планете вырастет на 38% – с 1 млрд до 1,4 млрд человек – и будет превышать численность молодежи [1]. Средняя ожидаемая продолжительность жизни к 2050 году возрастет еще на 10 лет [2]. Рост численности населения мира в первой половине XXI века означают, что число людей в возрасте старше 60 лет в 2050 году увеличится до почти 2 млрд человек, а процентная доля населения мира, относимого к категории пожилых людей, согласно прогнозам, увеличится до 15% в 2025 году [2]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на начало 2023 г. численность населения в категории «65+» в России насчитывает 24,1 млн жителей, женщин в этой категории почти вдвое больше, чем мужчин – 15,8 млн против 8,3 млн [3].

В современных условиях в мире происходит трансформация восприятия старения – от остро негативного к взвешенному, от пассивного к активному. Политика «активного долголетия» предполагает совокупность мероприятий, направленных на поддержание здоровья и активности пожилых людей и включает в себя такие аспекты, как создание условий для активного образа жизни, доступ к медицинским услугам, социальной поддержке, обеспечению возможности обучения и развития пожилых людей. Целью политики активного долголетия является повышение качества жизни пожилых людей, улучшения их здоровья и благополучия, уменьшение социальной изоляции и одиночества, создание условий, позволяющих пожилым людям быть полезными членами общества, вносить свой вклад и оставаться активными в различных сферах жизни.

В России понятие «активное долголетие» используется в таких стратегических документах, как Стратегия дей-

ствий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, национальный проект «Демография» и федеральный проект «Старшее поколение [4].

Решение проблемы повышения компьютерной грамотности среди людей старшего возраста, активное долголетие людей является важной частью социальной политики, проводимой руководством страны.

В современном обществе актуальным стало формирование цифровой грамотности у населения. Цифровая и информационная грамотность у пожилых людей в настоящее время являются ключевыми аспектом во многих областях жизни и деятельности, так как владение данными навыками стало важным для их успешной адаптации и профессионального роста.

Пожилым возрастом сопряжен с целым комплексом проблем, влекущим существенные изменения стиля, уровня и качества жизни: ограничения жизнедеятельности, изменение семейных и социальных ролей, отказ от активной работы, снижение семейного и социального положения [5]. В дополнение можно выделить факторы, которые влияют на процесс усвоения знаний пожилыми людьми: физические и психические изменения, потеря памяти, снижение когнитивных способностей. Данные проблемы создают необходимость активной социальной адаптации пожилых людей. Такие барьеры на пути внедрения и использования цифровых технологий в пожилом возрасте, как: недостаток опыта и навыков, технологический страх, физические ограничения, отсутствие необходимых знаний для овладения цифровыми технологиями, стереотипы в отношении пожилого возраста, отсутствие поддержки со стороны окружения, осложняют освоение пожилыми людьми цифровых компетенций. Низкие навыки в области использования информационных технологий являются существенным барьером для значимого участия пожилых людей в цифровом обществе. Согласно данным исследований, половина пожилых людей ощущает себя в мире

современных информационных технологий удовлетворительно, 13% – хорошо, 2,4% – отлично [6]. При этом почти половина людей пенсионного возраста чувствует себя ущемленно в условиях цифровизации. Для успешного приспособления людей пенсионного возраста требуется формирование оптимальных условий их жизни и самореализации с учетом информатизации современного общества. Такие результаты иллюстрируют проблему цифрового неравенства, заключающегося в разном доступе граждан разных групп к информационным технологиям и интернету, а также в неравенстве в преимуществах, получаемых индивидами благодаря применению технологий, и в использовании этих преимуществ для улучшения собственных социальных позиций [7].

Цифровая грамотность является необходимым условием доступа к новой информационной реальности социализации и адаптации пожилых людей и проявляется в их комфортном существовании в информационно-цифровом обществе [8].

В целом цифровая интеграция дает старшему поколению возможность адаптироваться в современном информационном обществе, способствует повышению качества жизни и формированию ощущения независимости, психоэмоциональной уверенности в себе, собственных действиях и поступках. Помимо этого, включение в цифровое пространство напрямую влияет на социально-политическую активность пожилых людей, поскольку позволяет им реализовывать основные тенденции ценностно-мотивационной сферы: общение, активность и социальную полезность [9].

Однако внедрение и использование цифровых технологий в пожилом возрасте затруднено рядом физиологических и психосоматических барьеров: снижение возможностей восприятия вследствие ухудшения зрения и слуха, нарушения координации и мелкой моторики, изменения социально-эмоционального и экзистенциального плана, такие как формирование осторожности, мнительности и торопливости [10]. Однако ос-

новым барьером является отсутствие внутренней мотивации к освоению инновационных технологий. Без этой мотивации пожилые люди склонны быстро отказываться от изучения новых технологий при возникновении неизбежных трудностей. Наиболее сильными стимулами к освоению новыми людьми новых технологий являются мотивы получения или сохранения работы и другие виды социальной активности, обеспечивающие искомую социальную инклюзию.

Значимым барьером для освоения цифровых технологий является неготовность пожилых людей к активной жизнедеятельности: комплексное наблюдение условий жизни населения показывает, что среди лиц старше 55 лет, способных вести активный образ жизни, активными видами отдыха занимаются только 5,8% [11]. Такое положение во многом является наследием советского периода, когда выход на пенсию зачастую означал «социальную смерть» – обрыв большинства социальных связей и переход в режим «доживания», не предполагающий активности и изменений размеренного образа жизни.

Другим барьером при освоении пожилыми людьми информационных технологий является наличие «языкового барьера» – специфичной терминологии мира цифровых технологий. Люди пенсионного возраста теряются перед сложностью цифровых процедур и испытывают амбивалентные переживания при взаимодействии с информационными технологиями [12]. Так, при неудачном первичном опыте у пожилых людей формируется негативное отношение к повседневному использованию технологий, тогда как при успешном – укрепляется уверенность в возможности эффективно осваивать и применять новые технологии. Эта ситуация актуализирует значимость грамотного построения образовательных программ по цифровой грамотности для людей пенсионного возраста.

Цифровая грамотность важна для пожилых людей по ряду причин. Пожилые люди испытывают социальную изоляцию из-за отсутствия доступа к цифровым средствам коммуникации, таким,

как электронная почта, социальные сети, видеочаты. С помощью цифровых устройств пожилые люди могут управлять финансами, заказывать продукты, услуги онлайн, получать консультационную помощь дистанционно. Для пожилых людей, желающих продолжить работать или получить образование, информационные ресурсы дают возможность для поиска работы, обучения, создания онлайн бизнеса.

Содержание программ по повышению цифровой грамотности должно быть разработано с учетом стиля обучения пожилых людей, их интересов и ожиданий и основываться на следующих принципах [13]: предоставляемые знания должны быть полезными для изучения и отвечать личным социальным потребностям пожилых людей; обучение должно носить совместный характер: включать командную работу и взаимодействие для достижения более активного обучения; обучение должно способствовать самостоятельности, инициативности и социальной интеграции пожилых людей.

Важно, чтобы реализуемые программы были гибкими, учитывали возможности, ограничения и предпочтения пожилых людей [14]. Для лиц пенсионного возраста обучение сопряжено со стрессом и тревогой, поэтому создание комфортных условий позволяет повысить эффективность освоения навыков цифровой грамотности. Хорошие результаты показывает групповое обучение, позволяющее пожилым людям чувствовать поддержку сверстников и получать ответы на вопросы, о которых они могли не задумываться.

За рубежом реализуется ряд программ по развитию цифровых навыков пожилых людей [15].

1. ICTSkills4All. Проект, направленный на развитие цифровых навыков, уверенности в себе и онлайн-безопасности людей старше 55 лет, которые минимально или вообще не участвуют в использовании цифровых технологий. Охватывает Латвию, Португалию, Бельгию, Польшу и Великобританию. Программа обучения информационным технологиям включает онлайн-платформу с информа-

цией, обучающими инструментами и ресурсами, предназначенную для пожилых людей с низкими цифровыми навыками, и персональную поддержку обучающихся, предназначенную для участников, у которых отсутствуют цифровые навыки.

2. Digital Skills for People Living in the 3rd Age [16]. Проект, реализуемый в Великобритании, Нидерландах, Болгарии, Чехии, Испании и Греции. Предназначен для активного погружения пожилых людей в цифровую среду и развития необходимых для комфортного существования в виртуальном пространстве цифровых навыков. В его рамках созданы дорожные карты государственных услуг, содержащие информацию о наиболее актуальных государственных онлайн-услугах в 5 странах Европейского Союза, и платформа электронного обучения с инструментами виртуальной помощи для цифрового включения пожилых людей. Также в ходе реализации проекта была выработана эффективная методология работы с пожилыми людьми, основанная на доверии и интерактивности.

3. Senior New Tech [17]. Проект охватывает Польшу, Словению, Чехию и Литву. Его задача – увеличение числа пожилых людей, использующих инновации в повседневной жизни, расширение их участия в деятельности, связанной с новыми технологиями, и уменьшение страха перед использованием интернета. В результате реализации проекта были созданы образовательные сценарии для пожилых людей по базовым навыкам работы с компьютером, онлайн-безопасности, поиску информации, онлайн-бронированию, онлайн-покупкам, онлайн-банкингу и социальным сетям, а также разработано справочное пособие, в котором простым языком описаны базовые технологические вопросы и термины, приводятся иллюстрации и примеры.

4. Inclusive Senior Education through Virtual U3A [18]. Проект, реализуемый в Чехии, Италии и Португалии. Его цель – создание системы инклюзивного образования пожилых людей с использованием информационных техноло-

гий, активное вовлечение лиц пенсионного возраста в создание содержания и реализацию отдельных курсов, и систематическое привлечение молодёжи к участию в образовании пожилых людей. Долгосрочной перспективой проекта является устранение барьеров на пути образованию в течение всей жизни и увеличение числа активных пожилых людей, которые смогут сотрудничать в учебной деятельности.

Число пожилых людей, использующих технологии, постепенно увеличивается. Динамика присутствия в интернете людей старшего возраста неуклонно растёт. По данным Фонда «Общественное мнение» за июнь 2022 года, 79% граждан России в возрасте 45–60 лет и 41% граждан старше 60 утвердительно ответили на вопрос: «Заходили ли вы за последние сутки в интернет?». Фонд «Общественное мнение» выделяет людей в возрасте от 60 лет в отдельную целевую группу, что свидетельствует об интенсификации использования digital-сервисов пожилыми гражданами России. Так, только в ВКонтакте и «Одноклассниках» на сегодня зарегистрировались 9,7 млн мужчин и женщин старше 60 лет.

Какие возможности для улучшения качества жизни пожилых людей открывают цифровые технологии? Социальные сети, мобильные приложения, дающие возможность осуществлять видеозвонки, позволят пожилым людям поддерживать связь со своими близкими и друзьями, участвовать в общественной жизни и избегать социальной изоляции. Ряд мобильных приложений позволяют пожилым людям контролировать свое здоровье, проводить самодиагностику и получать необходимую медицинскую помощь на дому. Смарт-технологии могут обеспечить безопасность пожилых людей, предупреждая о возможных опасностях и аварийных ситуациях. Например, системы обнаружения падений могут автоматически вызывать помощь, если пожилой человек упал. Умные дома и умные устройства помогают пожилым людям управлять освещением, температурой воздуха, устройствами в доме,

что повышает комфорт и улучшает доступность. Онлайн-курсы, электронные книги и компьютерные игры помогают пожилым людям получить новые знания, развивать свои навыки. Цифровые технологии имеют огромный потенциал для улучшения качества жизни пожилых людей, не только облегчая их повседневную жизнь, но и помогая им оставаться активными, социально активными и самостоятельными.

Выводы, представленные в статье, основываются на данных исследования, проведенного на кафедре философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Был проведен социологический опрос в форме анкетирования, в котором приняли участие 200 пожилых людей, проживающих по месту жительства (возраст ≥ 60 лет).

Анкета включала в себя вопросы, направленные на изучение практик и проблем использования лицами пожилого возраста информационных компьютерных технологий. Объектом исследования – пожилые люди. Предметом исследования являются проблемы использования лицами пожилого возраста информационных компьютерных технологий. Метод – анкетирование. Среди респондентов 50% мужчин и 50% женщин, большинство из которых в возрасте ≥ 60 лет.

Большинство респондентов (35,5%) при ответе на вопрос «Как Вы оцениваете свой уровень владения цифровыми технологиями?» выбирало вариант «скорее низкий, часто мне нужна помощь родственников, знакомых, сотрудников МФЦ» (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свой уровень владения цифровыми технологиями?» (%)

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
Очень высокий, считаю себя продвинутым пользователем	0,5	0,5	0
Скорее высокий, обладаю базовыми навыками, но периодически возникают сложности	8	9	7
Средний, довольно часто сталкиваюсь со сложностями	31	39	23
Скорее низкий, часто мне нужна помощь родственников, знакомых, сотрудников МФЦ	35,5	37	34
Очень низкий, навыки отсутствуют	19,5	12	27
Затрудняюсь ответить	5,5	2	9

При ответе на вопрос «Укажите, какими из нижеперечисленных навыков Вы обладаете» 94,5% респондентов ответили «умею запускать и выключать

компьютер, умею работать с клавиатурой и мышью» и «умею выходить в интернет и искать нужную информацию» (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Укажите, какими из нижеперечисленных навыков Вы обладаете» (%)

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
Умею запускать и выключать компьютер, умею работать с клавиатурой и мышью	94,5	98	91
Разбираюсь в стандартных программах (блокнот, Paint)	77	78	76
Умею выходить в интернет и искать нужную информацию	94,5	98	91
Умею работать с электронной почтой	46	46	44
Умею пользоваться социальными сетями и мессенджерами	51	49	53

Окончание

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
Умею загружать несложные программы и работать в них	8	9	7
Умею форматировать текст в Word, пользоваться формулами в Excel и создавать презентации в PowerPoint	32	33	31
Знаю «горячие клавиши», которые используются для ускорения работы в программах	14	15	13
Умею самостоятельно устанавливать операционную систему на компьютер	0,5	1	0
Разбираюсь в профессиональных программах, понимаю предназначение каждой и основные отличия	1	1	1
Владею языками программирования	0	0	0
Никакими из вышеперечисленных	5,5	2	9
Всеми из вышеперечисленных	0	0	0

При ответе на вопрос «Какие трудности Вы испытываете в процессе овладения цифровыми технологиями?» 35,5%

респондентов ответили «состояние здоровья не позволяет», 34% – «плохая память» (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какие трудности Вы испытываете в процессе овладения цифровыми технологиями?» (%)

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
плохая память	34	32	34
состояние здоровья не позволяет	35,5	39	32
не могу сконцентрироваться	22	21	23
возраст не для обучения	31,5	33	30
отсутствие внутренней мотивации к освоению цифровыми технологиями	10,5	11	10
неготовность к активной жизнедеятельности	5,5	2	9
боюсь сделать ошибку	19	20	18
боюсь повредить оборудование	12	10	14
отсутствие личного компьютеров или ноутбуков	5,5	2	9

Таким образом, физиологические и психосоматические трудности, отсутствие внутренней мотивации к освоению инновационных технологий, неготовность к активной жизнедеятельности и наличие специфичной терминологии мира цифровых технологий, осложняет освоение пожилыми людьми цифровых компетенций. Люди пенсионного возраста испытывают амбивалентные переживания при взаимодействии с информационными технологиями, направленность которых зависит от первоначального опыта. Для реализации политики

активного долголетия необходимо разработать специальные программы и мероприятия, ориентированные на потребности пожилых людей, содействовать созданию инклюзивной среды, способствующей их участию в жизни общества.

Литература

1. Tackling abuse of older people: five priorities for the United Nations Decade of Healthy Ageing (2021–2030) // World Health Organization 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/356151/97892>

- 40052550-eng.pdf?sequence=1 (дата обращения: 27.03.2024).
2. ООН (2002). Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch1.shtml (дата обращения: 27.03.2024).
 3. В России доля населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась вдвое за последние 50 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18031025> (дата обращения: 27.03.2024).
 4. Концепция политики активного долголетия [Текст]: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Сиянской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.
 5. Каюгина С.М. Формирование цифровых компетенций у людей «Третьего возраста» // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 242–244. – DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00278
 6. Кузеванова А.Л., Зоркова В.А., Надежкина Е.Ю. Социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации // Социология. – 2022. – № 3. – С. 189–199.
 7. Щанина Е.В. Информационно-коммуникационные технологии как адаптационный ресурс пожилых людей в условиях информатизации российского общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 131–144. – DOI: 10.17223/1998863X/63/13
 8. Птущенко Е.Б., Хурум Р.Ю., Мегрикян И.Г. Цифровая грамотность как инструмент социализации поколения «третьего возраста» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 4 (269). – С. 157–166.
 9. Кранзеева Е.А. «Бабушки-онлайн»: социально-политическая активность пожилых людей // Logos et Praxis. – 2019. – № 1. – С. 66–74. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.7
 10. Мытиль А.В., Дудченко О.Н. Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований) // Россия реформирующаяся. – 2020. – № 18. – С. 333–356. – DOI: 10.19181/ezheg.2020.14
 11. Бутуева З.А. «Два клика – как это сложно» или вхождение в мир информационных технологий старшего поколения / З.А. Бутуева, О.В. Котоманова, А.М. Бадонов, Е.Б. Базарова, Н.Г. Лагойда // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 1 (103). – С. 93–98. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.071
 12. Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. – 2022. – № 5. – С. 55–64.
 13. Kärnä E., Aavikko L., Rohner R. et al. A Multilevel Model of Older Adults' Appropriation of ICT and Acquisition of Digital Literacy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, no. 19 (23), pp. 157–171. DOI: 10.3390/ijerph192315714
 14. Mullins E. Building Digital Literacy Among Older Adults: Best Practices. *Social Connectedness Fellow*, 2022. 40 p.
 15. 4 (other) European projects that boost digital skills of older adults (2020). Available at: <https://ict4theelderly.com/news/4-eu-projects-for-elderly/> (accessed 03.03.2024).
 16. DIGITAL ACCESS: Digital Skills for People Living in the 3rd Age – Effective Digital Access to Public Services. Available at: <https://pause-project.eu/practices/263-digital-access-digital-skills-for-people-living-in-the-3rd-age-effective-digital-access-to-public-services> (accessed 26.03.2024).
 17. Senior New Tech. Available at: [138](https://erasmus-plus.ec.europa.eu/pro-

</div>
<div data-bbox=)

jects/search/details/2017–1-PL01-KA204–038530 (accessed 26.03.2024).

18. «Inclusive Senior Education through Virtual U3A – ISEV» Project: Evaluation Report. Fondazione Mondo Digitale, 2020, 81 p. Available at: https://projekty.osu.cz/isev/doc/ISEV-Evaluation-Report_final_1.pdf (accessed 26.03.2024).

DIGITAL LITERACY OF THE ELDERLY POPULATION AND THE STATE POLICY OF ACTIVE LONGEVITY: A SOCIAL ASPECT

Zaitseva I.A.

Bunin Yelets State University

The article analyzes the state policy of active longevity in the context of the development of computer literacy skills by older people. It is noted that low skills in the use of information technology are a significant barrier to meaningful participation of older people in a digital society: a significant part of people of retirement age feel disadvantaged in the context of digitalization. Barriers on the way of introduction and use of digital technologies in old age are revealed: physiological and psychosomatic difficulties, lack of internal motivation to master innovative technologies, unwillingness to active life and the presence of specific terminology of the world of digital technologies, complicating the development of already complex digital procedures. It is noted that people of retirement age experience ambivalent experiences when interacting with information technologies, the focus of which depends on the initial experience. The principles that should underlie programs to improve the digital literacy of older people are given. Some foreign programs for the development of digital skills of older people are being considered.

Keywords: information technology, digital literacy, social activity, social adaptation, older people.

References

1. Tackling abuse of older people: five priorities for the United Nations Decade of Healthy Ageing (2021–2030) // World Health Organization 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/356151/9789240052550-eng.pdf?sequence=1> (access date: 03/27/2024).
2. UN (2002). Madrid International Plan of Action on Aging 2002. [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch1.shtml (access date: 03/27/2024).
3. In Russia, the proportion of the population aged 65 years and older has doubled over the past 50 years [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18031025> (date of access: 03/27/2024).
4. The concept of active longevity policy [Text]: scientific and methodological report. to XXI April international scientific conf. on problems of economic and social development, Moscow, 2020 / ed. L.N. Ovcharova, M.A. Morozova, O.V. Sinyavskaya; National research University “Higher School of Economics”. – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2020. – 40 p.
5. Kayugina S.M. Formation of digital competencies among people of the “Third Age” // World of Science, Culture, Education. – 2020. – No. 2 (81). – pp. 242–244. – DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00278
6. Kuzevanova A.L., Zorkova V.A., Nadezhkina E. Yu. Social well-being of older people in the context of digitalization // Sociology. – 2022. – No. 3. – P. 189–199.
7. Shchanina E.V. Information and communication technologies as an adaptation resource for older people in the conditions of informatization of Russian society // Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science. – 2021. – No. 63. – P. 131–144. – DOI: 10.17223/1998863X/63/13
8. Ptuschenko E.B., Khurum R.Yu., Megrikyan I.G. Digital literacy as a tool for socialization of the “third age” generation // Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – 2020. – No. 4 (269). – pp. 157–166.
9. Kranzeeva E.A. “Grandmothers online”: socio-political activity of older people // Logos et Praxis. – 2019. – No. 1. – P. 66–74. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.7
10. Mytil A.V., Dudchenko O.N. An elderly person in the digital world (according to the results of empirical research) // Reforming Russia. – 2020. – No. 18. – P. 333–356. – DOI: 10.19181/ezheg.2020.14
11. Butueva Z.A. “Two clicks – how difficult it is” or the entry into the world of information technology of the older generation / Z.A. Butueva, O.V. Kotomanova, A.M. Badonov, E.B. Bazarova, N.G. Lagoida // International scientific research journal. – 2021. –

- No. 1 (103). – pp. 93–98. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.071
12. Zubova O. G. Digitalization and quality of life of older people in modern Russian society // *Sociology*. – 2022. – No. 5. – P. 55–64.
 13. Kärnä E., Aavikko L., Rohner R. et al. A Multilevel Model of Older Adults' Appropriation of ICT and Acquisition of Digital Literacy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, no. 19 (23), pp. 157–171. DOI: 10.3390/ijerph192315714
 14. Mullins E. Building Digital Literacy Among Older Adults: Best Practices. *Social Connectedness Fellow*, 2022. 40 p.
 15. 4 (other) European projects that boost digital skills of older adults (2020). Available at: <https://ict4theelderly.com/news/4-eu-projects-for-elderly/> (accessed 03/03/2024).
 16. DIGITAL ACCESS: Digital Skills for People Living in the 3rd Age – Effective Digital Access to Public Services. Available at: <https://pause-project.eu/practices/263-digital-access-digital-skills-for-people-living-in-the-3rd-age-effective-digital-access-to-public-services> (accessed 03/26/2024).
 17. Senior New Tech. Available at: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/projects/search/details/2017-1-PL01-KA204-038530> (accessed 26.03.2024).
 18. “Inclusive Senior Education through Virtual U3A – ISEV” Project: Evaluation Report. *Fondazione Mondo Digitale*, 2020, 81 p. Available at: https://projekty.osu.cz/isev/doc/ISEV-Evaluation-Report_final_1.pdf (accessed 03/26/2024).

Отражение результатов эксперимента С. Москвича о влиянии меньшинства в кинематографе

Зуев Данила Алексеевич,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: zuevdanila21@mail.ru

Шаяхметов Алмас Рустемович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: almasbro2002@gmail.com

Маликов Марсель Маратович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: MarselMalikovM@yandex.ru

Зарафутдинов Ранис Дамирович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: ranisllzarlleone@mail.ru

Бариев Эмиль Вадикович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: bariev02@mail.ru

роль фильмов в изображении силы влияния меньшинства, проводя параллели между кинематографическими повествованиями и реальными социальными движениями. Кроме того, рассматриваются современные тенденции в кинематографе, где голоса меньшинств все чаще формируют культурный дискурс и вызывают сомнения в общественных нормах. В заключение статьи подчеркивается важность признания влияния меньшинств на социальные и культурные трансформации как на экране, так и за его пределами.

Ключевые слова: меньшинство, Серж Москвичи, социальные изменения, подавляющее меньшинство, конформность, кинематограф, эксперимент, социальные нормы.

Данная статья исследует влияние меньшинств на социокультурные изменения, сосредотачиваясь на теории и ее применении в кинематографе. Подробно рассматривается эксперимент Сержа Москвича с синими и зелеными слайдами, который является одним из наиболее известных и значимых в исследовании этого социального явления. Он демонстрирует, как меньшинство может оказывать воздействие на мнение большинства, даже когда это мнение кажется очевидным или устойчивым. В контексте статьи, этот эксперимент служит основой для понимания динамики социального влияния и его роли в формировании общественных установок. Он подчеркивает важность понимания процессов конформности и конверсии и демонстрирует, как меньшинства могут играть ключевую роль в изменении мировоззрения и поведения общества. Статья подчеркивает

Существует мнение, что человечество обязано своим прогрессом выдающимся личностям, которые составляют некое «меньшинство» от общего населения Земли. Взгляды и мнения некоторых таких людей могли значительно отличаться от мнения «большинства», но, эти люди были услышаны и в дальнейшем их идеи получили поддержку и развитие. К таким личностям можно отнести известных философов, таких как: Галилей, Дарвин, Фрейд и прочие. Помимо отдельных индивидов, существенное влияние на общество может оказывать и условное меньшинство. Под меньшинством подразумевается небольшая активная группа людей, объединенная общей идеей. Мировая история полнится примерами, когда такие группы оказывали влияние на целые страны. Любой государственный переворот или революция, зачастую, начинались именно с таких небольших групп идеологически заряженных людей.

В рамках данного контекста, вопрос о том, как меньшинство может оказать влияние на большинство, представляет собой важное направление исследований в области социологии и социальной психологии. В этом направлении активные исследования проводил Серж Московичи. В его книге с красноречивым названием «Социальное влияние и социальные перемены» (Московичи, 1976) подчеркивается роль, которую меньшинства исторически играли в подстрекательстве к политическим, научным, религиозным и художественным изменениям. Согласно определению, Московичи предполагает, что небольшое количество людей не обязательно определяет меньшинство. Меньшинства – это главным образом группы людей, которые думают и действуют иначе, вне нормы; они – будь то одинокий индивидум (например, Галилео) или небольшая группа, или даже численное большинство (например, чернокожие в Южной Африке) – пытаются с помощью своих идей и действий произвести инновации и социальные изменения [1].

Ещё в 1969 году, Московичи провёл успешную серию экспериментов под на-

званием «подавляющее меньшинство». Эти эксперименты стали своеобразным ответом на эксперимент Аша, в исследованиях которого подставное большинство оказывало влияние на реального испытуемого. В исследованиях Московича подставные испытуемые составляли меньшинство участников. Во время каждого эксперимента присутствовало двое подставных и четверо настоящих испытуемых, которые получали на экраны диапозитивов синие слайды и им необходимо было дать ответ, какого цвета был каждый из них – зеленого или синего. По подготовленному исследователем плану, представленное меньшинство время от времени (в двух из трех случаев) или постоянно называло синие изображения зелеными.

По полученным результатам Московичи и коллеги сделали вывод, что ответы подставных респондентов оказывали небольшое прямое и более ощутимое косвенное влияние на мнение остальных участников. В первом случае выяснилось, что до 9% доверчивых респондентов давали неправильные ответы, внимая ответам меньшинства. Однако, для более-менее стабильного проявления этого влияния, меньшинству необходимо было постоянно придерживаться одной и той же позиции. На второй же стадии эксперимента было выявлено косвенное влияние. В рамках данного этапа, доверчивые испытуемые вновь оценивали слайды, только в этот раз вместо двух категоричных вариантов, им предоставили большое разнообразие сине-зеленых оттенков. Цель оставалась та же, необходимо было разделить их на зеленые и синие. Под влиянием подставного меньшинства, респонденты значительно чаще называли представленные оттенки цветов зелеными [2].

По мнению Московича, результаты однозначно указывают на то, что меньшинство имеет способность влиять на установки и действия большинства. Это воздействие может оставаться незамеченным членами большинства во время группового взаимодействия и проявиться лишь позже, без их осознания. Данное исследование стало отправной

точкой для целого ряда исследований, которые выявили факторы, способствующие усилению влияния меньшинства:

- твердо стоит на своих позициях, отстаивает одну и ту же точку зрения, но в определенных ситуациях способно на компромисс;
- демонстрирует внутреннее единство;
- слышит аргументы большинства и реагирует на них, приводит аргументы в поддержку своей позиции;
- дает возможность высказать разные аргументы разным представителям;
- представляет свою позицию как «над-ситуативную», например, использует абстрактные, а не конкретные термины;
- находит точки соприкосновения с большинством, апеллирует к широко распространенным в группе ценностям;
- демонстрирует, что его позиция основана на ценностях, а не на личных интересах;
- ведет себя уверенно и корректно, даже сталкиваясь с насмешками и грубостью со стороны большинства;
- увеличивается в размере за счет привлечения людей, занимающих нейтральную позицию, или за счет представителей большинства [3].

Исследования Московича не обошлись без доли критики. В основном, у других ученых возникали претензии к тому, что большая часть исследований влияния меньшинства основана на экспериментах, проведенных в лабораториях. Участники лабораторных экспериментов редко являются «настоящими группами». Чаще всего это группа студентов, которые не знают друг друга и, вероятно, никогда больше не встретятся. Они также вовлечены в искусственные задачи. Как таковые, они сильно отличаются от групп меньшинств в обществе в целом, которые стремятся изменить мнение большинства. Ведь реальные меньшинства часто сталкиваются с гораздо более решительной оппозицией. Они преданы делу, они часто знают друг друга, оказывают друг другу значительную социальную поддержку и иногда посвящают свою жизнь изме-

нению взглядов большинства. Лабораторные эксперименты по власти и статусу в значительной степени неспособны представить и смоделировать значительные различия во власти и статусе, которые часто разделяют меньшинства и большинство [4].

Несмотря на это, нельзя недооценивать вклад, который этот эксперимент и последующие исследования внесли в современную социологию. 1980 году Московичи свел воедино разные экспериментальные данные и сформулировал теорию конверсии меньшинства. Он предположил, что большинство имеет тенденцию вызывать скорее подчинение, нежели изменение убеждений, а меньшинство тяготеет к противоположным действиям, т.е. большинство склонно вызывать очевидную, быстро проявляющуюся, но временную публичную уступчивость, а меньшинство оказывает косвенное отсроченное и личное влияние, которое можно оценить с помощью критериев более общего характера. Московичи объясняет это тем, что большинство вызывает конформность с помощью процесса сравнения, а меньшинство – конверсию с помощью процесса валидации [5].

Теория влияния меньшинства имеет важные приложения в различных областях, таких как политика, маркетинг и образование. Понимание того, как меньшинства могут изменять общественные установки, помогает разрабатывать стратегии для продвижения новых идей и инноваций. Современные исследования продолжают развивать идеи Московичи, исследуя, как цифровые медиа и глобализация влияют на процессы социального влияния меньшинств. С развитием социальных медиа влияние меньшинств усилилось еще больше. Платформы, такие как Twitter, Instagram¹ и YouTube, позволяют малочисленным группам быстро распространять свои идеи и находить единомышленников по всему миру. Это ведет к созданию глобальных сообществ и движений,

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

которые могут оказывать значительное влияние на общественное мнение и политику [6].

В последние годы мы наблюдаем, как малочисленные группы влияют на содержание и направление культурных продуктов, с фильмами и сериалами, все чаще затрагивающими темы, которые ранее считались маргинальными, такие как права сексуальных меньшинств, расовая справедливость и гендерное равенство. Особенно активно данная повестка продвигается в западной культуре. Эти изменения часто инициируются небольшими группами активистов и творцов, которые через свои работы привлекают внимание широкой аудитории и стимулируют общественные дискуссии. Кинематограф, в свою очередь, отражает эти изменения, что приводит к более широкому признанию и принятию этих идей в обществе, демонстрируя, как малочисленные группы могут оказывать значительное влияние на культурные нормы и социальные установки.

Помимо фильмов, в которые намеренно внедряется современная западная социальная повестка, в кинематографе существует множество фильмов, которые иным образом затрагивают тему влияния меньшинства на большинство. В данных кинолентах герой или небольшая группа людей направляют свои действия против устоявшегося порядка и чаще всего успешно его меняют. Эти истории, порой вдохновленные реальными событиями или чаще всего гипотетическими сценариями, демонстрируют силу и влияние малочисленных групп. Такие фильмы не только развлекают, но и вдохновляют зрителей, подчеркивая важность и возможность перемен. Теория Московичи в этом контексте помогает понять механизмы, через которые эти герои и группы добиваются успеха, и как их действия могут оказать значительное влияние на общественные нормы и установки.

В качестве одного из примеров, можно использовать киноленту «12 разгневанных мужчин» (1956) – это классический американский драматический фильм Сидни Люмета, который разво-

рачивается в комнате для совещаний присяжных. Двенадцать мужчин должны вынести вердикт по делу об убийстве, и один из них, Присяжный № 8 (Генри Фонда), сталкивается с мнением остальных, которые уверены в виновности обвиняемого. Он сомневается в достоверности доказательств и настаивает на более детальном обсуждении. По мере разбирательства он находит противоречия в обвинении и постепенно убеждает остальных присяжных пересмотреть свои выводы.

Фильм прекрасно иллюстрирует теорию влияния меньшинства Сержа Московичи. Присяжный № 8, находясь в меньшинстве, благодаря своей настойчивости и логике изменяет мнение группы. Его уверенность и рациональность показывают, как один человек может повлиять на большинство, если действует последовательно и обоснованно «12 разгневанных мужчин» затрагивает темы справедливости, предвзятости и моральной ответственности, демонстрируя, как личные убеждения и критическое мышление могут изменить исход, даже когда противостояшь большинству.

Еще одним ярким, но менее реалистичным примером может служить фильм «Эквилибриум» (2002) – это научно-фантастический боевик, действие которого разворачивается в будущем, где государство установило строгий контроль над эмоциями граждан. Чувства и эмоции запрещены, и нарушители подвергаются наказанию. Главный герой, Джон Престон, работает в антиэмоциональной полиции, обеспечивая соблюдение этого строгого режима.

Однако вскоре Престон начинает сомневаться в правильности этой системы, особенно после того, как сам переживает потерю жены. Встреча с другими, сохраняющими человеческие эмоции людьми, открывает ему глаза на истинные ценности жизни. Престон, оказавшись в числе немногочисленного сопротивления, начинает противостоять установленным правилам, выражая свои эмоции и привлекая последователей. Через серию определенных событий и боевых сцен, Престон и его сто-

ронники, несмотря на жесткое противодействие государства, убеждают других его жителей в важности человеческих эмоций и свободы выбора. Их убежденность и настойчивость начинают влиять на окружающих, вызывая внутренние конфликты и заставляя многих пересмотреть свое отношение к установленным системой правилам. Таким образом, «Эквилибриум» представляет собой показательный пример киноленты, в которой один человек, выступающий за свои убеждения и противостоящий системе, может изменить ход истории и повлиять на мнение и действия других.

Не так давно, западный кинематограф переживал фазу, в которой довольно наглядно отражалось растущее стремление американской молодежи к индивидуальной свободе, справедливости и противостоянию системе. Данный тренд западного кино, начался с фильма «Голодные игры» (2012), основанного на одноименной серии книг. В данной кинокартине и в последующих продолжениях, главная героиня Кэтнис Эвердин в компании единомышленников, противостоит тирании Капитолия и является символом восстания против несправедливости и жестокости существующего режима.

Этот тренд продолжается в серии фильмов «Дивергент» (2014–2016), в которых девушка по имени Трис Пройор, живёт в мире, где общество разделено на фракции в зависимости от основных характеристик личности. Однако, когда Трис обнаруживает, что она является «дивергентом» – тем, кто не подпадает под строгие рамки фракций и имеет уникальные способности, ей предстоит столкнуться с системой контроля и принятия. В данной серии фильмов Трис выступает символом сопротивления, отказываясь принимать навязанные обществом стандарты и статусы. Она и ее союзники стремятся к свободе выбора и самоопределению, ища свой путь в мире, где каждый должен подчиняться своей фракции.

Вышеперечисленные кинокартины хоть и не всегда строго следуют принципам влияния меньшинства на большин-

ство, описанным Московичи, но являются мощными примерами для вдохновения социально активной молодежи или членов уже существующих меньшинств. Эти фильмы поднимают вопросы о борьбе за свободу, справедливость и самоопределение, что может вызывать эмоциональный отклик у зрителей, особенно у тех, кто чувствует себя несогласным с установленными нормами существующего общества.

Исследование роли меньшинств в социальных изменениях и в формировании общественных установок представляет собой актуальное направление в современной социологии. Через анализ экспериментов Московичи можно сделать вывод, что меньшинства могут оказывать определенное влияние на мнение большинства. Теория конверсии меньшинства помогает нам понять механизмы этого влияния и применить их в различных областях, от политики до маркетинга. Культурные продукты, такие как фильмы, играют важную роль в формировании общественного сознания и идеалов, представляя мощные примеры борьбы за свободу, справедливость и самоопределение. Понимание этих механизмов может помочь нам разработать новые стратегии для продвижения новых идей и социальных изменений в современном мире.

Литература

1. Gardikiotis A. Minority Influence // *Social and Personality Psychology Compass* 5(9), September 2011, pp. 679–689.
2. Бовина И.Б. Теория социальных предсказаний: история и современное развитие // *Социологический журнал*. 2010. № 3 С. 5–18.
3. Озерова А.В. Значение влияния меньшинства в исследовании конформизма // *Территория науки*. 2017. № 3 С. 69–74.
4. Московичи С. Общество и теория в социальной психологии / С.Московичи // *Современная зарубежная социальная психология*. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 228.
5. Moscovici And Minority Influence In *Psychology* [Электронный ресурс]. –

URL: <https://www.simplypsychology.org/minority-influence.html#Moscovici-et-al-1969-Blue-Green-Study> (дата обращения: 10.05.2024).

6. Crano W. D, Seyranian V. Majority and Minority Influence // *Journal of Social Issues*, Vol. 65, No. 2, 2009, pp. 335–363.

REFLECTION OF THE RESULTS OF S. MOSKOVICH'S EXPERIMENT ON THE INFLUENCE OF MINORITIES IN CINEMA

Zuev D.A., Shayakhmetov A.R., Malikov M.M., Zarafutdinov R.D., Bariev E.V.
Ufa State Petroleum Technical University

This article explores the influence of minorities on sociocultural changes, focusing on the theory and its application in cinema. It extensively examines Serge Moscovici's experiment with blue and green slides, which is one of the most well-known and significant in the study of this social phenomenon. It demonstrates how minorities can influence the opinion of the majority, even when that opinion seems obvious or entrenched. In the context of the article, this experiment serves as a basis for understanding the dynamics of social influence and its role in shaping societal attitudes. It underscores the importance of understanding processes of conformity and conversion and shows how minorities can play a key role in changing societal worldviews and behaviors. The article highlights the role of films in depicting the power of minority influence, drawing parallels between cinematic narratives

and real social movements. Additionally, it discusses contemporary trends in cinema, where minority voices increasingly shape cultural discourse and challenge societal norms. In conclusion, the article emphasizes the importance of recognizing the influence of minorities on social and cultural transformations, both on screen and beyond.

Keywords: minority, Serge Moscovici, social changes, overwhelming minority, conformity, cinema, experiment, social norms.

References

1. Gardikiotis A. Minority Influence // *Social and Personality Psychology Compass* 5(9), September 2011, pp. 679–689.
2. Bovina I.B. Theory of social ideas: history and modern development // *Sociological Journal*. 2010. No. 3 P. 5–18.
3. Ozerova A.V. The importance of minority influence in the study of conformism // *Territory of Science*. 2017. No. 3 P. 69–74.
4. Moscovici S. Society and theory in social psychology / S. Moscovici // *Modern foreign social psychology*. – M.: Moscow State University Publishing House, 1994. – P. 228.
5. Moscovici And Minority Influence In Psychology [Electronic resource]. – URL: <https://www.simplypsychology.org/minority-influence.html#Moscovici-et-al-1969-Blue-Green-Study> (access date: 05/10/2024).
6. Crano W. D, Seyranian V. Majority and Minority Influence // *Journal of Social Issues*, Vol. 65, No. 2, 2009, pp. 335–363.

Влияние философии религиозного экзистенциализма Мигеля де Унамуно на политическое мировоззрение Испании 1920–1940-х гг.

Самохвалов Артем Игоревич,

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: artem.samokhvalov@yandex.ru

Целью данного исследования является выявление сущности философии религиозного экзистенциализма испанского философа Мигеля де Унамуно (1864–1936) и её влияния на политическое мировоззрение Испании 1920–1940-х гг. Для достижения данной цели автор стремился избежать излишней эмоциональности, иногда характерной для учёных при исследовании экзистенциалистов, следовать выбранной методологии. Для выявления сути и особенностей философии религиозного экзистенциализма Мигеля де Унамуно были исследованы его 2 основных философских труда: «О трагическом чувстве жизни людей и народов» и «Агония христианства»; основное содержание статьи было разделено на 2 части: «Религиозная философия Мигеля де Унамуно и её основания» и «Политическая философия Мигеля де Унамуно». Основным методом научного исследования в данной статье является герменевтический анализ по Х. – Г. Гадамеру; дополнительный метод исследования – историзм. По ходу написания статьи были выявлены аргументы философа в пользу оснований для сомнения в существовании Бога и бессмертия индивидуального человеческого сознания. Было показано отношение философа к Европейской цивилизации, религиям, широко распространённым в тех или иных странах Европы, мировому православию. Также было выявлено влияние религиозной веры философа на его политические убеждения. В результате было выявлено, что на религиозную философию Мигеля де Унамуно существенное влияние оказали определённые ограничения; была показана актуальность его политической философии.

Ключевые слова: Бог, истинный, мораль, рай, сомнение, философия, христианство, церковь, чистилище.

Введение

Испанский философ Мигель де Унамуно – один из основоположников экзистенциализма в Западной Европе, представитель религиозного экзистенциализма. Две его основные работы «О трагическом чувстве жизни людей и народов» и «Агония христианства» были написаны в предвоенном 1912 году и послевоенном 1924 году соответственно. В отличие от представителей немецкой классической философии, его работы не формируют строгой философской системы, стремящейся к избежанию логических ошибок, внутренних противоречий, сам философ в первой из вышеупомянутых работ, признаётся в наличии в ней логических противоречий, более того в своей статье «Антропология Мигеля де Унамуно» А.Г. Ситдикова утверждает, что М. Унамуно считал себя «человеком противоречия» [4, с. 79], однако работы М. Унамуно способны оказать большое влияние на мировоззрение и действия читателей, возможно, даже большее, чем работы представителей немецкой классической философии.

Религиозная философия Мигеля де Унамуно и её основания

М. Унамуно воспринимает себя как часть своего и только своего народа. Стать частью другого народа, не имеющего отношения к его стране, его этносу, даже если другой народ богаче, культурнее, счастливее испанцев и басков, для испанского баска М. Унамуно совершенно недопустимо, для него это всё равно, что умереть, «перестать быть» [8]. Предполагаю, что данная установка философа, оказала важное влияние на его религиозную философию. Далее в данной части статьи будет раскрываться содержание религиозной философии М. Унамуно с некоторыми моими вопросами и комментариями.

Прогресс, по мнению М. Унамуну, начался после изгнания Адама и Евы из рая, является результатом первородного греха, и по сути, прогресс – болезнь человечества. Философ отмечает, что святые, заботясь о спасении своих душ и душ своих ближних, мало заботились о прогрессе культуры, науки; будущий святой, в отличие от И. Канта, скорее всего, никогда бы не изобрёл категорический императив.

М. Унамуну отмечает, что первоначально, христиане стремились не столько к тому, чтобы их душа спаслась после смерти, сколько к тому, чтобы, не умерев, достичь спасения во время Второго пришествия Иисуса Христа, многие христиане первого века верили, что оно будет очень скоро, при жизни многих из них. Однако после того, как надежды христиан первого века на скорый конец мира сего не оправдались, главной целью христиан стало достижение ими самими и их ближними спасения душ после смерти; исторические события, по мнению М. Унамуну, потеряли отчётливый смысл в глазах христиан, однако философ допускал, что человеческий прогресс может быть направлен на преобразование сознания людей, на то, чтобы подготовить людей к концу этого мира.

Утверждения о том, что после своей смерти человек якобы живёт в своих произведениях, творениях или в своих детях, или в природном мире М. Унамуну считает глупыми и невежественными, в независимости от того, кто их придерживается, справедливо замечая, что даже очень талантливый человек в той или иной сфере человеческой деятельности, может быть тупым в чувствах и плохо разбираться в вопросах морали. М. Унамуну подвергает критике людей, которые живут внешне достойно или даже героически, но не верят ни в Бога, ни в бессмертие души, – таких он называет «духовными паразитами» [8].

Главным и наиболее трагическим противоречием в своей жизни, в жизни многих других христиан или людей, стремящихся быть таковыми, М. Унамуну считал противоречие между душой и разумом христианина, несовместимо-

стью рационального и жизненного. Душа человека желает жить вечно, притом, чтобы её жизнь после смерти была продолжением его земной жизни, в порыве откровенности М. Унамуну заявляет, что сам хотел бы стать Богом, обладать Богом, не утрачивая своей индивидуальности, не переставая быть человеком с тем же мироощущением, какое у него есть, однако разум отказывает ему не только в желании стать Богом, но и в праве на бессмертие, и в надежде на него. И дело тут отнюдь не в научных открытиях и гипотезах, которые были известны в первой четверти XX века.

В эссе «О трагическом чувстве жизни людей и народов» философ поддерживает борьбу Римско-католической церкви с учением Чарлза Дарвина об эволюции животных и растений, цель которого подорвать веру христиан в то, что «человек – это совершенно исключительное живое существо, созданное для жизни вечной» [8], а также с рационализмом, модернизмом, протестантизмом и даже с учением Галилео Галилея о вращении Земли.

По М. Унамуну, разум человека, рассуждающего о себе, мире, Вселенной, своих перспективах жизни неизбежно сомневается в том, что душа человека будет жить вечно по следующим причинам. Во-первых, это работы Иммануила Канта, опровергающие традиционные для католицизма доказательства бытия Бога Фомы Аквинского. Вместо них лютеранин И. Кант придумывает своё доказательство или весомый аргумент в пользу бытия Бога о якобы присущем каждому человеку нравственному закону, категорическому императиву [2, с. 59], якобы он является доказательством существования Бога. Однако отнюдь не каждый человек вопреки мнению И. Канта, готов всё время поступать, не входя в противоречие с предписанным категорическим императивом, если что-то и заставляет человека поступать, не преступая категорический императив, то это его вера, система ценностей, которой он придерживается, а не категорический императив, якобы пребывающий в нём, как, например, сердце или

печень. По сути, И. Кант способствовал подрыву веры в Бога для многих европейцев, и несмотря на его существенные заслуги в философии как науки, всё же авторитет И. Канта в современной жизни неоправданно высок [1, с. 44–45]. Вторых, на сомнения М. Унамуну в вере повлияли работы нидерландского философа, еврея по национальности, Бенедикта Спинозы, на которые М. Унамуну ссылается в своей работе. Из одной из теорем Б. Спинозы о стремлении всякой вещи неопределённое время пребывать в своём существовании М. Унамуну приходит к выводу о том, что сущность каждого человека состоит в страстном желании никогда не умирать. И М. Унамуну следует за Б. Спинозой, забывая о том, что даже, если такое желание присуще почти любому животному, оно присуще далеко не всем людям, и даже едва ли большинству людей. По крайней мере, многие христиане или считающие себя таковыми хотя бы умереть, чтобы их душа была в раю с Богом до Страшного суда, а затем, чтобы было воскрешено их тело для соединения с душой и вечной, непрерывной жизни в раю. Кроме того, М. Унамуну упоминает о том, что Б. Спиноза не мог обрести веру в своё личное бессмертие. Справедливости ради, надо отметить, что М. Унамуну всё-таки спрашивает себя о том, является ли человек вещью. В-третьих, сформулированные М. Унамуну принципы о непрерывности существования человека во времени и пространстве, по всей видимости, приводят его к сомнению в том, что человек воскрешённый Богом на Страшном суде, будет тем же самым человеком, что когда-то жил на Земле и умер.

Главная ценность человека, по мнению философа, в его сознании, главный страх в том, что сознание после смерти человека, после смерти его мозга, сознание только человеческой души, невозможно. Однако, закономерен вопрос: «Почему философ не сформулировал теоретическую возможность того, что душа человека может жить в двух режимах: внутри человеческого тела, когда оно живо, душа воспринимает только чувства и ощущения; после физической

смерти тела при покидании душой тела – душа мгновенно получает и усваивает всю информацию от мозга, накопленную им к концу жизни человека, и становится способной и чувствовать, и рассуждать, хотя бы для снижения уровня своих сомнений в Боге?» Ведь справедливости ради надо отметить, что согласно Евангелию, Иисус Христос не только с пониманием относился к недоверчивым к нему иудеям, но и хвалил сотника за его крепкую веру и сильное доверие к Нему (Мф, 8:8–12), а апостол Павел и вовсе писал о колеблющихся в вере на погибель свою (Евр., 10:39).

По мнению М. Унамуну, одной из наиболее важной вех в становлении католицизма был Первый Вселенский собор в Никее, осудивший арианство, угрожавшее самим основам христианской веры, и в этом мнении М. Унамуну солидарен даже с протестантским рационалистом Гарнаком. Таинство евхаристии, по М. Унамуну, – «стержень народной католической религиозности» [8]. В католицизме – главным является достижение бессмертия, чему должна по ощущениям верующих помогать исповедь, а в протестантизме – оправдание, этика, жизнь в соответствии с моральными принципами. По мнению протестантского теолога Эрнста Трельча, высшее достижение протестантизма – музыка Баха, по мнению М. Унамуну высшее достижение католицизма в сфере культуры – картина «Распятый Христос» Веласкеса. «Католицизм вызвал к жизни героев, а протестантизм – общества, здравомыслящие, богатые, свободные, проявляющие себя в том, что касается социальных институтов и экономики, но не способные к какому бы то ни было великому свершению» [8], – так наиболее ёмко выявил различия между значениями католицизма и протестантизма для человечества М. Унамуну.

Христианская вера М. Унамуну агоническая, он очень хочет верить в Бога и жить вечно, но вслед за И. Кантом отвергает возможности рационального доказательства бытия Бога. Для М. Унамуну на уровне разума существование вечного Всемогущего Бога ничуть не более

вероятно, чем материалистическое первоначало Вселенной. Доказательство существования вечного Всемогущего Бога для М. Унамуну по аналогии с тем, что как найденные в пустыне часы сделал разумный часовщик, а они не возникли под влиянием естественных причин, так и мир, устроенный разумно, в котором физические, физико-химические законы и существующая материя обеспечивают возможность существования огромного количества разнообразных растений и животных и даже человека, сотворил Бог, неприемлемо. М. Унамуну считает, что мир вполне мог быть сотворён неким бездушным, бесчувственным сверхразумом, сотворившего первых людей и первые существа других видов и создавшего условия для их размножения только для временной жизни здесь на Земле, которая навсегда прекращается наряду с сознаниями носителей в момент их смерти, хотя справедливости ради надо заметить, что М. Унамуну сомневается в том, будет ли жить душа того или иного отдельно взятого человека, в том числе и его самого, вечно, даже если вечный всемогущий Бог действительно существует.

Философ ссылается на якобы существующую цитату в Библии: «Сказал злодей в сердце своём: «Нет Бога»» [8]. Сомнений в то, что М. Унамуну привёл именно такую фразу в качестве цитаты из Библии в своём сочинении нет никаких, поскольку, и в его сочинении, опубликованном на испанском, в конце восьмой главы «О трагическом чувстве жизни» якобы существующая фраза из Библии напечатана так: «Dijo el malvado en su corazon: no hay Dios» [14]. Однако более точный, Синодальный перевод таков: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога»» (Пс., 13:1). То, что в Библии говорится именно о неразумности чувствующего сердцем, что Бога нет, а не о злодейской сущности его подтверждается и Септуагинтой [3]. Не берусь с уверенностью утверждать, пользовался ли М. Унамуну при написании этого отрывка вариантом библейского перевода, сделанного в той или иной стране Западной цивилизации, до на-

писания им рассматриваемой работы 1912 года, или же он сознательно привёл подложную цитату, дабы не обидеть коллег-философов атеистов и не надломать логические основания для своей философии с учётом того, что М. Унамуну был католиком. Второе предположение ничуть не менее возможно, чем первое, с учётом того, что один из переводов Библии на испанский язык, изданный в 1909 году, незадолго до написания М. Унамуну его рассматриваемых в данной статье философских работ, сообщает о глупости говорящего в сердце своём, что Бога нет [13].

Если М. Унамуну в своей работе 1912 года стремился быть принципиальным мыслителем до конца, почему не задал себе примерно такого содержания вопросы: «Для чего бездушному, бесчувственному сверхразуму, если он сотворил жизнь на Земле, существование людей с их горем и радостью, счастьем и несчастьем, верой, надеждой, любовью и эмоциями? А, если этот бездушный, бесчувственный сверхразум ещё и злой, не лучше ли для человека смерть души и сознания после физической смерти, вечное небытие после земной жизни, чем вечная жизнь и вечная зависимость от такого сверхразума?» и не попытался на них ответить?

Однако жажда вечной жизни М. Унамуну основана не на философских рассуждениях, а на католической вере. И хотя необходимо отметить, что философ понимал, что люди средневековья, несмотря на суровость монашеской жизни, стремились стать монахами из страха перед адом, М. Унамуну почти не тревожат перспективы навеки оказаться в аду, он говорит об этом только как о теоретической, абстрактной возможности. Вследствие католического догмата о чистилище, утверждённого Тридентским собором в 1563 году [11], католики считают, что души почти всех людей, умерших в согласии с Римско-католической церковью, попадают либо в рай, либо в чистилище, и в итоге люди, души, которых попали в рай или чистилище после воскрешения всех мёртвых, будут неизбежно оправданы

на Страшном суде и вечно будут жить с Богом в раю [5]. Таким образом, для М. Унамуно как католика, если он будет жить вечно, он, почти, наверняка, после Страшного суда будет жить вечно в раю. Более того, М. Унамуно считает, что, скорее всего, вечная жизнь в раю будет де-факто вечным чистилищем, где люди будут вечно приближаться к Богу, вечно становиться лучше, чем были, при этом никогда не будут поглощены Богом и никогда не станут такими же совершенными, как Бог, и желает того, чтобы рай на таких принципах устроен был. Это, пожалуй, укрепляло веру философа в существование чистилища и веру в Римско-католическую церковь.

Но был ли философ уверен в том, что смерть в согласии с Римско-католической церковью действительно дорога к вечной жизни в раю после Страшного суда, если человек будет жить вечно? Допускал ли возможность того, что Римско-католическая церковь – еретическая церковь, и вследствие этого смерть в согласии с ней может оказаться дорогой к вечной жизни воскрешённого человека в аду после Страшного суда? Допускал ли возможность того, что души людей, умерших в согласии с вероисповеданиями, отличными от Римско-католической церкви, могут оказаться в раю?

М. Унамуно крайне скептически отзывался о коптской церкви и эфиопской церкви, считая их христианство не более, чем фарсом. Описывая жизнь и деятельность отца Гиацинта, бывшего католического священника, после его ухода из Римско-католической церкви, М. Унамуно негативно отзывался о протестантах в целом, сенсимонистах, иудеях, атеистах, старокатоликах. Философ характеризует агностицизм как «изошрённое лицемерие» [8]. Описывая деяния и значение Первого Вселенского собора, осудившего арианство, М. Унамуно осуждает унитаристский и социнианский протестантизм, считая, что эти учения угрожают основам христианской веры.

В то же время для М. Унамуно иконоборец – приверженец иконоборчества, осуждённого как ересь на Седьмом Все-

ленском соборе – всего лишь стилист, который самого себя провозглашает священным образом, иконой. М. Унамуно высоко ценил деятельность Мартина Лютера, считал её полезной для «всей христианской цивилизации» [8], поскольку тот утвердил, по мнению философа, идею о важности мирской деятельности, личного мирского призвания. Кроме того, М. Унамуно воспринимал лютеран И. Канта, С. Кьеркегора как весьма духовно близких к себе мыслителей.

М. Унамуно отмечает, что философы иногда утверждают в своих философских работах то, во что хотят верить, но на самом деле не верят. Так, например, по его мнению, Б. Спиноза, когда писал о том, что свободный человек мало думает о смерти, что мудрость состоит в том, чтобы думать о жизни, а не о смерти, на самом деле думал о смерти. Вера Блеза Паскаля, по М. Унамуно, состояла в том числе и в том, что тот старался в своих письменных работах убедить себя в необходимости смирения разума перед католическими догмами, но не смог заставить себя поверить в них.

И когда М. Унамуно писал о том, что достижение людьми рая после смерти не зависит от того, верят ли они в то, что Святой Дух исходит только от Бога Отца или от Бога Отца и Бога Сына, какую позицию они занимают по вопросу слитности или её отсутствия божественной и человеческой природ Исуса Христа и даже от того, верит ли человек в то, что Бог существует или нет, агонизирующий испанский философ, весьма вероятно, думал, что эти вопросы на самом деле крайне важны, и то, какой позиции по данным вопросам человек придерживается, существенно влияет на его участь после смерти.

В отличие от Первого Вселенского собора, эпохи Возрождения, Реформации, М. Унамуно не рассматривает в своих работах тему раскола 1054 года Христианской Церкви на Римско-католическую церковь и восточные церкви, оставшихся в молитвенном общении между собой, первым по чести в которых стал константинопольский патри-

арх. Философ утверждает, что восточное (греческое) христианство преимущественно эсхатологическое, то есть его основная цель в понимании философа – спасении душ людей; протестантизм преимущественно этический; католицизм – компромисс между эсхатологическим и этическим направлениями христианства, причём с преобладанием эсхатологического направления. Мораль монахов-католиков, по утверждению философа, – «мораль эсхатологическая», «самая истинно католическая мораль» [8]. Итак, по М. Унамуну, восточное мировое православие духовно намного ближе к католицизму, чем протестантизм к католицизму несмотря на то, что католицизм и протестантизм – крупнейшие религии одной – западной цивилизации, а восточное мировое православие широко распространено в иной – российской цивилизации. М. Унамуну чувствовал, что и русский писатель Ф. Достоевский ему духовно близок, написав не только о себе, но и о Ф. Достоевском как о «христианине агонизирующем» [7].

М. Унамуну отмечал важнейшую роль Испании в контрреформации, утверждал, что взятие Рима испанскими войсками (в 1527 году [10]) имело положительное значение, поскольку Рим, «город языческих пап и языческого Возрождения» [8] почти наверняка заслужил кару. Считая Испанию самой консервативной страной Западной Европы, с учётом содержания предыдущего абзаца, закономерны вопросы: «Видел ли М. Унамуну то, что Россия, как и Испания является особой страной, но только среди иной группы стран – среди стран, большинство христиан которых находились в молитвенном общении с константинопольским патриархом в начале XX века? Думал ли вслед за многими жителями России XVI века, что Константинополь, пал в 1453 году, скорее всего, по причине тяжких грехов его жителей, как он писал о падении Рима 1527 года? Знал ли М. Унамуну о старообрядцах и считал ли их русской контрреформацией?».

М. Унамуну писал о существующих задачах в некоторых науках и отраслях

по достижению «как можно большего полезного результата как можно меньшими усилиями» [8], соответственно знал, скорее всего, и об экономических задачах по максимизации полезности при существующих, как правило бюджетных ограничениях, и, по аналогии, стремясь к максимально полезному результату, создал свои философские труды, понимая о существующих для него ограничениях. Какими бы ни были правильные ответы на вопросы из предыдущего абзаца, переход из католицизма в иную веру, добровольная смена основного рода занятий, отказ от сомнений в некоторых религиозных догматах были для М. Унамуну неприемлемы, иначе, по его убеждениям, он перестал бы быть достойным человеком своего народа.

Таким образом, М. Унамуну пытался создать наилучшую, наиболее качественную философию при определённых жёстких, воспринимаемых им для себя ограничениях: он – католик, поскольку неотъемлемая часть испанского народа и психологически для него неприемлемо придерживаться атеизма, жёсткого агностицизма, быть равнодушным в вопросах веры; он заметно сомневается в существовании Бога и бессмертии индивидуального человеческого сознания, поскольку профессиональный философ и уважает атеистов, агностиков из своих коллег либо не имеет достаточной силы воли, чтобы найти достаточно аргументов для снижения уровня своих сомнений в существовании Бога и человеческого сознания после смерти человека; он – профессиональный философ, поскольку таково его, по М. Лютеру, мирское призвание. Эти ограничения оказали существенное влияние на религиозную составляющую философии М. Унамуну, хотя нельзя отрицать и некоторое влияние, по крайней мере, первого из вышеуказанных ограничений, на политическую философию испанского мыслителя.

Политическая философия Мигеля де Унамуну

М. Унамуну не оставил развёрнутой политической философии. И, тем не менее его политические взгляды, основанные

преимущественно на его представлениях о Боге, могут быть вполне востребованы для урегулирования социально-политических, военных конфликтов.

М. Унамуну полагает, что если бы все люди верили бы в то, что будут жить вечно, то все стали бы лучше. Философ считает, что каждый человек важнее всего человечества и нельзя жертвовать интересами человека во имя интересов сообщества людей, за исключением случая, если все члены сообщества людей также жертвуют своими интересами ради каждого своего участника. В то же время он не выступал против войны как таковой.

М. Унамуну проявляет себя последователем И. Канта и в том, что призывает к людям относиться как к цели, а не как к средствам достижения своих целей, считает, что ни одно из поколений людей не должно приносить себя в жертву благополучию следующим поколениям, критикуя тем самым идеи социалистов, одним из которых он ранее был. Кроме того, он критикует противников войн, придающих, по его мнению, повышенную ценность «той жалкой, переходящей жизни» [8].

М. Унамуну считал Христа антипатриотом, индифферентного к социально-экономическим, социально-политическим вопросам, вопросам об оптимальной форме государственного управления и оптимальном типе политического режима, – объяснял это философ тем, что будто бы при своей земной жизни Иисус Христос был уверен в очень скором конце света. М. Унамуну жёстко критиковал иезуитов, говоривших о «социальном царстве Иисуса Христа» [7], утверждал, что Христос не был сторонником ни социализма, ни института частной собственности.

И, тем не менее М. Унамуну понимал, что христианин не должен быть равнодушным к политическим процессам, по крайней мере происходящим на его родине, и её касающимися. М. Унамуну критикует крупнейшие национальные государства в Европе, считая, что Германия, Франция, Великобритания, Италия и другие являются де-факто новыми языческими богинями или полубогиня-

ми, заменившими её жителей Христа. М. Унамуну признаётся, что ему приходила в голову чисто христианская мысль о том, что всякий вопрос, в том числе политический, должен решаться истинным христианином в соответствии с целью вечного спасения, что главная Родина христианина не от мира сего, что христианин, если необходимо, обязан пожертвовать своей земной родиной ради истины, ради истинного Бога. Однако философ утверждает, что неизбежные сомнения в Боге для духовно неглупого, духовно живого, а не мёртвого человека, делают принципы, указанные в предыдущем предложении для христианина мучительными, приводят к агонии, (под агонией М. Унамуну понимает весьма трудную, тяжёлую борьбу, а не предсмертное состояние), христианства в его душе.

В написанной в 1924 году «Агонии христианства» М. Унамуну утверждал, что во время создания им этой работы вдали от родины, Испанию «терзает самая унижительная и самая бессмысленная из тираний – тирания выжившей из ума военщины» [7], а об идущей тогда войне на территории современного Марокко писал, что Испания решила «распространить католицизм мечом, объявила крестовый поход, и мечом погибнет. Мечом отравленным» [7], что в целом соответствует одной из закономерностей, сформулированной в отрывке стиха (Откр., 13:10) из Откровения.

И хотя, Испания (при поддержке Франции с 1925 года) победила в войне с марокканской Рифской республикой в 1920-е гг., и тогда Марокко осталась колонией, в 1930 году диктаторский режим Мигеля Примо де Риверы [8], который М. Унамуну ненавидел, пал, в Испании была восстановлена демократия. М. Унамуну триумфально вернулся в Испанию и вновь стал ректором университета Саламанки.

В 1936 году во время начала франксистского мятежа М. Унамуну изначально его поддержал [12], считая, что он несёт пользу духовному состоянию испанцев, подобно тому, как в конце Средневековья и в Новое время, по мне-

нию М. Унамуну положительным было то, что Испания осталась католической, что протестантизм в ней не утвердился. Однако 12 октября 1936 года после речи франкистского этнического националиста генерала Мильяна Астрыя в университете Саламанки [6, с. 451], находящейся уже тогда под контролем националистов, ректор университета философ М. Унамуну, осознав перспективы того, что франкисты в случае их победы в начавшейся Гражданской войне установят во всей Испании диктаторский режим, станут угнетателями басков и каталонцев, в своём ответном выступлении решительно осудил франкистский мятеж, назвал только что выступившего генерала «калекой», который «испытывает злое щеющее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья» [6, с. 452]. Вскоре, в конце декабря 1936 года, М. Унамуну умер у себя дома, находясь под домашним арестом [12].

Таким образом, политическая философия М. Унамуну, мало востребованная в сытые мирные годы, становится особенно актуальной в годы политических кризисов, войн и военных приготовлений. Политические убеждения М. Унамуну были не только особо значимыми для сторонников демократических преобразований в Испании в 1930–1931 гг., одним из популярных лозунгов которых был: «Да здравствует Республика и Унамуну!» [8], но, по всей видимости, даже и для его политических противников. Если бы не была опубликована «Агония христианства» в Мадриде в 1925 году [8], возможно, и не было бы отставки Примо де Риверы с поста премьер-министра Испании в начале 1930 года [9]. А письменные работы М. Унамуну и его речь в октябре 1936 года в университете Саламанки вполне могли повлиять на решение Франсиско Франко после победы националистов в Гражданской войне, несмотря на его идеологическую близость к Гитлеру и Муссолини, сохранить в целом нейтралитет Испании в годы Второй мировой войны, поспособствовав сохранению многих граждан Испании от преждевременной смерти. И сегодняшние политические лидеры многих

стран мира и стремящиеся ими стать могут почерпнуть для себя немало полезного из философии М. Унамуну.

Литература

1. Каспэ С. И. «Любовь во время войны»: против автономии политического // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 1. С. 13–61.
2. Пивоваров Д. В. О моральном доказательстве бытия Бога. Уральский федеральный университет. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37018/1/978-5-8295-0374-1_10.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
3. Подстрочный перевод Библии. Греческий текст. – URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (дата обращения: 08.05.2024).
4. Ситдикова А.Г. Антропология Мигеля де Унамуну // Вестник ВГУ: Серия: Философия. 2023. № 1. С. 79–81.
5. Сакун О. Трудные вопросы – чистилище. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnyevoprosy-chistilisce.html> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. Издательство Центрполиграф. – 796 с.
7. Унамуну М. Агония христианства. – URL: <https://predanie.ru/book/214356-agoniya-hristianstva/> (дата обращения: 08.05.2024).
8. Унамуну М. О трагическом чувстве жизни. – URL: <https://predanie.ru/book/214256-o-tragicheskom-chuvstve-zhizni/#/c50> (дата обращения: 08.05.2024).
9. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Примо де Ривера-и Орбанеха, Мигель. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/PRIMO_DE_RIVERA-I-ORBANEHA_MIGEL.html (дата обращения: 08.05.2024).
10. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Реформация. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/REFORMATSIYA.html (дата обращения: 08.05.2024).

11. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Соборы церковные. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/SOBORI_TSERKOVNIE.html (дата обращения: 13.05.2024).
12. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Унамуну-и-Хуго, Мигель де. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/UNAMUNO-I-HUGO_MIGEL_DE.html (дата обращения: 08.05.2024).
13. Church Ages. – URL: <https://churchages.net/es/bible/psa/53/> (дата обращения: 08.05.2024).
14. Unamuno M. *Del Sentimiento Tragica de la Vida*. – New York (U. S.): LAS Americas Publishing Co., 1965. – 241 p. – URL: <https://archive.org/details/delsentimentotr0000unam/page/8/mode/2up> (дата обращения: 08.05.2024).

THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHY OF RELIGIOUS EXISTENTIALISM OF MIGUEL DE UNAMUNO ON THE POLITICAL WORLDVIEW OF SPAIN IN 1920S-1940S

Samokhvalov A.I.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The purpose of this study is to identify the essence of the philosophy of religious existentialism of the Spanish philosopher Miguel de Unamuno (1864–1936) and its influence on the political worldview of Spain in 1920s-1940s. To achieve this goal, the author sought to avoid excessive emotionality, sometimes characteristic of scientists when studying existentialists, and to follow the chosen methodology. To identify the essence and features of the philosophy of religious existentialism of Miguel de Unamuno, his 2 main philosophical works were examined: “On the Tragic Feeling of Life of People and Nations” and “The Agony of Christianity”; the main content of the article was divided into 2 parts: “The religious philosophy of Miguel de Unamuno and its foundations” and “The political philosophy of Miguel de Unamuno”. The main method of scientific research in this article is hermeneutic analysis according to H. – G. Gadamer; an additional research method is historicism. In the course of writing the article, the philosopher’s ar-

guments were identified in favor of the grounds for doubting the existence of God and the immortality of individual human consciousness. The philosopher’s attitude to European civilization, religions widespread in various European countries, and world Orthodoxy was shown. The influence of the philosopher’s religious faith on his political beliefs was also revealed. As a result, it was revealed that the religious philosophy of Miguel de Unamuno was significantly influenced by certain restrictions; the relevance of his political philosophy was shown.

Keywords: God, true, morality, paradise, doubt, philosophy, Christianity, church, purgatory.

References

1. Kaspé S.I. “Love in time of war”: against the autonomy of the political // *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2023. T. 7. No. 1. P. 13–61.
2. Pivovarov D.V. On the moral proof of the existence of God. Ural Federal University. – URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/37018/1/978-5-8295-0374-1_10.pdf (access date: 05/11/2024).
3. Interlinear translation of the Bible. Greek text. – URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (access date: 05/08/2024).
4. Sitdikova A.G. Anthropology of Miguel de Unamuno // *Vestnik VSU: Series: Philosophy*. 2023. No. 1. P. 79–81.
5. Sakun O. Difficult questions – purgatory. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnye-voprosy-chistilishe.html> (access date: 05/11/2024).
6. Thomas H. *Civil War in Spain, 1931–1939* Publishing house Tsentrpoligraf. – 796 p.
7. Unamuno M. *The Agony of Christianity*. – URL: <https://predanie.ru/book/214356-agoniya-hristianstva/> (access date: 05/08/2024).
8. Unamuno M. About the tragic feeling of life. – URL: <https://predanie.ru/book/214256-otragicheskom-chuvstve-zhizni/#/c50> (access date: 05/08/2024).
9. Encyclopedia “Around the World”. Universal popular science encyclopedia. Primo de Rivera y Orbaneja, Miguel. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/PRIMO_DE_RIVERA-I-ORBANEHA_MIGEL.html (access date: 05/08/2024).
10. Encyclopedia “Around the World”. Universal popular science encyclopedia. Reformation. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/REFORMATSIYA.html (date of access: 05/08/2024).

11. Encyclopedia "Around the World". Universal popular science encyclopedia. Church councils. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/SOB-ORI_TSERKOVNIE.html (access date: 05/13/2024).
12. Encyclopedia "Around the World". Universal popular science encyclopedia. Unamuno y Hugo, Miguel de. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/UNAMUNO-I-HUGO_MIGEL_DE.html (access date: 05/08/2024).
13. Church Ages. – URL: <https://churchages.net/es/bible/psa/53/> (access date: 05/08/2024).
14. Unamuno M. Del Sentimiento Tragica de la Vida. – New York (U.S.): LAS Americas Publishing Co., 1965. – 241 p. – URL: <https://archive.org/details/delsentimientotr0000unam/page/8/mode/2up> (access date: 05/08/2024).

Трансформация способов трансляции культуры в условиях применения технологий искусственного интеллекта: социально-философский анализ

Романовский Гела Алексеевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), руководитель по контенту и сделкам компании MTC Live
E-mail: rgela@yandex.ru

В статье рассмотрены некоторые способы использования искусственного интеллекта (ИИ) для сохранения культуры и передачи её следующим поколениям. Отмечается, что ИИ, благодаря своей технологичности, обладает значительным потенциалом в области трансляции культуры, при этом его использование зависит от человека, запросы которого, в том числе в культурной сфере, ИИ обслуживает. Посредством ИИ удаётся оцифровывать объекты и феномены культуры, обеспечивать их сохранность, делать их более доступными для людей, привлекать к ним внимание широких слоёв населения, пропагандируя и транслируя культуру. Одновременно сам ИИ является феноменом культуры, способствующим её развитию, динамике. С помощью ИИ, нейросетей пополняется культурное пространство, создаются произведения цифрового искусства, которые становятся полноправными компонентами культурного поля, не вытесняя традиционных компонентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, культура, сохранение культуры, трансляция культуры, культурный феномен, общество.

Цивилизационное развитие осуществляется за счёт непрерывной трансляции культуры от поколения к поколению. Впитывая культурные основы, завещанные предками, каждое новое поколение дополняет культурное пространство собственными смыслами, определяемыми запросами времени и актуальными условиями существования общества. В итоге развитие народа, социума, культуры является непрерывным, поступательным. Парадокс культуры, часто недооцениваемый, состоит в том, что обществу для развития необходима постоянная переоценка ценностей и обновление механизмов трансляции культуры, поэтому наиболее устойчивой системой культурных механизмов может быть только постоянно развивающаяся (неустойчивая) система. Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой механизм, стремительно ворвавшийся в жизнь человека и занявший в ней прочное место. Мы активно используем ИИ, подчас не будучи в состоянии оценить степень его надёжности и безопасности. Если о психологической, экономической, научной, социальной, информационной безопасности в контексте ИИ в науке говорят [2; 7; 9], то его безопасность для культурного поля, культурных основ и традиций пока активно не обсуждается, а если затрагивается, то трактуется преимущественно в негативном ключе [8]. В то же время необходимо объективно оценить роль ИИ как компонента культурного пространства и механизма трансляции культуры.

Цель статьи – выявить современные возможности ИИ как механизма сохранения, развития, трансляции культуры. Исследование проводилось с помощью аналитического, структурно-функционального, аксиологического методов на основе системного и деятельностного подходов.

Современная культура оперирует исторически сложившейся системой ин-

струментов и механизмов, позволяющих транслировать культурную информацию следующим поколениям, не утрачивая её и обеспечивая её сохранность. К наиболее традиционным, древним инструментам культурной трансляции относятся обряды и ритуалы, традиции и обычаи, мифология и религия, семья и образование, искусство, литература и наука, к постоянно возникающим в ходе культурного исторического развития – новые социальные сообщества, СМИ и др., которые, однако, с течением времени обретают статус традиционных. Изменяемость мира требует постоянной трансформации и пополнения системы культуронесущих механизмов новыми инструментами, обеспечивающими непрерывность культурной трансляции и в то же время соответствие её требованиям времени.

ИИ был создан в середине прошлого века как технологический инструмент, обладающий прежде всего способностями к ведению быстрых и сложных подсчётов и хранению большого количества информации. Одно из первых его определений дал Д. Маккарти ещё в 1956 г.: «Свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [11]. В этом определении зафиксировано основное свойство ИИ – его способность повторить мыслительный процесс человека, стать подобным человеку, заменить его в каких-то сферах. Концепция ИИ лежит в основе всех создаваемых в последние десятилетия компьютеров, гаджетов и т.п.

Уже во второй половине XX в. был сформулирован тезис о сильном и слабом ИИ [12]: первый выполняет функцию повторения и замещения человеческого мышления полностью, умеет самостоятельно мыслить и принимать решения, как человек, а второй – только частично копирует человеческий мыслительный процесс, не обретая самостоятельности. Споры о возможности создания сильного ИИ, который, несомненно, захочет покорить мир и уничтожить человечество, постоянно идут в науке (и отразились во множестве произведений научной фантастики), в то время как человек

активно пользуется плодами слабого ИИ в своей ежедневной практике, не понимая, как устроены разумные машины, и одновременно не представляя своей жизни без них.

Предметом нашего внимания является то, как системы слабого ИИ вписаны в современные процессы сохранения и трансляции культуры. В рамках изучения данного вопроса представляется возможным выделить следующее.

Во-первых, благодаря оцифровке, то есть «переводу исходной нецифровой информации в цифровую форму, возможно, с целью ее долгосрочного хранения» [3, с. 89], происходит копирование и сохранение разнообразных объектов культуры, от архивных документов до цифровой модели Венеции, создаваемой при помощи проекта «Машина времени» (Time Machine) [10]. Оцифровке и перенесению в виртуальную реальность в виде двухмерных и трехмерных (3D) копий подвергаются живописные полотна, скульптуры, рукописи, старинные книги, фотографии, аудио- и видеозаписи, слайды, негативы, газеты, журналы и другие предметы культурного наследия; круг объектов культуры, приобретающих виртуальную форму, постоянно расширяется.

Во-вторых, для представителей широкого сообщества облегчается доступ к культурным объектам, существующим в цифровом виде. Наиболее яркий пример – виртуальные музеи, которые можно посетить онлайн. Музей может существовать в реальности и иметь интернет-вариант (веб-сайт или мобильное приложение), доступный для онлайн-посещения широкими слоями населения (Лувр, Британский музей, Эрмитаж, Третьяковская галерея и др.), а может сразу создаваться как цифровой, существующий в интернет-пространстве (например, виртуальный онлайн-музей искусств VOMA – Virtual Online Museum of Art). Структура и способы работы данных виртуальных объектов не имеют значительных отличий [4, с. 938]. Пользователи совершают виртуальные экскурсии, перемещаясь из зала в зал и знакомясь с экспонатами; это можно делать в удоб-

ное время и не спеша. Конечно, такие экскурсии не могут полностью заменить реального посещения культурных объектов, но прекрасно их дополняют, развивая культурные потребности людей и привлекая их к реальной культурной деятельности.

В-третьих, с помощью ИИ организуется сохранение разнообразных объектов культурного наследия, в том числе поддержание для них наиболее благоприятных условий (температура, влажность, освещение и др.), идентификация, каталогизация, реставрация. Особенно значительно, по признанию исследователей, участие ИИ в реставрации объектов культуры и искусства. А.А. Дружинина доказывает, что «нейронные сети могут быть эффективным инструментом для восстановления произведений как целиком, так и утраченных частей» [5, с. 41].

В-четвёртых, на основе ИИ создаются инструменты и сервисы, посредством которых организуется вовлечение людей в культурные процессы. Это могут быть YouTube-каналы, сайты, подкасты, стримы, страницы в социальных сетях, электронные почтовые рассылки, контекстная реклама, сервисы дистанционной покупки билетов и т.п. Развлекательная функция таких сервисов сочетается с культуронесущей, и погружение в культуру становится ненавязчивым, естественным. Данные инструменты делают культуру более близкой, легко доступной, интересной, понятной, служат её популяризации.

Как видим, ИИ, выполняя приказы и запросы человека, обеспечивает стабильность традиционных культурных феноменов и объектов, а также предоставляет широким слоям населения доступ к культурным ценностям, при этом сохраняя и транслируя культуру в первую очередь новому поколению, для которого цифровые инструменты наиболее понятны и привычны. Однако, и сам ИИ в процессе своего развития начинает проявлять качества, присущие культуре как феномену. В данном контексте он только начал изучаться. Е.К. Беликова доказывает, что ИИ является феноме-

ном культуры, поскольку «обладает ценностно-нормативной определённой, нацелен на сохранение, инновационное воплощение и трансляцию культурных и духовно-нравственных ценностей, одновременно пополняя и модернизируя ценностную систему, что важно для развития культуры» [1, с. 64].

ИИ прочно вошёл в современную культуру, стал её новационным элементом, за счёт которых всегда поддерживается стабильность культуры, обеспечивается её устойчивость. Культура может существовать только на стыке традиционного и нового [6], и ИИ в настоящий момент является наиболее эффективным технологическим инструментом, позволяющим обеспечить такое существование. В результате он выходит за «узкие рамки» науки и технологий, погружаясь в культуру как таковую и превращаясь в феномен культуры.

ИИ направлен на реализацию культурных запросов населения. С его помощью не только сохраняются объекты культуры, появившиеся ранее и вошедшие в культурный фонд, но и создаются новые. С появлением искусственных нейронных сетей – разновидности ИИ, использующей в своей деятельности принципы функционирования человеческого мозга, – у людей появилось больше возможностей осуществлять творчество на основе ИИ: создавать картины, кино, музыку, видеоклипы, произведения художественной литературы (прозу и стихи), научные тексты, фотографии и т.п. Кроме того, творчество может создавать уже сам ИИ, выполняя заложенные в него программы и условия. Нейросети создают анимационные фильмы, коллажи из фотографий, играют в шахматы и др.

Всё более широкое распространение получает цифровое искусство, продукты которого имеют коммерческий успех. ИИ становится инструментом пополнения культурного пространства, не уничтожая традиционные элементы культуры (такие как праздники, обряды, мифология, образование, литература, наука и др.), и не трансформируя их содержательно, а изменяя структурно и дополняя. Культур-

ное пространство становится более богатым и современным, отвечающим требованиям времени, а значит, имеющим больше шансов на устойчивость и развитие. Правда, ИИ еще не способен создавать что-то новое, продуцируя объекты на основе анализа имеющегося культурного фонда, однако он постоянно развивается и обретает новые возможности.

Значительно изменить роль ИИ как компонента культурного пространства, механизма трансляции и инструмента создания культурных объектов смог бы сильный ИИ, будь он создан. Однако уже в течение нескольких десятилетий формирование ИИ, способного полностью повторить и заменить человека, постоянно откладывается.

Итак, являясь инструментом научного, информационного, культурного пространства, ИИ представляет собой потенциальный инструмент сохранения и развития культуры, который уже действует и постепенно всё в большей степени включается в систему культурной трансляции. Слабый ИИ используется людьми для обеспечения собственных нужд; испытывая потребность в сохранении и трансляции культуры, человек приспособил ИИ как помощника в данном деле, используя его во многих сферах: для обеспечения доступа к культурным богатствам большому количеству людей, поддержания культурных объектов в соответствующем виде, создания масштабных цифровых моделей культурных объектов, культурного развития современного человека, формирования и изменения информационного культурного пространства, онлайн-культуры и т.п. Системы ИИ, будучи внедрёнными в культурную сферу, обеспечивают технически точное сохранение культурных богатств и удобную передачу их желающим для ознакомления и изучения. Активность использования ИИ в сфере сохранения и трансляции культуры доказывает внимание к данной проблеме человека, который в настоящий момент руководит процессом и определяет использование ИИ. Одновременно искусственный разум сам становится частью, феноменом культуры, дополняя её традиционные

элементы, сочетаясь с ними, обеспечивая инновационную составляющую и непрерывное развитие культуры как факторы её устойчивости.

Литература

1. Беликова Е.К. Проблема отнесения искусственного интеллекта к числу современных феноменов культуры // Общество: философия, история, культура. 2024. № 2. С. 60–65.
2. Вешнева И.В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. № 4. С. 428–438.
3. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. – 160 с.
4. Горбунова А.С., Арбузова А.А. Сравнение виртуальных музеев, существующих в реальности и музея только в цифровом пространстве // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПО-ИСК). 2022. № 1. С. 937–939.
5. Дружинина А.А. Роль искусственного интеллекта в современной реставрационной науке // Вестник ГГУ. 2023. № 4. С. 41–53.
6. Крылова М.Н. Вопрос о соотношении традиционных и новационных элементов в культуре и его решение в современном научном пространстве // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2023. № 3. С. 17–23.
7. Маркова Е.С., Пронин К.М. Искусственный интеллект: риски и угрозы // Инновационная экономика и право. 2022. № 2 (21). С. 30–38.
8. Охупкина В.А. Социокультурные риски процесса роботизации // Политехнический молодежный журнал. 2019. № 8 (37). С. 3.
9. Романова И.Н. Внедрение технологий искусственного интеллекта: анализ вероятных рисков и возможных угроз // Материалы Ивановских чтений. 2021. № 4 (35). С. 15–18.

10. Якушинский Н.А. Европейский опыт оцифровки культурного и научного наследия // Труды института бизнес-коммуникаций. Научное издание / под общ. ред. М.Э. Вильчинской-Бутенко. – СПб.: СПбГУПТД, 2019. – С. 92–105.
11. McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // Communications of the ACM. 1960. Т. 3. № 4. Р. 184–195. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/recursive.pdf>.
12. Searle J.R. Minds, brains and programs // Behavioral Sciences. – 1980. – № 3. – Р. 415–431.

TRANSFORMATION OF METHODS OF CULTURAL TRANSMISSION IN THE CONTEXT OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Romanovskii G.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)

The article discusses some ways of using artificial intelligence (AI) to preserve culture and pass it on to next generations. It is noted that AI, due to its manufacturability, has significant potential in the field of cultural translation, while its use depends on the person whose needs, including in the cultural sphere, are served by AI. Through AI, it is possible to digitize cultural objects and phenomena, ensure their preservation, make them more accessible to people, attract the attention of wide sections of the population to them, promoting and broadcasting culture. At the same time, AI itself is a cultural phenomenon that contributes to its development and dynamics. With the help of AI and neural networks, the cultural space is replenished, works of digital art are created, which become full-fledged components of the cultural field, without displacing traditional components.

Keywords: artificial intelligence, culture, cultural preservation, cultural transmission, cultural phenomenon, society.

References

1. Belikova E.K. The problem of classifying artificial intelligence as a modern cultural phe-

- nomenon // Society: philosophy, history, culture. 2024. No. 2. P. 60–65.
2. Veshneva I.V. Artificial intelligence technologies: classification, limitations, prospects and threats // News of Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Right. 2023. Т. 23. No. 4. pp. 428–438.
3. Glossary on the information society / under general. ed. Yu.E. Khokhlova. – M.: Institute for the Development of the Information Society, 2009. – 160 p.
4. Gorbunova A.S., Arbuzova A.A. Comparison of virtual museums that exist in reality and a museum only in the digital space // Young scientists – development of the National Technology Initiative (SEARCH). 2022. No. 1. P. 937–939.
5. Druzhinina A.A. The role of artificial intelligence in modern restoration science // GSU Bulletin. 2023. No. 4. P. 41–53.
6. Krylova M.N. The question of the relationship between traditional and innovative elements in culture and its solution in the modern scientific space // Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University. 2023. No. 3. P. 17–23.
7. Markova E.S., Pronin K.M. Artificial intelligence: risks and threats // Innovative Economics and Law. 2022. No. 2 (21). pp. 30–38.
8. Okhapkina V.A. Sociocultural risks of the robotization process // Polytechnic youth magazine. 2019. No. 8 (37). S. 3.
9. Romanova I.N. Introduction of artificial intelligence technologies: analysis of probable risks and possible threats // Materials of the Ivanovo Readings. 2021. No. 4 (35). pp. 15–18.
10. Yakushinsky N.A. European experience in digitizing cultural and scientific heritage // Proceedings of the Institute of Business Communications. Scientific publication / edited by. ed. M.E. Vilchinskaya-Butenko. – St. Petersburg: SPbGUPTD, 2019. – pp. 92–105.
11. McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // Communications of the ACM. 1960. Т. 3. No. 4. R. 184–195 [Electronic resource]. – URL: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/recursive.pdf>.
12. Searle J.R. Minds, brains and programs // Behavioral Sciences. – 1980. – No. 3. – P. 415–431.

Метафизические течения и их роль в трансформации культурологических интерпретаций дуализма света и тьмы: онтологический и эпистемологический аспекты

Сидоров Александр Игоревич,

аспирант кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
E-mail: sidai@bk.ru

В этой статье автор предлагает взглянуть на параллелизм между историей культурных интерпретаций света и историей метафизики. Основное предположение заключается в том, что представление о свете, характерное для конкретной эпохи, всегда отвечает на вопрос о соотношении света и тьмы, а также их многочисленных аналогий: зрения и слепоты, знания и незнания, позитивности и негативности, блага и зла. По ходу работы выявляются два подхода интерпретации света: в первом подходе, онтологическом, свет является прежде всего причиной или основанием, во втором, эпистемологическом, – оказывается эффектом взаимодействия сил. Также обосновывается необходимость создания теоретических сборок, в которых эти два подхода могут существовать одновременно.

Ключевые слова: свет, зрение, незнание, оптикоцентризм, трансцендентализм, онтология, эпистемология, философия культуры, диалектика.

Свет традиционно занимал значимое место в философских размышлениях, символизируя религиозный, метафизический и эпистемологический идеал. Однако, менее очевидно, как различные интерпретации света могут соответствовать изменениям в основных метафизических вопросах различных эпох. Целью данной статьи является анализ связи между культурными и философскими взглядами на свет и развитием метафизической мысли на примере двух основополагающих перспектив: онтологии и эпистемологии.

В рамках онтологического подхода, свет часто ассоциируется с абсолютным, божественным началом, которое является источником всего сущего. Эта концепция особенно ярко представлена в христианской теологии и неоплатонизме, где свет выступает как символ истины и духовной чистоты (пожалуй, наиболее ярко в трактате «О божественных именах» Дионисия Ареопагита). С другой стороны, эпистемологический подход подчеркивает динамичность и процессуальность света, его зависимость от условий наблюдения и восприятия. Философы, такие как Морис Мерло-Понти в своей работе «Феноменология восприятия», полагают, что свет является не столько сущностью, сколько медиумом, через который происходит восприятие мира: «Всякий акт видения мной какого-нибудь объекта мгновенно подхватывается всеми объектами мира, которые вовлечены в это видение как в нем сосуществующие, так как каждый из них есть все то, что другие «видят» в нем. Поэтому наша первоначальная формулировка должна быть пересмотрена: сам дом – это не дом, видимый ниоткуда, но дом, видимый отовсюду. В завершенном виде объект сверхпрозрачен, он пронизан наличной бесконечностью взглядов, ко-

торые перекрещиваются в его глубине и ничего не оставляют там скрытым» [1, с. 103].

Онтологическая традиция древнее: ее истоки можно найти в мифологии и религиях, с их повторяющимся противостоянием света и тьмы. Эпистемологическая традиция возникает в Новое Время и представляет собой синтез концептуального аппарата схоластики и некоторых идей ренессанса (гуманизм, изобретение прямой перспективы, становление эмпирической науки), который проходит через метафизику Декарта и трансцендентальную философию Канта к современной феноменологии, философии сознания и квантовой теории.

Исторически, концепция света связана с созданием мира, где свет отвечает за создание и конец всего сущего. Однако часто свет ассоциируется лишь с его физическим происхождением, например, с огнём, солнцем, или удалёнными звёздами, которые излучают не только свет, но и тепло. Тем не менее, свет отличается от своего источника. Отличается он также и от тел, которые он освещает, и от их тепла. *Главная уникальность света заключается в его способности проявлять или даже создавать различие.* Свет подчёркивает фундаментальное разделение между воспринимающим и объектом восприятия, между материальным и идеальным.

Если в ранних традициях, вроде египетской мифологии и зороастризма, свет прочно ассоциировался со своим источником, то в греческом мышлении концепция света гораздо сложнее: здесь он занимает промежуточное положение между предельным и беспредельным [7, с. 40]. Согласно Платону, сущее так относится к Благу, как видимые вещи относятся к солнцу – без него они не существуют и не могут быть постигнуты. Свет выступает здесь в двойном значении: как чувственная форма, отсылающая к сверхчувственной идее идей, и как посредник между объектом и разумным «взглядом» [5, с. 517b-e]. Вещи видимы «в свете» чего-то третьего, не являющегося ни познающим, ни познаваемым. Если воспользоваться «мифом о пеще-

ре» из Государства, то свет костра позволяет вещам отбрасывать тень, но его недостаточно, чтобы раскрывать сущность вещей. Наивная вера в образы ведет к заблуждениям. Увидеть вещи можно лишь взором разума, полностью отказавшись от аналогии чувственного и интеллектуального. Но как это возможно? Достаточно довести чувственность до предела, где она сама проявит свою неадекватность. Выражением этого предела оказывается солнце, свет которого настолько интенсивен, что кажется темнотой: «Всякий человек видит тело Солнца, душу же его никто не видит» [4, с. 897d-898e]. Человек, созерцающий солнце, не способен выдержать его интенсивность и понемногу слепнет, равно как пытающийся помыслить бытие-само-по-себе, вынужден признать, что оно немислимо (вспомним, диалог Парменид).

Метафора ослепления маркирует переход от чувственного познания к интеллектуальному. В диалоге «Тимей» Платон говорит, что глаз – это тело, где находится «огонь, не имеющий свойства жечь, но изливающий мягкое свечение» [4, с. 45b]. Таким образом, зрение возможно благодаря *смещению* внешнего (природного) света с внутренним (интеллектуальным): имея общий исток, они вторично соединяются в предмете.

Можно предположить, что платоническая онтология света, по крайней мере по своей структуре, предвосхищает идею эманации у Плотина, полагающую весь мир как «истечение» Единого. Это направление получает дальнейшее развитие у Августина, Василия Великого [7, с. 37], Григория Нисского [7, с. 132] и Псевдо-Дионисия Ареопагита [7, с. 129]. Однако у них на первый план выходит человек, обладающий особым местом в иерархии сущего, и благодаря этому способный на восхождение к божественному свету. Кроме того, закрепляется деление света на телесный и умопостигаемый. Проблематизируется способность человека к познанию умопостигаемого света в его тотальности. Ареопагит, в частности, разработал учение о «божественном Мраке» как о невидимом и неприступном свете, в котором обитает Бог.

Не будет преувеличением сказать, что эпистемологическая традиция возникла в Новое время как аберрация классического представления о свете. Рене Декарт использовал схоластический концептуальный аппарат сущностей, но придал ему совершенную новую, трансцендентальную динамику. Мыслящее Я он вывел из простого акта мышления – *cogito*. Далее, он заключает, что Я присущее *благоразумие* как естественный свет ума (*lumen naturale*), принадлежащим к врожденным способностям человека. Однако процедура отыскания собственного Я приводит Декарта, как ни странно, к обнаружению в его основании непроницаемой темноты. «Неведомое мне мое я» [1, с. 25] оказывается парадоксальным местом, лишенным света, но также излучающим свет вовне. Это недоразумение потом будет узаконено Кантом в его различии рассудка и разума: в опыте сознания разум дается сугубо отрицательно и опосредованно – через рассудочное конструирование понятий. Аналогия света и блага, характерная для платонизма и христианства, отходит на второй план, уступая аналогии света и власти. В определенном смысле, свет в Новое Время становится техничным и даже индустриальным – как и сама материя, превратившаяся из первоначала в источник ресурсов. Платой за это стала утрата интимности в отношении с миром и Богом. А.Ф. Лосев, как известный неоплатоник, высказался на эту тему довольно категорично: «Нельзя любить при электрическом свете; при нем можно только высматривать жертву. Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предьявлять вексель» [2, с. 79].

В XX веке М. Хайдеггер совершил своеобразное возвращение к онтологии света через понятие феномена. Философ утверждал, феномен (от греч. φῶς – свет, ясность) есть отнюдь не просто видимость, а скорее необходимый вид, облик, в котором некое сущее показывает себя [6, с. 28–31]. Свет вновь оказывается онтологической структурой, обеспечивающей возможность встречи *Dasein* с другими сущими.

Параллельно с феноменологией, современное естествознание сформулировало проблему корпускулярно-волнового дуализма, в которой свет является свет одновременно потоком частиц и электромагнитной волной. Затем, в квантовой механике, эта идея была обобщена до дуализма энергии. Становится очевидно, что исследования, проводимые в рамках квантовой физики, высвобождают свет из-под власти оптических аналогий, представленных онтологической традицией, и открывают в нем тотальность, для которой «слепота» наблюдателя является не результатом восхождения по иерархии сущего, а исходным пунктом. Свет оказывается одновременно и материальной частицей, и нематериальной волной, вплоть до самого момента его «считывания». Так, например, апеллируя к современному естествознанию, Д. Харауэй и К. Барад стремятся представить обобщенную материалистическую и перформативную эпистемологию, не отсылающую к предустановленным сущностям [9, с. 86]. Успех такой перформативной теории может привести к обратному «заколдовыванию» явлений природы (в том числе чувственно воспринимаемого света) с помощью конечных, повседневных практик. Это провоцирует, в конечном счете, появление новых социальных форм, построенных на множественном отношении к природе и сохраняющих, при должной гибкости, необходимую инструментальность природных сил.

Онтологические интерпретации света в философии часто воспринимают его как фундаментальную сущность, имеющую ключевое значение для понимания структуры реальности и бытия. В контексте онтологии, свет рассматривается не просто как физическое явление, но как первопричина и основа существования, символ божественного и источник духовного просветления. Философы вроде Платона и Плотина видели в свете отображение высших, абсолютных идей или форм, играющих центральную роль в организации и осмыслении видимого мира. Свет, таким образом, оказывается неотъемлемым компонентом в любой

теории, задающейся целью разгадать загадки бытия и эссенциальные аспекты реальности, предоставляя мост между физическим миром и метафизическими понятиями. Развертывание света оказывается серией диалектических превращений, наподобие тех, что выпадают на долю бытия в системе Гегеля. Свет оказывается не только «между» вещами, но внутри самих вещей, выступая как на стороне позитивной формы, так и на стороне негативности. В альтернативной позиции (эпистемологической) свет зависит от способностей субъекта и является либо корреляцией, либо эффектом трансцендентных сил.

Эпистемологические интерпретации света в философии акцентируют внимание на роли света как инструмента восприятия и познания мира. С этой точки зрения, свет не рассматривается как независимая сущность, а выступает как средство, через которое формируется наше восприятие реальности. Философы вроде Иммануила Канта и Мориса Мерло-Понти изучали, как свет определяет условия нашего взаимодействия с окружающим миром, модулируя наши сенсорные восприятия и разумные подходы к интерпретации видимого. В таком контексте, свет становится не просто физическим явлением, но ключевым фактором в процессе познания, подчеркивающим динамическое взаимодействие между субъектом и объектом, между материальным видом и возможностями понимания реальности. Эта перспектива делает свет центральным элементом в исследовании того, как мы концептуализируем и осмысливаем мир через призму наших знаний и культурных конструкций. Таким образом, эпистемологическая позиция предполагает отказ от универсальной «метафизики света» в пользу ситуативной «ясности». Вместе с тем, свет оказывается явлением парадоксальным и множественным, манифестирующим себя не как сущность, характерный для онтологического подхода, а, скорее, как «отсутствующая структура» [8] – нечто, что необходимо как допущение, но вместе с тем не может быть адекватно помыслено отдельно от своих эффектов.

Сравнительный анализ данных подходов показывает, что несмотря на их различия, оба они предоставляют важные инсайты для понимания культурных и философских смыслов, ассоциируемых со светом. Онтологический подход акцентирует внимание на свете как на стабильной, неизменной основе бытия, в то время как эпистемологический видит его в более изменчивом и субъективном контексте. Синтез онтологических и эпистемологических подходов представляется необходимым для создания более полной теоретической модели света. Такой синтез может способствовать развитию новых философских и культурных теорий, объединяющих объективные и субъективные аспекты восприятия.

Литература

1. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1994, Т. 2.
2. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999.
4. Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
7. Шишков, А.М. Метафизика света. Очерк истории. – СПб.: Алетейя, 2012.
8. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2006.
9. Barad, K. Meeting the Universe Halfway. Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Duke University Press, 2007.

METAPHYSICAL MOVEMENTS AND THEIR ROLE IN THE TRANSFORMATION OF CULTURAL INTERPRETATIONS OF THE DUALISM OF LIGHT AND DARKNESS: ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL ASPECTS

Sidorov A.I.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

In this article the author proposes to look at the parallelism between the history of cultural interpretations of light and the history of metaphysics. The basic assumption is that an epoch-specific representation of light always answers the question of the relationship between light and darkness, as well as their many analogies: vision and blindness, knowledge and ignorance, positivity and negativity, good and evil. Generally, two approaches to the interpretation of light are identified: in the first approach, ontological, light is primarily a cause or foundation; in the second, epistemological, it is the effect of the interaction of forces. Also, the article justifies the need for theoretical assemblies in which these two approaches can exist simultaneously.

Keywords: light, vision, ignorance, optocentrism, transcendentalism, ontology, epistemology, philosophy of culture, dialectics.

References

1. Descartes, R. Works in 2 volumes. – M.: Mysl, 1994, T.2.
2. Losev, A.Ф. Dialectics of myth. – M.: Mysl, 2001.
3. Merleau-Ponty, M. Phenomenology of perception. – St. Petersburg: Yuventa; Science, 1999.
4. Plato. Laws. – M.: Mysl, 1999.
5. Plato. Collected works in 4 volumes. – M.: Mysl, 1994.
6. Heidegger, M. Being and time. – M.: Ad Marginem, 1997.
7. Shishkov, A.M. Metaphysics of light. Essay on history. – St. Petersburg: Aletheya, 2012.
8. Eco, U. Missing structure. Introduction to semiology. – St. Petersburg: Symposium, 2006.
9. Barad, K. Meeting the Universe Halfway. Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Duke University Press, 2007.

Социально-философский анализ влияния культурологических факторов на патриотические настроения в российском обществе 2000–2023 гг.

Стычинский Максим Сергеевич,

к.ф.н., Государственный академический университет гуманитарных наук

E-mail: stichinsky@gmail.com

Введение. В целях воспитания чувства патриотизма на государственном уровне проводится комплекс мероприятий, включая практики включения данных элементов в образовательный процесс. В то же время результативность принимаемых мер в данном направлении требует постоянной синхронизации с ключевыми тенденциями происходящих в обществе процессов, учитывая условия существования в эпоху информационного общества с его стремительным характером происходящих изменений. *Теоретический анализ.* В статье проанализированы ключевые культурные и философские аспекты реализации политики воспитания патриотизма. Показана взаимосвязь между происходящими событиями как внутри страны, так и на уровне внешнеполитических связей, и уровнем патриотических настроений в обществе. В исследовании отражена динамика настроений в обществе по рассматриваемому вопросу в период с 2000 по 2023 год.

Заключение и выводы. Патриотизм играет важное значение в формировании национального самосознания и идентичности граждан, выступая связующим звеном для установления целостной системы государства. Кроме того, информационная политика имеет значительное влияние на мнения граждан, наряду с государственными программами по воспитанию патриотизма в российском обществе.

Ключевые слова: патриотизм, идентичность, культурная политика, культурные ценности, информационное общество.

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Введение

Патриотизм играет ключевую роль в формировании национального самосознания и идентичности граждан. Он чаще всего ассоциируется с приверженностью к Родине, уважением к ее культуре, истории, природным ландшафтам и территориальным границам. Существует множество толкований патриотизма, которые обусловлены сложностью полного понимания внутренних процессов общества через призму отдельного элемента этой системы. Поскольку мы не можем выйти за пределы этой системы физически, существуют понятия, для которых человечество не способно дать окончательные и полные определения.

Патриотизм не передается наследственным путем через гены, он требует обучения и передачи, как явной, так и неявной, через социокультурную среду. Патриотизм – это комплексное чувство к своей стране, основанное на обязанности сохранения культурного наследия и традиций, передаче их будущим поколениям. Он подразумевает чувство принадлежности к государству, готовность защищать его интересы и отстаивать свою национальную идентичность [1, с. 56].

Теоретический анализ

Одно из ключевых общественных учреждений, ответственных за формирование патриотического воспитания, представляет собой образовательная система на всех уровнях. Крайне необходимо, чтобы ценности и принципы, которые передаются в сфере образования, были ясными и соответствовали текущим социально-политическим и экономическим условиям. В реалиях современного информационного общества данные аспекты обретают особое значение.

Сегодняшнее время требует от системы патриотического воспитания тес-

ной связи с основными ценностями и культурными нормами, интегрируя в них мировые события и привнося их в национальную перспективу развития российского общества. Учитывая разнообразие источников информации в цифровом пространстве, где каждый может по-своему интерпретировать текущие события, перед государством, реализующим программу культурной политики, возникают новые вызовы, которые требуют поиска актуальных и своевременных решений [2, с. 290].

Основу патриотической деятельности можно сформулировать как «высший уровень социального бытия личности (группы, общности), который определяется ценностными приоритетами «дальнего», то есть интересами страны, народа, в пределе – человечества по отношению к «ближнему» – действий и оценки окружающей среды, конкретных ситуаций, личных или корпоративных интересов» [3, с. 98].

Одним из важных и эффективных аспектов патриотической деятельности является проведение работы по патриотическому воспитанию различных слоев населения. Данная деятельность представляет собой комплексную систему образовательных, социальных и других мероприятий, реализуемых государственными органами и специализированными организациями на различных уровнях [4, с. 108].

Поскольку объект изучения не может быть вырван из контекста, из системы взаимодействия с другими элементами, для возникновения полной картины мира не менее важной задачей патриотического воспитания также является формирование определенного отношения к другим странам: дружественным или не очень. Прежде всего, этот процесс осуществляется через изучение истории своей страны во всем ее богатом разнообразии отношений и исторических событий, отражающих взаимодействие со странами-партнерами [5, с. 18].

Важное значение в целях воспитания патриотизма играет историческая, культурная и коллективная память. Каждый человек выступает носителем мно-

жества различных идентичностей, обусловленных различными областями его профессиональной и иной деятельности, а также другими личными интересами. В этом множестве идентичностей, с точки зрения иерархии, одну из ключевых позиций как правило занимает национальная идентичность: я – русский, я – казах, я – китаец и т.п. Именно эта идентичность в первую очередь выходит на первый план при взаимодействии на международном, межкультурном уровне [6, с. 104]. Патриотизм напрямую связан и оказывает ключевое влияние на формирование национальной идентичности, а в более общем плане – на поддержание целостности системы национального единства, что является одним из условий сохранения суверенности, культурной и, соответственно, ценностной автономии.

Вопросы патриотизма также тесно связаны с текущей ситуацией как на международном уровне, так и на внутригосударственном уровне. Обратное внимание привлекает факт того, что некоторые западные страны используют различные информационные ресурсы для дестабилизации ценностей российского общества, включая искажение исторических событий, принижение роли России в мировой истории, а также подрыв памяти о победах и достижениях [7, с. 20].

По данным опросов, проводимых ВЦИОМ, в число самых популярных ответов на вопрос «что означает быть патриотом?» входят следующие: любить свою страну; работать и действовать во благо, для процветания страны; защищать свою страну от любых нападков и обвинений; стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее; говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была, считать себя частью страны; считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны [8]. Опрос на тему патриотизма проводится с определенной периодичностью с 2000 года, что позволяет отследить динамику в ответах респондентов, отражающую настроение и отношение граждан к вопросу.

Так, ответ «Любить свою страну» имел пиковое значение (72%) в 2014 г., после чего показатели начали снижаться, достигнув своего минимума в 2020 г. (47%), в 2023 году ответ не предлагался для выбора. «Работать и действовать во благо, для процветания страны» набрал в 2022 и 2023 годах 50% и 48% голосов соответственно, что является самым высоким значением, тогда как минимальные значения были достигнуты в 2010 (26%). Следует подчеркнуть, что в 2023 году данный ответ превалировал для категории «35–44 года», наименьшие показатели у категории «60+». Ответ «Защищать свою страну от любых нападков и обвинений» демонстрирует наиболее высокие показатели в 2014 (33%), 2022 (44%) и 2023 (38%), самые низкие – в 2000 (25%). В 2023 году данный ответ превалировал для категории «45+», наименьший показатель у категории «25–34 года». «Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее» (в 2023 году вариант ответа звучал как «Стремиться улучшить положение дел в стране») – получил максимальное количество ответов в 2018 (39%), меньше всего в 2000 (24%), а в 2023 таким образом ответили 31% респондентов, среди которых превалировали граждане в возрасте 18–24 года.

Начиная с 2020 года отмечается рост количества ответов «Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» – 29%, достигший своего максимума в 2023 (32%). В большей степени так ответили представители возрастной категории 18–24 года. Наименьшие значения отмечались в 2000 году. Среди других популярных ответов стоит также отметить предложенный в 2023 году вариант ответа «Считать себя частью страны», набравший 32%, в основном у категории 25–34 года. Также обращает на себя внимание ответ «Считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны», достигший максимума в 24% в 2014 году, что, вероятно, связано с присоединением Крыма и негативной реакцией со стороны мирового сообщества, минимума в 2020 году – всего 8%. В 2023 году та-

ким образом ответили 18%, среди которых превалировала категория «60+».

Начиная с 2018 года в стране по результатам опросов ВЦИОМ наблюдается рост количества граждан, в той или иной степени относящих себя к категории патриотов (рис. 1).

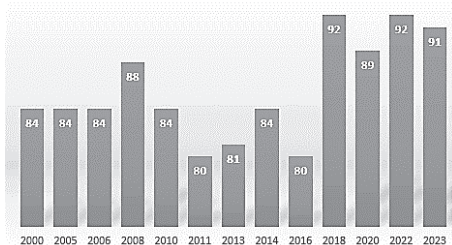

Рис. 1. Процент респондентов, считающих себя патриотами (Percentage of respondents who consider themselves patriots)

Аналогично с этого же периода значительно снижается количество «непатриотов» – с 18% в 2016 до 5% в 2018 и далее. Исключение составляет только 2020 год (8%). Все остальные – затруднились с ответом (рис. 2).

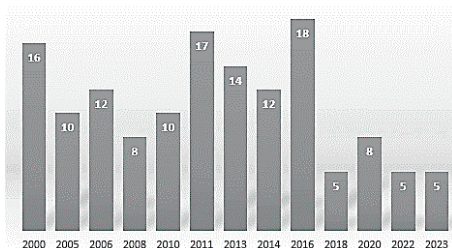

Рис. 2. Доля респондентов, не относящих себя к категории патриотов (The percentage of respondents who do not consider themselves to be patriots)

Отдельный интерес представляет общероссийское движение в память о жертвах и участниках Великой Отечественной войны – Бессмертный полк. Движение было инициировано в 2011 году в Томске и в течение нескольких лет получило большую популярность в масштабах всей страны. За исключением двух лет (2020 и 2021), когда из-за пандемии и противоэпидемиологических мер было принято решение провести ме-

роприятие в онлайн формате, в шестивии ежегодно принимает участие большое количество человек. Уже через 5 лет своего существования в мероприятии приняло участие более 6 млн человек, достигнув своего максимума в 2022 году (рис. 3). В 2023 году традиционное шествие было отменено в целях безопасности и состоялось в других различных форматах (онлайн, автопробег и т.п.) [9].

Рис. 3. Данные по количеству участников мероприятия «Бессмертный полк» (Data on the number of participants of the Immortal Regiment event)

Заключение и выводы

Исследование показывает, что помимо государственных инициатив и программ, направленных на формирование патриотизма среди жителей России, огромное влияние на их эмоциональное состояние оказывает общий информационный фон, создаваемый СМИ, СМК, новыми медиа. Укрепление чувства патриотизма происходит в моменты, когда страна достигает значимых результатов, высоко оцененных как внутри страны, так и за ее пределами: победы в соревнованиях, спортивные успехи, успешная реализация крупных проектов, оказание помощи нуждающимся и прочее. В такие моменты граждане ощущают гордость за свою страну, переживают единство с происходящими событиями и достижениями на уровне своей идентичности. Другим стимулом для возрождения патриотических чувств может стать присутствие общего врага или угрозы, перед которыми требуется объединение усилий для защиты дома и родины.

При этом крайне важным представляется реализация программы воспита-

ния патриотизма на постоянной основе, позволяющей за рамками всплеска чувства любви к Родине поддерживать достаточно высокий общий уровень патриотических настроений. В этом отношении важное значение имеет реализуемый федеральный проект: «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (01.01.2021–31.12.2024). В его рамках проводится множество мероприятий патриотической направленности, включая развитие воспитательной работы в образовательных организациях.

Литература

- Шагбанова Х.С. Патриотизм как социокультурная доминанта // Общество и государство. 2023. № 1. С. 56–60. DOI:10.24412/2224-9125-2023-1-56-60.
- Фролова С.М. Информационно-коммуникационные технологии в контексте современного развития общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. № 3. С. 288–292.
- Вырщиков А.Н. Сущность понятия «патриотическая деятельность»: теоретические основания // Проблемы современного образования. 2019. № 5. С. 96–101.
- Кукубаева А.Х., Литвинова Е.П. Воспитание патриотизма как фактор развития самосознания народа // Наука и реальность. 2021. № 2 (6). С. 107–111.
- Беспалова Т.В. Роль государственного и народного патриотизма в сохранении культуры и русской цивилизации // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4. С. 17–21.
- Стьчинский М.С. Культурно-цивилизационные факторы трансформации коллективной памяти в информационном обществе // Век глобализации. 2019. № 4. С. 100–107.
- Купин В.Н. Современный патриотизм в зеркале глобальной геополитики // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 20–24.

8. Аналитический обзор ВЦИОМ. Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 05.06.2023).
9. Бессмертный полк: статистика движения // Бессмертный полк. 2023. – URL: <https://www.bessmertnyy-polk.ru/statistika> (дата обращения: 05.06.2023).

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL FACTORS ON PATRIOTIC SENTIMENTS IN RUSSIAN SOCIETY IN 2000–2023¹

Stychinsky M.S.

State Academic University of Humanities

Introduction. In order to foster a sense of patriotism at the state level, a set of measures is being carried out, including the practice of including these elements in the educational process. At the same time, the effectiveness of the measures taken in this direction requires constant synchronization with the key trends of the processes taking place in society, taking into account the conditions of existence in the era of the information society with its rapid nature of the changes taking place. *Theoretical analysis.* The article analyzes the key cultural and philosophical aspects of the implementation of the policy of education of patriotism. The interrelation between the events taking place both inside the country and at the level of foreign policy relations, and the level of patriotic sentiments in society is shown. The study reflects the dynamics of public sentiment on the issue under consideration in the period from 2000 to 2023.

Conclusion. Patriotism plays an important role in the formation of national identity and identity of citizens, acting as a link to establish an integral system of the state. In addition, information policy has a significant impact on the opinions of cit-

izens, along with government programs to foster patriotism in Russian society.

Keywords: patriotism, identity, cultural policy, cultural values, information society.

References

1. Shagbanova Kh.S. Patriotism as a sociocultural dominant // *Society and State*. 2023. No. 1. P. 56–60. DOI:10.24412/2224-9125-2023-1-56-60.
2. Frolova S.M. Information and communication technologies in the context of modern development of society // *News of Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2022. No. 3. pp. 288–292.
3. Vyreshchikov A.N. The essence of the concept of “patriotic activity”: theoretical foundations // *Problems of modern education*. 2019. No. 5. pp. 96–101.
4. Kukubaeva A.Kh., Litvinova E.P. Education of patriotism as a factor in the development of self-awareness of the people // *Science and reality*. 2021. No. 2 (6). pp. 107–111.
5. Bespalova T.V. The role of state and people's patriotism in the preservation of culture and Russian civilization // *Cultural life of the South of Russia*. 2018. No. 4. pp. 17–21.
6. Stychinsky M.S. Cultural and civilizational factors of transformation of collective memory in the information society // *Century of Globalization*. 2019. No. 4. pp. 100–107.
7. Kupin V.N. Modern patriotism in the mirror of global geopolitics // *Russia in the global world*. 2015. No. 7 (30). pp. 20–24.
8. Analytical review of VTsIOM. Patriotism: monitoring // VTsIOM. 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (access date: 06/05/2023).
9. Immortal Regiment: movement statistics // *Immortal Regiment*. 2023. – URL: <https://www.bessmertnyy-polk.ru/statistika> (access date: 06/05/2023).

¹ The article was prepared at the State Academic University of Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic no. FZNF-2023–0003 «Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history»).

Структура научной рациональности в историко-философской реконструкции

Бакин Сергей Анатольевич,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: sirius.bakin@gmail.com

Обращение к исследованию трансформации структур научной рациональности в истории познания представляется актуальным в связи с расширением когнитивного инструментария инновационной деятельности, внедрением технологий ИИ в систему развития науки. Цель статьи – историко-философской реконструкция становления классической модели научного познания и ее трансформации на основе анализа представлений о структуре рациональности в истории философской мысли. Методологическую основу исследования составляют аналитический подход к становлению логической структуры научной рациональности в разные исторические эпохи развития общества. Особое внимание уделено истокам классической науки в Античности. На базе трудов Аристотеля выделены основные принципы классической структуры научной рациональности. Показано развитие этой модели в трудах основателей рационализма в Новое время и ее трансформация в неклассической науке. В заключение подчеркивается многомерность структуры неклассической модели научной рациональности, ее открытость в отношении включения новых субъектно-объектных взаимосвязей в процесс развития научных знаний.

Ключевые слова: научная рациональность, история познания, философская мысль, научная теория, логическая структура, реконструкция, классический рационализм, неклассическая наука.

Введение

Сравнительный анализ структур научной рациональности в историко-философском ключе связан с актуальными вопросами, которые возникают вокруг прогнозирования основных тенденций развития современной науки. Характерная черта цифрового общества – быстрое развитие и внедрение в систему познания технологий искусственного интеллекта, которые оказывают существенное влияние на наши представления о структуре научной рациональной деятельности.

На протяжении последних двух тысяч лет философская мысль обращается к вопросу, что есть рациональность и к чему ее можно было бы свести для однозначного восприятия всеми участниками научного сообщества. Так, философская поэма Парменида «О природе» содержит центральную идею о единстве и неподвижности бытия, что подчеркивает умственную рациональность и надежность рассудка как основу познания. По мнению древнегреческого философа, через разум человек способен добраться до истины и понять сущность мира, отвергая противоречия и неопределенность, которые могут возникать из чувственного восприятия. Таким образом, он поддерживал превалирование рационального мышления над сенсорным и утверждал, что только через разум человек способен истинно познать мир [1].

Сократическая традиция также уделяет внимание проблеме рациональности. Для Сократа важно выявить понятия, достаточные и необходимые для такого образа жизни, который мог бы пониматься как добродетельный, где рациональность проявляется в поступках человека, может и должна быть связана с духовными усилиями преодоления несовершенства жизни [2]. Платон, утверждая учение о мире идей, говорит о рациональности знания мира умопо-

стигаемого в противовес миру феноменов, постигаемом чувственно [3].

Цели статьи определяются исследовательской установкой на анализ основных тенденций развития науки, эволюцию структуры научной рациональности. Задачи статьи связаны с историко-философской реконструкцией становления классической науки, выявлением специфики перехода к неклассическому периоду развития научного познания.

Методологическую основу данного исследования составляют аналитический подход к содержанию принципов научной рациональности в разные исторические эпохи развития общества, компаративный подход к структуре научной рациональности.

Представление о структуре научной рациональности в Античной философии

В современной литературе в качестве источника, предопределившего во многом контуры классической научной рациональности, характерной как для античного, так и для нового времени, указывается труд Аристотеля (в частности, Вторая Аналитика, книга первая) [4]. Так, Г. Шольц в реконструкции классической модели науки показывает, что ее теоретическая основа представлена во Второй Аналитике Аристотеля. Основное содержание классической модели науки может быть сведено к системе постулатов, обладающих следующими свойствами [5].

1. Предложения делятся на аксиомы и теоремы.
2. Термины, встречающиеся в этих предложениях, делятся на примитивные и производные, зависящие от них.

Примитивные предложения должны соответствовать критериям:

1. Должны быть очевидны и, следовательно, недоказуемы.
2. Должны быть адекватными в том смысле, что помимо них правила логики – это все, что требуется для доказательства теорем.

Исходные термины должны удовлетворять следующим условиям:

1. Должны быть понятны и, следовательно, не поддаваться определению.
2. Должны быть адекватными в том смысле, что, кроме них, для построения производных терминов требуются только определенные операции объединения.

Г. Шольц полагал, что представленная модель реконструирует не только концептуальную основу науки Аристотеля, но и в целом, древнегреческую аксиоматическую теорию – изучение элементов любой точной науки, то есть любой науки, использующей математику в качестве образца. Справедливым будет отметить, что реконструируемая модель, носит явное влияние современной аксиоматики и математики, в выводимой модели более очевидно отражение аксиоматики Д. Гильберта, чем самой классической “греческой” аксиоматики. Таким образом, Г. Шольц рассматривал модель прежде всего как краткое изложение взглядов Аристотеля, которая в то же время представляет свою реконструкцию в качестве модели, которая может быть использована для понимания важных аспектов структуры и понимания классической науки. Хронологически следующей попыткой уточнить реконструкцию модели классической науки на основе Второй Аналитики Аристотеля, была предпринята Э. Бетом в 1960-е годы [6].

Согласно Аристотелю, научная теория строится дедуктивно и представляет собой систему предложений, которая удовлетворяет определенным постулатам.

1. Любое предложение, принадлежащее S, должно относиться к определенной области реальных объектов.
2. Любое предложение, принадлежащее S, должно быть истинным.
3. Если определенные предложения принадлежат S, любое логическое следствие из этих предложений должно принадлежать S.
4. Для S существует (конечное) число членов, таких, что:
 - a. значение этих терминов настолько очевидно, что не требует дальнейших объяснений;

- b. любой другой термин, встречающийся в S , может быть определен с помощью этих терминов.
- 5. Для S имеется (конечное) количество предложений, так что:
 - a. истинность этих предложений настолько очевидна, что не требует дополнительных доказательств;
 - b. истинность любого другого предложения, принадлежащего к S , может быть установлена путем логического вывода, исходя из этих предложений.

Систематизация постулатов аристотелевской научной теории, данная Г. Шольцем и Э. Бетом содержит ряд различий. Во-первых, Г. Шольц и Э. Бет не разделяли аристотелевские *ordo essendi* и *ordo cognoscendi*. Во-вторых, они оба рассматривают постулат “очевидности” как важнейшее требование концепции науки. Разница в подходах Бета и Шольца заключается в том, что Бет приписывает своей систематизации идейную роль, в то время как Шольц рассматривает ее в первую очередь как реконструкцию теории науки Аристотеля [7].

Мы можем сделать следующий вывод, что рассмотренные модели восходят к оригинальным концепциям Аристотеля, но все же не могут считаться точной реконструкцией аристотелевской научной теории. И, по существу, представляют собой идеализированную структуру, задача которой – систематизировать классическую парадигму научной рациональности. Становится очевидным, что реконструируемые модели должны отражать характер идеала науки и рациональности. Важно отметить, что приверженность классической модели науки не обязывает философа или ученого мыслить только в рамках традиции Аристотеля в вопросах естествознания. Идеалы это модели определяли или существенно влияли на научную рациональность в философии науки с XVI по XVIII век. Отражения этого влияния прослеживаются в понимании науки Ньютоном, Паскалем, Спинозой, Декартом и Лейбницем [8].

Подводя промежуточный итог рассмотренным аспектам научной рацио-

нальности, характерной для античного периода, выделим следующие ее черты.

1. Рефлексивность и критичность мышления: античные философы и ученые стремились анализировать и объяснять окружающий мир с помощью разумных и логически обоснованных аргументов.
2. Открытость: в рамках античной научной рациональности выделялась способность рассматривать различные точки зрения и искать альтернативные подходы к решению проблем.
3. Плюрализм мнений: античные философы активно взаимодействовали друг с другом в дискуссиях и диалогах, чтобы достичь истины через коллективное обсуждение и анализ различных точек зрения.
4. Методологические парадигмы: в античной науке существовали различные методологические подходы к изучению мира, такие как дедуктивный метод, эмпирический метод, метафизический подход и другие.

В целом, античная структура научной рациональности отражала стремление к разумному объяснению и пониманию мира через логику, диалог и критическое мышление.

Представление о структуре научной рациональности в философии Нового Времени

Ключевые идеи о рациональности в науке развиваются в работах Р. Декарта, а затем развиваются в работах Б. Спинозы и Г. Лейбница.

Р. Декарт утверждал, что знание не может быть отождествлено с тем, что постигается вне рассудочной деятельности, что не выводится из интеллектуальной работы человека [9]. Постигаемые разумом истины, раскладываются на элементы, которые интуитивно понятны и доступны, хотя это и является дедуктивным процессом, но в конечном счете приводит к однозначным истинам или истинным представлениям об изучаемой реальности. Таким образом, картезианский метод, однозначно утверждает, что только разумной деятельностью

определяется истинное знание и достижение истины происходит независимо от чувств.

Декарт придерживается убеждения, что только то, в чем можно быть разумно (рационально) уверенным, следует считать научным знанием. Уместно привести цитату, где великий философ разделяет два способа генерации научного знания – опыт и дедукция:

«Мы должны отметить, что, хотя наши представления о вещах часто обманчивы, дедукция или чистое умозаключение одной вещи из другой никогда не может быть ошибочно выполнено интеллектом, который хоть в малейшей степени рационален» [10, с. 12].

Это точное изложение методологического рационализма Декарта. Интуиция обеспечивает основные принципы дедуктивной системы и отличается от дедукции тем, что она не является дискурсивной; она непосредственно постигает объект. Таким образом, метод – это прежде всего применение интуиции и дедукции для упорядоченного достижения знания.

Не существовало рационалистического доктринального кодекса или манифеста, который бы объединил Декарта, Спинозу и Лейбница. Тем не менее, при должной осторожности, можно использовать именно категорию рационализма, чтобы выделить важные точки соприкосновения. К ним относятся доктрина врожденной идеи, применение математических методов в философии, а также вера в априорные принципы и их использование [11].

Мы отметили, что фундаментальный принцип рационализма заключается в том, что мир постижим. Это означает, что все, что происходит в мире, происходит упорядоченным, законным, рациональным образом, и что разум способен мысленно создавать взаимосвязи между вещами при условии, что он придерживается определенных правил правильного рассуждения.

Фундаментальные отличия позиции эмпиризма в науке определяются положением: все знания проистекают из реального опыта и ограничены им. В тра-

диции рационализма не отвергается опыт радикально, как это иногда ошибочно утверждается. Эмпирический путь познания ограничено полезен в практических вопросах, но не формирует необходимой и достаточной основы для получения истинных знаний [12]. Научное знание связано с дедуктивным выводом из основополагающего принципа или набора аксиом, основанного на доскональном изучении, упорядоченном применении идей и принципов, присущих исключительно разуму. Этой точки зрения наиболее последовательно придерживались Б. Спиноза и Г. Лейбниц. Их попытки решить метафизические и эпистемологические проблемы, сформулированные Р. Декартом, привели к формированию классического рационализма [13].

Научная методология И. Ньютона принципиально отличала его от современников и предшественников. Эмпиризм и индуктивизм Ньютона, ведущие свои корни еще от номинализма, не помешали ему утвердить свое стремление к научному синтезу, универсальному и всестороннему познанию фундаментальных принципов природы, а также выделить границу между физикой и метафизикой. Как отмечает, В. Порус, заданные Ньютоном границы научного метода, принятые последователями доктринально, с одной стороны создали непререкаемый почти на два столетия авторитет механистической картины мира и понимания рациональности в ней, но в то же время создали все условия для последующей критики и радикального расширения границ метода, раскрытия чувственного, индивидуального, творческого и художественного в науке [14].

Трансформация представления о структуре рациональности в неклассической науке

Если для Ньютоновской классической механики нужны были успехи в преодолении догматики аристотелевской картины мира при помощи Галилея, то для становления ОТО и квантовой механики нужны были прорывы уже в ньютоновской модели мироздания. Одним из та-

ких великих физиков был Э. Мах, который почти в плотную подошел к вопросам релятивистской физики 20 в., почти за 30 лет до Эйнштейновских открытий, в том числе во многом благодаря отказу от классических установок в геометрии и предположения о неевклидовом характере пространства [15].

В физике стали переосмысливаться вопросы конечности вселенной, открылись новые перспективы развития космологии в исследовании Вселенной и самой природы мироздания как некоего целого [16]. Дисциплины, изучающие процесс становления реальности, заняли главенствующую роль в науке: генетические исследования на молекулярном уровне, успехи «золотого» века микробиологии, ОТО и СТО, волновая механика субатомного микромира и другие [17]. Новые объекты исследования принципиально наблюдаемой реальности, их свойства и нарастающая сложность, повлияли на пересмотр классического представления о научной рациональности.

Предпосылки неклассической науки в области математики были связаны с формированием неевклидовой геометрии в работах Лобачевского и Римана. Одна из первых концепций – гиперболическая геометрия Н.И. Лобачевского не получила должного признания в конце 19 в. Однако геометрия многомерных пространств – Риманова сферическая геометрия – стала математическим инструментом новой физики 20 в., выведшей научную мысль за границы классических представлений о мире и классической структуры научной рациональности [18].

Структура научной рациональности становится центральной проблемой в философии науки 20 в. В критическом рационализме К. Поппера научная рациональность представлена движением через преграды критики и утверждением тех или иных гипотез. Движением это не может закончиться утверждением истины, так как гипотеза может быть отброшена в пользу другой, более удачной, обоснованной, совершенной. В исторической школе Т. Куна каждая научная

парадигма проявляется в контексте ее эпохи и высказывает свои идеалы рациональности, применимые только в рамках этой парадигмы, принятой научным сообществом. Смена парадигмы неизбежно приводит к переосмыслению картины мира или изменению самих стандартов научной рациональности. Для Куна важно разделение критики на рациональную и нерациональную. Рациональная критика не может затрагивать сами основания деятельности, в то время как нерациональная возникает в периоды кризиса парадигмы, исчерпанности оснований для дальнейшей рациональной деятельности. В то же время, с точки зрения Т. Куна, критерии научной рациональности могут быть перенесены, уточнены или дополнены без радикального отказа от них даже при смене внешней парадигмы науки [19].

С радикальной точки зрения П. Фейерабенда, для участников научного курса поливариантность типов рациональности должна стать освобождением от методологического догматизма. С отказом от однозначности критерия научной рациональности стремительно возрастает индивидуализация понимания собственно рационального в исследовательской деятельности [20].

Заключение

В отличие от структуры классической рациональности, которая базируется на логике, объективности и строгом методе научного исследования, представление о неклассической рациональности в философии науки 20 в. опирается на принцип сложности научных явлений, включает различные аспекты человеческого опыта и его влияние на процесс формирования научного знания, подчеркивает непредсказуемость и неопределенность в научных исследованиях.

С точки зрения неклассической модели рациональности, научные теории и практики могут быть субъективными, контекстуальными, зависимыми от социокультурного окружения. Поэтому для достижения понимания сложных научных проблем важны диалог и дискуссия, как формы коммуникации, включающие

множество точек зрения. В целом, неклассическая рациональность представляет собой более гибкий и многомерный подход к процессу развития научных знаний, который открывает возможности для новых фундаментальных идей.

Литература

1. Голбан Н.В. Рождение понятия бытия в учении Парменида // *Credo New*. – 2013. – № . 4. – С. 1–1.
2. Анкин Д.В. Рациональность и рационализация в философском дискурсе // *Эпистемы*. 2004. Вып. 3: Язык. Дискурс. Текст. – 2004.
3. Минеев В. В. В поисках оснований науки: проблема рациональности // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. ВП Астафьева*. – 2007. – № . 3. – С. 55–61.
4. Яковлев В.А. Целесообразный рационализм метафизики Аристотеля // *Философия и культура*. – 2017. – № . 2. – С. 105–115.
5. Тоноян Л.Г. Трактровка отношения логического следования в школах поздней античности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. – 2013. – № . 3. – С. 22–30.
6. Beth E.W. Hundred years of symbolic logic a retrospect on the occasion of the boole de morgan centenary // *Dialectica*. – 1947. – С. 331–346.
7. De Jong W.R., Betti A. The classical model of science: A millennia-old model of scientific rationality // *Synthese*. – 2010. – Т. 174. – С. 185–203.
8. Джиган О.В. Проблема научной рациональности в работах представителей Нового времени и постпозитивизма // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. – 2015. – № . 2 (6). – С. 49–51.
9. Кауфман И.С. Классическая рациональность и просвещение (Декарт, Спиноза и Кант) // *X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации*. – 2010. – С. 340–353.
10. Descartes R., *The Philosophical Writings of Descartes vols.1 & 2*. John Cotting-
- ham, Robert Stoothoff, and Dugald Murdoch (transl.), // *Cambridge: Cambridge University Press*. – 1991. – Т. 1. – С. 12.
11. Поносов Ф.Н. Достижение истины и проблема гносеологического ряда в рационализме Р. Декарта // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2007. – № . 3. – С. 18–21.
12. Гайденок П.П. История новейшей европейской философии в ее связи с наукой // *М.: Книжный дом «Либроком»*. – 2011. – С. 138.
13. Горан В.П. Лейбниц и Спиноза: общее и особенное в подходах к ключевым проблемам онтологии // *Идеи и идеалы*. – 2017. – Т. 1. – № . 2 (32). – С. 47–60.
14. Порус В. Н. К вопросу о «рациональной реконструкции» истории науки // *Высшее образование в России*. – 2009. – № . 7. – С. 139–146.
15. Гайденок П.П. Эрнст Мах в контексте философии конца XIX-начала XX века // *Метафизика*. – 2016. – № . 3. – С. 13–27.
16. Владимиров Ю.С. Фундаментальная теоретическая физика и метафизика // *Метафизика*. – 2011. – № . 1. – С. 88–105.
17. Васюков В.Л. Логические основания неклассической науки // *Философия, методология и история науки*. – 2016. – Т. 2. – № . 2. – С. 66–76.
18. Абрамова О.Ю. Методологический аспект влияния неевклидовых геометрий на развитие понятия «пространства» в философии науки // *Сборник статей Международной научно-практической конференции: «Роль науки в развитии общества*. – 2015. – № . 3. – С. 135–137.
19. Мамчур Е.А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // *Философия науки и техники*. – 1999. – Т. 5. – № . 1. – С. 10–30.
20. Ярцев Р.А. Рациональность в структуре науки // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки*. – 2015. – № . 4 (63). – С. 71–76.

THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC RATIONALITY IN HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION

Bakin S.A.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The appeal to the study of the transformation of the structures of scientific rationality in the history of cognition seems relevant in connection with the expansion of the cognitive tools of innovation, the introduction of AI technologies into the system of science development. The purpose of the article is a historical and philosophical reconstruction of the formation of the classical model of scientific knowledge and its transformation based on the analysis of ideas about the structure of rationality in the history of philosophical thought. The methodological basis of the research is an analytical approach to the formation of the logical structure of scientific rationality in different historical epochs of the development of society. Special attention is paid to the origins of classical science in Antiquity. Based on the works of Aristotle, the basic principles of the classical structure of scientific rationality are highlighted. The development of this model in the works of the founders of rationalism in Modern times and its transformation in non-classical science are shown. In conclusion, the multidimensionality of the structure of the non-classical model of scientific rationality is emphasized, its openness to the inclusion of new subject-object relationships in the development of scientific knowledge.

Keywords: scientific rationality, the history of knowledge, philosophical thought, scientific theory, logical structure, reconstruction, classical rationalism, non-classical science.

References

1. Golban N.V. The birth of the concept of being in the teaching of Parmenides // *Credo New*. – 2013. – No. 4. – P. 1–1.
2. Ankin D.V. Rationality and rationalization in philosophical discourse // *Epistemes*. 2004. Vol. 3: Language. Discourse. Text. – 2004.
3. Mineev V.V. In search of the foundations of science: the problem of rationality // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*. VP Astafieva. – 2007. – No. 3. – pp. 55–61.
4. Yakovlev V.A. Expedient rationalism of Aristotle's metaphysics // *Philosophy and culture*. – 2017. – No. 2. – pp. 105–115.
5. Tonoyan L.G. Interpretation of the relation of logical implication in the schools of late antiquity // *Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*. – 2013. – No. 3. – pp. 22–30.
6. Beth E.W. Hundred years of symbolic logic a retrospect on the occasion of the boole de morgan centenary // *Dialectica*. – 1947. – P. 331–346.
7. De Jong W.R., Betti A. The classical model of science: A millennia-old model of scientific rationality // *Synthese*. – 2010. – T. 174. – P. 185–203.
8. Dzhigan O.V. The problem of scientific rationality in the works of representatives of the New Age and post-positivism // *Economic and social-humanitarian studies*. – 2015. – No. 2 (6). – pp. 49–51.
9. Kaufman I.S. Classical rationality and enlightenment (Descartes, Spinoza and Kant) // *X Kant Readings. Classical reason and the challenges of modern civilization*. – 2010. – P. 340–353.
10. Descartes R., *The Philosophical Writings of Descartes vols.1 & 2*. John Cottingham, Robert Stoothoff, and Dugald Murdoch (transl.), // Cambridge: Cambridge University Press. – 1991. – T.1. – P. 12.
11. Ponomov F.N. Achieving truth and the problem of the epistemological series in the rationalism of R. Descartes // *News of the Volgograd State Pedagogical University*. – 2007. – No. 3. – pp. 18–21.
12. Gaidenko P.P. History of modern European philosophy in its connection with science // M.: Book house "Librocom". – 2011. – P. 138.
13. Goran V.P. Leibniz and Spinoza: general and special in approaches to key problems of ontology // *Ideas and ideals*. – 2017. – T. 1. – No. 2 (32). – P. 47–60.
14. Porus V.N. On the issue of "rational reconstruction" of the history of science // *Higher education in Russia*. – 2009. – No. 7. – pp. 139–146.
15. Gaidenko P.P. Ernst Mach in the context of philosophy of the late XIX-early XX centuries // *Metaphysics*. – 2016. – No. 3. – pp. 13–27.
16. Vladimirov Yu.S. Fundamental theoretical physics and metaphysics // *Metaphysics*. – 2011. – No. 1. – pp. 88–105.
17. Vasyukov V.L. Logical foundations of non-classical science // *Philosophy, methodology and history of science*. – 2016. – T. 2. – No. 2. – pp. 66–76.

18. Abramova O. Yu. Methodological aspect of the influence of non-Euclidean geometries on the development of the concept of "space" in the philosophy of science // Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: "The Role of Science in the Development of Society. – 2015. – No. 3. – pp. 135–137.
19. Mamchur E.A. Relativism in the interpretation of scientific knowledge and criteria of scientific rationality // Philosophy of science and technology. – 1999. – Т. 5. – No. 1. – pp. 10–30.
20. Yartsev R.A. Rationality in the structure of science // Scientific notes of the Transbaikalian State University. Series: Sociological Sciences. – 2015. – No. 4 (63). – pp. 71–76.

Возможности применения модели оценки социального доверия социально-политической системы КНР в развитии экологической составляющей образовательного процесса

Печаткин Александр Сергеевич,

к.ф.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации» (филиал) Саранский кооперативный институт
E-mail: a.s.pechatkin@ruc.su

Литяйкина Ольга Геннадьевна,

к.п.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации» (филиал) Саранский кооперативный институт
E-mail: mosmco@mail.ru

Никишова Наталья Валерьевна,

к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации» (филиал) Саранский кооперативный институт
E-mail: nikishova.2011@mail.ru

консолидирующая. В процессе экологической социализации существенное значение придается философскому знанию, интегрирующему смысловые компоненты мировоззрения человека.

Ключевые слова: социальный рейтинг, социальное доверие, образовательный процесс, экологизация, устойчивое развитие, экологическое сознание, экософия.

В статье проводится анализ возможностей применения системы социального рейтинга в процессе реализации экологической составляющей образовательного процесса. Предметом исследования является модель использования системы социального доверия (социального рейтинга), выстроенного в социально-политической системе КНР, применительно Отечественных условий функционирования экологической составляющей образовательного процесса. Авторы подробно рассматривают такие аспекты исследуемой темы как взаимосвязь организационно-управленческой и социально-философской компоненты в конструировании модели социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса, формирование экософской идейной платформы в образовательном процессе, влияние социального рейтинга на мотивацию обучающихся к эколого-ориентированной форме поведения. Проанализирована возможность и перспективы реализации системы социального рейтинга относительно экологической составляющей образовательного процесса. Социально-философский анализ механизма социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса позволил выявить его функции: организационно-управленческая, экологическая социализация, идейно-смысловая,

Вступление

На современном этапе взаимодействия общества с природой играет важную роль формирование у личности экологического сознания, что во многом связано с увеличившимся влиянием человека на природную среду (антропоцен) и, как следствие, поиском новых форм и практик реализации стратегии устойчивого развития, экогуманизма, рационального природопользования, ответственного потребления.

Огромный ресурс в формировании экологического сознания имеет образование как система социализации личности, реализующаяся через воспитание и обучение, итогом которых становятся знания, навыки, опыт, компетенции, мировоззренческие установки. В данном контекстуальном поле под образовательным процессом понимается динамический процесс осуществления учебно-воспитательных и самообразовательных практик, направленный на инициирование личности в соответствии со стратегиями, программными целями и задачами.

Отдельно укажем на значение формирования картины мира в рамках образовательного процесса и сделаем особый акцент на философском знании как способе освоения действительности, продуцирующего постижение целостности бытия, гносеологическом радикальном сомнении, акцентуации на смысле. В современном мире актуализируется потребность в упорядочении, систематизации знания и выработке картины его организации (соответственно и картины мира), данная тенденция не является новой и в большей степени преобразовывается от эпохи к эпохе.

Разумное, проектируемое управление социальными процессами требует выстроенной иерархической конструкции, способной адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей социальной среды. В этом процессе потенциально способен помочь «системный эффект», позволяющий выстраивать корреляционные ряды между нормативной составляющей, правовым

сознанием, экологическим сознанием и организационно-институциональной стороной экологической компоненты образования.

Проектируемое управление социальными процессами предрекал В.И. Вернадский: «стихийно, как проявление естественного процесса, создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено; рано ли, поздно ли оно станет целью государственной политики и социального строя. Это – процесс, корнями своими уходящий в глубь геологического времени, как это видно по эволюционному процессу создания мозга *Homo sapiens*» [1, с. 86].

Актуальным современным инструментом управления социальными процессами выступает система социального доверия (социального рейтинга), выстроенного в социально-политической системе КНР. В рамках которой осуществляется организационно-управленческий механизм государственного поощрения социально одобрительной деятельности и наказания за выбор нежелательной модели поведения, применяемый индивидуально к гражданину или организации как коллективному образованию.

В этой связи, представляет научный интерес возможность использования данной системы социального рейтинга в Отечественных условиях на уровне реализации экологической составляющей образовательного процесса. Значение выбора данной области общественной действительности связано с гипотетическими возможностями реализации экологического императива и необходимостью осуществления новых интегративных социальных проектов для гармонизации взаимодействия общества и природы, посредством экологизации образования. По поводу значения экологического императива для социума Н.Н. Моисеев указывал: «... общество постепенно вступает в эпоху, когда его дальнейшее развитие возможно лишь в условиях выполнения «экологического императива». Современная наука по мере своего развития способна во все большей степени раскрывать его содержание и формулировать систему

запретов, обязательных для всех людей, стран и народов» [7, с. 258].

Система социального рейтинга в экологической составляющей образовательного процесса потенциально способна оказать системное воздействие на формирование экологического сознания и выработать новые подходы к социально-экологическому регулированию. Система социального рейтинга базируется как на организационно-управленческой необходимости (наиболее планомерное перераспределение ресурсов в современных условиях функционирования рыночной экономики), так и содержит в себе социально-философскую компоненту (реализация идеи социальной справедливости, системная интеграция духовно-нравственных основ и конкретной деятельности, индивидуального выбора).

Система социального доверия (социальный рейтинг): разработки зарубежных и российских ученых

Система социального доверия (социального рейтинга) разработана в Китае, выступая в качестве системой оценки граждан и организаций по различным параметрам, направлена на применение механизма поощрения и наказания за социально полезные и социально негативные действия.

Первоначально рейтинг социального доверия применялся в сфере экономики и воплощался в концепте социального кредита, находящего применение в США (оценка кредитоспособности банковского сектора, кредитный скоринг) и Китае (как правило также в банковской сфере). Официально применение системы социального доверия (рейтинга социального доверия) в некоторых китайских провинциях начинается с 2014 года. Именно на данном этапе происходит сущностная трансформация системы в направлении поведенческого контроля граждан и организаций, с учетом оценки соблюдения ими конкретных социальных норм. Она приобретает характер механизма «поощрения-наказания» за соблюдение установленных норм социальной жизни. Так, при соблюдении социальных норм

человек получает доступ к социальным благам – покупка недвижимости, проживание в отелях, образование. Напротив, при несоблюдении социальных норм (переход дороги в неположенном месте, неплата налогов, распространение фейков в сети интернет) к человеку применяются ограничения в пользовании социальными благами (ограничения в трудоустройстве, в аренде вещей, в бронировании мест в общественном транспорте, отказ в выдаче кредита и др.).

Относительно экологической проблематики в Китае также применяется система контроля и мониторинга, как правило, с помощью многочисленных датчиков, при которой в случае выявления выброса загрязняющих веществ предприятием, понижается его рейтинг социального доверия и к нему применяются санкции.

Примечательно, что система социального рейтинга в Китае в качестве идейно-смыслового источника обращена к конфуцианству и даосизму. «Правильные поступки приводят к правильному результату» (Конфуций).

Анализируя философские истоки системы социального рейтинга в Китае Т.Н. Юдина и Х.С. Сулемонова отмечают: «Человек в системе социального кредита должен сам формировать свою репутацию, поддерживая положительный баланс добрых дел, что приближает его к идеалу «благородного мужа», о котором говорил ещё Конфуций. Общество воздействует лишь косвенно на систему социального рейтинга. Люди могут посылать благодарности или жалобы на отдельного человека. Власть определяет основные параметры оценки. Согласно принципам Дао общество не вмешивается в дела людей, но создает условия для гармоничного развития общества» [13, с. 67].

Создание системы социального рейтинга в Китае глубоко связано с его духовной культурой и менталитетом, но само осуществление данного проекта инициировано формированием информационного общества, позволившего в техническом плане реализовать такой социальный мониторинг и контроль. Особую

связующую роль традиций и инноваций в этой системе занимает понятие «репутация». По данному вопросу А.С. Конопов пишет: в КНР понятие «кредит» приравнивается к понятию «репутация», в основу которой входят экономические, моральные и социальные факторы» [4, с. 24]. При чем, репутация, как закрепившаяся в процессе социального взаимодействия совокупность представлений и оценок об индивиде или организации, выступает формой реализации человеческого потенциала и фундаментом общественной консолидации.

В России внимание сосредоточено на социальном скоринге – двухполюсной системе оценки общественного статуса и индивидуального потенциала человека. В Российском государственном социальном университете проводят разработку платформы «Мы» [8], формирующей социальный рейтинг россиян на основе различных параметрических характеристик. Данная платформа двухкомпонентна, она включает в себя: социальный статус человека (достижения и заслуги) и его социальный уровень (перспективы поощрения со стороны государства). Платформа «Мы» оперирует вероятностными и статистическими моделями оценивания и направлена на оптимальное распределение ресурсов в социальной сфере.

На наш взгляд, система социальных рейтингов выступает значимым инструментом социального регулирования и несет в себе элемент превентивного противодействия противоправному поведению. Так, коллектив авторов отмечает, что «...представляет интерес и разработанная в КНР в рамках системы социального доверия (социального рейтинга) система многогранного наказания, в рамках которой применяются не только меры уголовного, либо административного наказания, на и система мер предупреждения противоправного поведения, предостережения граждан о риске пересечения границы антисоциального поведения, дисциплинирующих мер, мер стимулирования правомерного поведения и т.п.» [2, с. 87].

Также укажем на еще один важный этический элемент системы социальных рейтингов – социальную справедливость. Социальная справедливость проецируется на конкретные общественные отношения, транслируясь как относительно автономная концептуальная целостность. Н. Фрейзер утверждает, что «справедливость лучше всего раскрывается как составное понятие, включающее в себя три измерения – распределение, признание и представительство» [14, p. 129].

Принцип справедливости, пронизывая все демократические режимы современности наиболее подвержен декларативности и необеспеченности реальными механизмами воплощения в жизнь. Декларативные положения не находящие реального подкрепления в право-реализационном механизме становятся существенным препятствием для развития правовой системы, снижая уровень доверия к праву граждан и снижая системный эффект воздействия правовых норм на общественные отношения.

Говоря об общественных отношениях, следует отметить, что они являются наиболее объективным эмпирическим полем, для понимания процессов социального контроля и подвержены методологическим операциям измерения, статистического анализа, моделирования и т.д. В общественных отношениях воплощаются абстрактные нормы, принципы, положения посредством определенного механизма, понимание которого выступает приоритетной задачей современного правоведения. Полагаем, что этот механизм обладает качествами укорененности, встроенности в сетевую структуру социума, что возможно установить, анализируя многообразные правовые нормы, которые базируются на монолитном методологическом базисе философии, социологии, теории систем и т.д.

Система социальных рейтингов достаточно близка Отечественной ментальности, что подтверждается высокими запросами общества на социальную справедливость. При этом важно учитывать закономерные процессы функцио-

нирования постиндустриального общества, информационного общества, которые все больше указывают на переход к системе социальных рейтингов, как условию развития. По данному поводу антрополог Института исследований культуры А.А. Космарский отмечает, что система социального рейтинга «не экзотическое явление чужого для нас общества, а вполне закономерное развитие общества модерна, информатизации, биовласти и подобных больших процессов» [5, с. 61].

В образовании находят применение различного рода социальные рейтинги, но их задача заключается в большей степени предоставить обучающимся возможности объективной оценки уровня подготовки их к будущей профессии (профориентационные рейтинги), предоставить наиболее объективную оценку освоения образовательной программы (балльно-рейтинговая система). Мы полагаем, что применяемые социальные рейтинги в образовании должны носить по большей мере характер вознаграждения, создавая положительную мотивацию у обучающихся. В ином случае есть угроза применения социальных рейтингов в качестве репрессивных мер, что вступает в противоречие с законодательством и не требует какой либо необходимости использования.

Экософия и социальный рейтинг экологической составляющей образовательного процесса

Обратимся к модели социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса. Предполагается, что данный социально-образовательный механизм в большей мере будет направлен на поощрение эколого-ориентированного поведения (создание экологических объединений, участие в экологических мероприятиях, разработка экологических проектов и т.д.). В качестве мер поощрения могут использоваться материальные и нематериальные формы вознаграждения за экологическое действие (экологическую активность). Участниками социаль-

ного рейтинга могут быть как обучающиеся, так и преподаватели, педагогические коллективы, работодатели. Рейтинг апеллирует в большей мере к системе вознаграждения за социально полезные действия, поэтому он носит стимулирующий характер, обеспечивая реализацию определенной модели поведения участниками социально-регуляционного процесса.

Представляет научный интерес анализ социально-философской компоненты в создании механизма социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса.

Философия, как особый способ освоения действительности, апеллирует к рациональности, всеобщности (универсальности), смыслу как ведущим компонентам своего раскрытия в мыслительных актах. Обращаясь к рациональности, ставшей маркером системы отчета для науки и многократно переосмысленной на парадигмальном уровне, можно отметить, что она в большей степени выступает демаркационным инструментом в выяснении отношения философского знания к религии, мифу и искусству. Философские направления и школы не в обязательном порядке выступают рационализированными концептуальными системами, так скажем, религиозная и мистическая философия, явно диссоциируют с классическими критериями рациональности. Но, в тоже время, само понятие рациональности в настоящее время стало размытым и требующим уточнения и выбора методологических инструментов для его интерпретации. Рациональность сопряжена с логикой, с формализованной системой мышления, позволяющего определять истину.

Особой формой философского осмысления экологии выступает экософия. Экософское мировоззрение базируется на концептах целостности, холистичности, идейно-смысловой аккумуляции и обращено к предельным основаниям бытия. В связи с этим, С.В. Шефель отмечает, что «смысл экософии состоит в выяснении законов взаимодействия человека и его социума с природной средой посредством познания всех пре-

дельных оснований бытия человечества с целью обоснования путей достижения «социоприродной гармонии» [11, с. 55]. В данном понимании в экософии заключается глубокий практический смысл, через постижение предельных оснований бытия человек должен наиболее лучшим образом их применить, что бы установить гармонию с окружающим миром. Причем данная гармония выступает как внутренней индивидуально осуществляемой, так и внешней, устанавливающей сбалансированные взаимоотношения между природой и обществом в целом. Одна форма проявления гармонии невозможна без другой.

Экологизация образования на современном этапе обретает новые качественные параметры, которые обуславливают обретение экософией особого статуса в образовательном процессе. По данному поводу В.В. Шлык пишет: «экософия – это не часть образования, а новый смысл и цель современного образовательного процесса – уникального средства сохранения и развития человека, продолжения человеческой цивилизации» [12, с. 90]. Экософия направлена на формирование следующих параметров личности: системная целостность, критическое восприятие, смысловая содержательность.

Экософия как идейно-смысловая платформа образовательного процесса обладая обширными концептуальными построениями и методологическими установками, сама по себе не способна должным образом оказать преобразующее воздействие на социально-природные отношения. Для ее реализации требуются социальные механизмы и технологии, одним из них является система социального рейтинга. Социальный рейтинг экологической составляющей образовательного процесса по большей мере направлен на реализацию экологических идей посредством механизма «поощрения-наказания», но с большим акцентом на поощрении (выработка положительной мотивации).

Показателем эффективности эколого-образовательного процесса выступает сформированная мотиваци-

онная сфера личности, которая выражается в эколого-ориентированной активности.

Выбор стратегии выработки устойчивых мотивов личности в процессе обучения, в общем виде, может быть представлен как процессуальный акт принятия соответствия цели и задач технологии мотивации, типу и особенностям личности с учетом внешних факторов. В данном процессе выделяются сферы социально-педагогического анализа:

- 1) личность;
- 2) технология формирования мотивации;
- 3) внешние условия.

В данных сферах возможно установление корреляционных рядов соответствий, способствующих большей степени понимания мотивационных процессов и наиболее успешному их применению на практике.

Обращаясь к основаниям мотивации, как социально-психологического феномена, неизбежно происходит столкновение с потребностным строем. Потребность задает импульс побуждения к действию. Структурное устройство потребностей достаточно развернуто представлено в работе А. Маслоу, который их представил в виде иерархической структуры [6].

На основании изложенного, представляется возможным сформулировать следующие функции социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса.

1. Организационно-управленческая – заключается в формировании предпосылок для преобразования социально-экологических отношений в направлении устойчивости, рационального природопользования, гармонизации и выражается в реализации государственной экологической политики, посредством целенаправленных действий человека, принимающего целостнообразность и значимость социального рейтинга и реализующего эколого-ориентированную поведенческую стратегию.
2. Экологической социализации – выражается в формировании экологиче-

ского сознания, включающего познавательный (экологическая, рефлексия, социально-экологическая картина мира [3, с. 57]), эмоциональный (эмпатия), волевой (управление мотивацией) структурные составляющие. Система социального рейтинга способна оказывать многостороннее и планомерное воздействие на личность, учитывая единство и взаимосвязь духовного (экоософская идея, идея «благоговения перед жизнью» [10, с. 250], модус бытия [9, с. 325]) и материального (устойчивое развитие, рациональное природопользование, экологическая экспертиза) в экологической деятельности.

3. Идеино-смысловая – система социального рейтинга способна стимулировать к созданию новых концепций и проектов, направленных на творческое преобразование социально-природных отношений.
4. Консолидирующая – система социального рейтинга направлена на сотрудничество и кооперативные формы взаимодействия, обеспечивая социальную солидарность и социальную стабильность, противодействуя деструктивным факторам. Данная функция базируется на социально-психологическом феномене аффилиации – стремлении быть сопричастным, принадлежать общности, разделять общие цели и задачи социальной группы.

Полагаем, что система социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса, способна придать существенный стимул формирования экологического сознания. Данный подход носит инновационный характер в сфере преобразования социально-экологических отношений и требует дальнейшей детальной проработки, прежде всего в организационно-правовом аспекте.

Заключение

Представляется целесообразным создание экологического сегмента рейтинга обучающихся, направленного на формирование экологического сознания

и в целом на поощрение общественной активности, гуманности, патриотизма, здорового образа жизни, самореализации и других позитивных, социально-укрепляющих ценностей. Полагаем, что такого рода рейтинговая система будет мотивировать обучающихся в направлении самосовершенствования и противодействия деструктивным явлениям, обеспечивая информационную безопасность посредством мотивационного вовлечения в общественную деятельность (психолого-мотивационная безопасность).

В настоящее время ведутся разработки Отечественной системы социального доверия (РГСУ – платформа «Мы»), которая как предполагается будет комплексной, системно-организованной, акцентированной в большей степени на поощрение социальной активности.

В процессе экологической социализации сущностное значение придается философскому знанию интегрирующему смысловые компоненты мировоззрения человека. Экоософская идеино-смысловая платформа может выступать научно-методологической основой для реализации социального рейтинга в экологической составляющей образовательного процесса, поскольку позволяет воссоздать композицию многогранных механизмов социально-регуляционного процесса.

В процессе исследования социального рейтинга экологической составляющей образовательного процесса мы выделили следующие ее функции:

- 1) организационно-управленческая;
- 2) экологической социализации;
- 3) идеино-смысловая;
- 4) консолидирующая.

При создании данного социально-образовательного механизма необходимо учитывать системную взаимосвязь правовой, организационно-управленческой, эколого-образовательной, социально-психологической и социально-философской компоненты. Эффективное сочетание данных сфер общественной действительности предоставляет новые возможности в регуляции социально-экологических отноше-

ний и более полно раскрывает потенциал социально-регуляционных систем, обеспечивая системный эффект в процессе коэволюции общества и природы.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
2. Гончаров В. В., Петренко Е.Г., Борисова А.А., Толмачёва Л.В., Дмитриева И.А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78–91.
3. Доронина М. В., Табуркин В.И. Методологические функции социально-экологической картины мира // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 2 (24). С. 55–64.
4. Конопий А.С. Система социального кредитного рейтинга в КНР: закон и практика // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 1. С. 20–24.
5. Космарский А.А. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 1–2 (7). С. 55–61.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
7. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 с.
8. РГСУ тестирует систему социального рейтинга «Мы» // Ведомости (06.10.2023) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/06/999302-rgsu-testiruet-sistemu-sotsialnogo-reitinga> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть?: [пер. с нем. и англ.] / Эрих Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 442 с.
10. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанского. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

11. Шефель С.В. Экософская концептуализация процесса формирования личности как субъекта гармонизации правоотношений в экосфере // Lex Russica. 2017. № 6 (127). С. 51–59.
12. Шлык В. В. К вопросу о педагогизации экософии // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1–1. С. 87–91.
13. Юдина Т. Н., Сулемонова Х.С. Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации // Теоретическая экономика. 2021. № 1. С. 66–71.
14. Fraser N. *Abnormal Justice* // *Justice, Governance, Cosmopolitanism, and the Politics of Difference*. Berlin: Humboldt-Universität, 2007. P. 117–147.

POSSIBILITIES OF USING A MODEL FOR ASSESSING SOCIAL TRUST OF THE SOCIO-POLITICAL SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE DEVELOPMENT OF THE ENVIRONMENTAL COMPONENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Pechatkin A.S., Lityaikina O.G., Nikishova N.V.

Saransk Cooperative Institute (Branch) Russian University of Cooperation

The article analyzes the possibilities of using the social rating system in the process of implementing the environmental component of the educational process. The subject of the study is the model of using the system of social trust (social rating), built in the socio-political system of the PRC, in relation to the Domestic conditions for the functioning of the environmental component of the educational process. The authors examine in detail such aspects of the topic under study as the relationship between the organizational, managerial and socio-philosophical components in constructing a model of social rating of the environmental component of the educational process, the formation of an ecosophical ideological platform in the educational process, the influence of social rating on the motivation of students to an environmentally-oriented form of behavior. The possibility and prospects for implementing a social rating system regarding the environmental component of the educational process are analyzed. A socio-philosophical analysis of the mechanism of social rating of the environmental component of the education-

al process made it possible to identify its functions: organizational and managerial, environmental socialization, ideological and semantic, consolidating. In the process of environmental socialization, essential significance is attached to philosophical knowledge that integrates the semantic components of a person's worldview.

Keywords: social rating, social trust, educational process, greening, sustainable development, environmental awareness, ecosophy.

References

1. Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. – M.: Nauka, 1991. – 271 p.
2. Goncharov V.V., Petrenko E.G., Borisova A.A., Tolmacheva L.V., Dmitrieva I.A. System of social trust (social rating) in the PRC: problems and prospects for implementation in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2023. No. 3. P. 78–91.
3. Doronina M.V., Taburkin V.I. Methodological functions of the socio-ecological picture of the world // Astrakhan Bulletin of Environmental Education. 2013. No. 2 (24). pp. 55–64.
4. Konopy A.S. The system of social credit rating in the PRC: law and practice // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2021. Vol. 8, No. 1. pp. 20–24.
5. Kosmarsky A.A. Chinese social rating: technology of trust for the new modern society // Sociodigger. 2021. T. 2. Issue. 1–2 (7). pp. 55–61.
6. Maslow A. Motivation and personality. 3rd ed. / Per. from English – St. Petersburg: Peter, 2019. – 400 p.
7. Moiseev N.N. Man and the noosphere. – M.: Mol. Guard, 1990. – 351 p.
8. RGSU is testing the “We” social rating system // Vedomosti (10/06/2023) [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/06/999302-rgsu-testiruet-sistemu-sotsialnogo-reitinga> (date of access: 04/10/2024).
9. Fromm E. Forgotten language. To have or to be?: [transl. with him. and English] / Erich Fromm. – M.: AST: AST MOSCOW, 2009. – 442 p.
10. Schweitzer A. Culture and ethics / trans. with him. N.A. Zakharchenko, G.V. Kolshansky. – M.: Progress, 1973. – 343 p.
11. Shefel S.V. Ecosophical conceptualization of the process of personality formation as a subject of harmonization of legal relations in the ecosphere // Lex Russica. 2017. No. 6 (127). pp. 51–59.
12. Shlyk V.V. On the issue of pedagogization of ecosophy // Bulletin of Bryansk State University. 2012. No. 1–1. pp. 87–91.
13. Yudina T. N., Sulemonova Kh.S. Introduction of a social rating system in China in the context of digitalization // Theoretical Economics. 2021. No. 1. P. 66–71.
14. Fraser N. Abnormal Justice // Justice, Governmentance, Cosmopolitanism, and the Politics of Difference. Berlin: Humboldt-Universität, 2007, pp. 117–147.

Справедливость в социальных отношениях с позиции религиозных представлений буддизма

Нанда Марларланкара,

аспирант, кафедра философии и социального управления, Московский государственный технологический университет (СТАНКИН)
E-mail: nandamarlarlankara2015@gmail.com

Михайлова Марианна Валериевна,

к.с.н., доцент, кафедра философии и социального управления, Московский государственный технологический университет (СТАНКИН)
E-mail: mari.mikhaylova@list.ru

Буддизм является гомоцентрической религией, поскольку доктрина Верховного Будды сосредоточена на человеческих проблемах, человеческих вопросах, человеческом поведении и характерах. Эти дхаммы затрагивают человеческие отношения. Никто не сомневается, что человек является общественным видом. Индивидуум рождается в одиночестве, но для безопасности, счастья и удовольствия он соединяется с другими. Поскольку он родился, его помещают в семью, состоящую из отца, матери, и, возможно, сестер и братьев. Он, одним или другим образом, подвержен их влиянию. Позже его отправляют в школу. Там есть учителя и другие студенты, с которыми со временем ему придется знакомиться. В течение своего существования он связывается с маленькими или большими группами общества, оставляя свое влияние или подвергаясь их влиянию. Таким образом, он не является абсолютно изолированным островом. Но связи и близкие отношения не всегда обеспечивают безопасность, удовольствие и радость; они также могут привести к смятению, расстройству, и конфликты неизбежно возникают. Человек должен научиться жить гармонично и счастливо среди своих собратьев и окружения. Положительное религиозное и этическое учение – это искусство жить с мудрым размышлением, пониманием, терпимостью и ответственностью. В частности, этот материал направлен на раскрытие социальных отношений и буддийской точки зрения на моральные ценности в соответствии с буддизмом.

Ключевые слова: Верховного Будды, буддийской точки зрения, социальных отношений, религиозное и этическое учение.

Введение

Другие люди, подобные мне, будут думать, что это может привести к множеству конфликтов и страданий в каждом индивидууме, среди других индивидуумов и общества, если человек просто живет в соответствии со своей инстинктивной природой и импульсами. Каково буддийское отношение к человеческим отношениям? Сообщение из Рахуловада-Сутты проливает свет на моральную ответственность. Рахула, когда ты намерен совершить действие телом (словом или умом), ты должен размышлять о том же телесном (моральном или умственном) действии следующим образом: приведет ли это действие, которое я намерен совершить, к моему личному страданию, к страданию другого человека или к страданию обоих? Является ли это бесполезным действием с болезненным результатом? Когда ты размышляешь, если знаешь, что это действие приведет к твоему собственному конфликту или конфликту других, или обоих, с плохими результатами, с болезненными результатами, то ты определенно не должен делать такое действие. Но если ты осознаешь, что действие не приведет к каким-либо страданиям; это хорошее действие с приятным эффектом, то ты можешь совершить такое действие. Эта заметка явно передает чувство моральной обязанности перед своими личными поступками и результатами, которые могут повлиять на себя или других. Это чувство моральной обязанности основано на мудрости (Панья), различительном знании морали и неморали, знании хорошего и плохого; и способности размышлять над каждым поступком и его последствиями. Можно сказать, что двойными основными принципами, ведущими к буддийской социальной философии, являются Мудрость (Панья) и Сострадание (Каруна). Мудрость раскрывает мудрое внимание (Ионисоманасикара), которое является причиной возникновения

правильного понимания, размышления и понимания вещей такими, как они есть (Ятхабхутам Дассанам).

Верховный Будда сказал: «Все добрые состояния коренятся в правильном внимании». Сострадание (Каруна) и Любящее добро (Метта) раскрывают глубокое осознание страдания и потребностей других существ. Буддийское понятие сострадания не ограничивается только человечеством; сострадание должно охватывать всех живых существ без дискриминации. Метта и Каруна являются двумя из четырех Брахмавихар: Метта – это Любящее добро и забота не только о других, но и о себе; Каруна – это сострадательное чувство при восприятии страдания других и желание облегчить или устранить их страдание; Мудита – это сочувственное счастье при восприятии успеха других; Упеккха – это равнодушие, основанное на понимании того, что живые существа имеют свое личное карму. Предположим, что каждый применяет четыре Брахмавихары, тогда мир обязательно станет идеальным местом для жизни.

Буддийский взгляд на бытие и мир

Прежде чем мы перейдем к буддийским ценностям и принципам в человеческих отношениях, я хочу заглянуть в буддийскую точку зрения на существование и мир. Существование (Джива), или бытие (Бхута), или жизнь (бхава) в соответствии с буддизмом – это явление, возникающее благодаря силе Каммы, волеизъявленному поступку, совершенному в прошлом, и жажде существования (Кама-танха), жажде чувственных удовольствий (Бхава-танха), жажде небытия (Вибхава-танха). Однажды почтенный Ананда попросил Будду: существование, что такое существование, Владыка Будда? На что Верховный Будда ответил: «Так, Ананда, сознание – это семя, поступок или действие – это поле, а жажда – это влага. Для существ, увязших в неведении, связанных жаждой, сознание установлено в низшем (среднем и высшем) мирах. Именно поэтому в будущем происходит повторное рождение. Таким образом, происходит становле-

ние». Согласно буддийской философии, человек – это сочетание пяти агрегатов кхандха:

- 1) совокупность материальности (Рупаккхандха);
- 2) совокупность ощущений (Веданаккхандха);
- 3) совокупность восприятия;
- 4) совокупность ментальных образований (кхандха);
- 5) совокупность сознания.

Пятеричный кхандха является объектом цепляния как «я», «мое», «себя». Верховный Будда всегда заявлял, что его доктрина направлена на устранение этого неправильного взгляда. Он проповедовал, что ни один из пятеричных кхандха не должен рассматриваться как душа или само по себе, также не следует цепляться за комбинацию пятеричных кхандха как за душу или само по себе. Что такое «мир» в буддизме? Мир, называемый «Лока», состоит из трех видов:

- 1) мир чувствующих существ или мир анимации (Сатта-лока);
- 2) условный мир (психологические и физические явления (Санкхара-лока);
- 3) мир пространства или мир неодушевленных объектов, который формирует среду обитания существующих существ (Окаса-лока).

Буддизм рассматривает мир как динамическое состояние становления и постоянных изменений. «Все условные вещи непостоянны». Начало и конец мира незаметны. Верховный Будда не поощряет своих последователей предполагать о мертвом мире. Вместо этого, он направляет их к внутреннему миру: миру психологическому и физическому. Именно в длинном на сажень теле своем с его пронизательностью и вниманием Верховный Будда объясняет мир, корень мира, конец мира и средства, ведущие к завершению мира. Согласно буддизму, человек воспринимает мир через шесть чувственных баз:

- 1) глаз воспринимает видимый объект;
- 2) ухо воспринимает слышимый объект;
- 3) нос воспринимает обонятельный объект;
- 4) язык воспринимает вкусовой объект;
- 5) тело воспринимает осязаемый объект;

6) ум воспринимает познаваемый объект.

Когда глаз и видимый объект соприкасаются, возникает глазное сознание, нет необходимости во вмешательстве божественного объекта (Брахмы или Бога). Таков также способ действия дополнительных органов чувств в своих областях (Висайя). Таким образом, человек связывается с миром; процесс будет протекать следующим образом: если объект приятен и привлекателен, он ему нравится (возникает Танха), хочет захватить его, чтобы продлить удовольствие (возникает Упадана) и иметь его (бхава); если объект некрасив и нежелателен, он ему не нравится (Доса), хочет, чтобы его уничтожили (Вибхаватанья), и избавиться от него; если объект не очень впечатляет, он склоняется к равнодушию к нему, не обращает внимания на то, что происходит (здесь проявляется Авидья или Моха). Очень важно понимать механизм работы органов чувств, их объектов и психологических реакций. Тогда человек разочаруется в сверхъестественной силе извне, которая будет ему предлагать вознаграждения или наказания. Но вещи постоянно меняются: желанный объект больше не приносит удовольствия и становится нежелательным; сладкое переходит в кислоту; и вкусные вещи за ночь превращаются в горькое. Преходящность и непостоянство условных вещей вызывают чувство недовольства (Дуккха). Никто не отвергнет факт недовольства существованием; в буддизме это называется Дуккха-сачча. В Первой Проповеди, произнесенной в Любимом Парке перед пятерыми аскетами, Верховный Будда говорит: «Рождение (Джати), старость (Джара), болезнь (Бьядхи) и смерть (Марана) – это страдание; связь с нежелательным, разлука с возлюбленным и неспособность получить то, чего человек желает, – это страдание; короче говоря, пятеричный агрегат цепляния – это страдание».

Верховный Будда не останавливается здесь, просто указывая на мрачную сторону существования и предлагая песимистичное видение истины страдания.

Как превосходный врач, он исследовал происхождение страдания: это желание, стремление обновить удовольствие здесь и там. Истина страдания должна быть воспринята и понята, но происхождение страдания (Дуккха-самудая) должно быть устранено (Паханейя). Как только человек воспринимает истину страдания, он избавляется от нее и начинает внимательно изучать, что происходит. Тогда он больше не поддается словам своих слепых желаний, поэтому избегает множества нежелательных условий. Важно воспринимать истину страдания и вызывать чувство сострадания к себе и другим существам, которые являются объектами власти изменчивой природной природы вещей. Когда человек осознает корень страдания, он не винит себя или других в страданиях, которые он испытывает, а стремится понять их корень и, в итоге, устранить его.

Жажда (Танха) – это стыд для человека; дхамма возникает и исчезает в соответствии с обстоятельствами. Ее корень – невежество (Моха или Авидья), неспособность проникнуть и отразить реальность. Когда есть ясное понимание реальности, тьма невежества уходит, и жажда не может проникнуть, чтобы причинять страдания. Прекращение страдания достижимо и должно быть понято (Саччикирия). Путь, ведущий к окончанию страдания (Дуккха-ниродха гамини-патипада), также был открыт Буддой как Средний Путь (Маджжима-патипада) или Досточтимый восьмипутный путь (Арий аттхангика-магга). Этот Путь должен быть развит (Бхаванейя), чтобы привести к окончанию страдания.

Классификация социальных отношений

Социальный порядок – это группа людей. Следовательно, социальные отношения представляют собой отношения человека к человеку (людям), человека к группам и групп к группам. На сколько способов может человек связаться с другими? Человек может быть мужем, отцом, сыном, дедушкой, племянником, внуком в семейных отношениях. Он также может быть королем, гражданином, работни-

ком, хозяином и т.д. вне семейных отношений. Женщина может быть женой, матерью, бабушкой, дочерью и т.д. в семье. Она также может иметь социальное положение и обязанности вне семейных отношений, такие как отец, гражданин, коллега, учитель и т.д. В сутте «Сингаловада» Верховный Будда призвал молодого мальчика «Сингалу» рассматривать его как путь к востоку, откуда приходит свет. Это пять похвальных обязанностей, которые родители должны исполнять:

- 1) удерживать своих детей от нравственного падения или порока;
- 2) побуждать их к добру или добродетели;
- 3) обучать их профессии;
- 4) предлагать подходящие браки для них;
- 5) передавать свое наследие в свое время.

В дополнительных суттах Верховный Будда проповедовал, что родители действительно подобны божествам в доме человека; их следует почитать как Брахму. Родители – первые учителя (Пуббачария) в жизни человека. В Мангала-сутте говорится: «Матапиту Упаттаханам Путтадарасса Сангахо, Анакулача камманта эдам Мангала Муттамам». «Почитайте мать и отца, Поддерживайте детей и жену. Имейте беспорочное средство к существованию; Это высшее благословение Верховного Будды». Соответственно, исполнение своих обязанностей в семье называется высшим благословением в буддизме. Это также набор обязанностей, которые дети должны учиться выполнять:

- 1) когда родители помогли мне, теперь я буду помогать им;
- 2) я выполняю наложенные на них обязанности;
- 3) я сохраняю традиции и родословную;
- 4) я становлюсь достойным наследия;
- 5) я передаю им добрые заслуги в свое время.

Отношения между женами и мужьями рассматриваются как западный путь, где солнце заходит. Связь между ними имеет свои корни во взаимной любви (Рага), взаимной привязанности (Пема) и заботе и уважении друг к дру-

гу (Метта). Как должен поступать муж по отношению к своей жене в соответствии с учением Верховного Будды? Он должен уважать, быть верным и вежливым к ней; передавать ей ведение домашних дел и обеспечивать ее украшениями. Однако жена должна вести себя по отношению к мужу по пятикратному пути: хорошо выполнять свои обязанности; оказывать гостеприимство семьям обеих сторон; быть верной ему; защищать имущество, которое он приносит домой; и выполнять свои обязанности с усердием и мастерством. Интересно отметить, что Верховный Будда не подчиняет жену мужу, а скорее рассматривает ее как помощницу или подругу с равными обязанностями и статусом. В духовной и религиозной жизни Верховный Будда также проповедовал, что женщины обладают способностью достичь высшей цели – Арахатства, освобождения от всех оков нечистот и страданий Самсары (круговращения рождений). Это было подтверждено тем, что в биккунийском ордена было много женщин-арахант. В противном случае, семейные отношения – это отношения с коллегами и друзьями. Эта часть отношений также очень важна в жизни человека, особенно для молодежи. Хорошие друзья и добродушные коллеги приносят радость и удовольствие в общении, и они могут способствовать удаче; но плохие друзья или злонамеренные коллеги могут привести к неудачам и печальному состоянию. «Сигаловада Сутта» подробно описывает, как определить хороших и плохих или моральных и аморальных друзей. А в «Мандала Сутте» Верховный Будда учил: «Асеванаса Баланам, Пандитананца Севана». Это означает: «Не общаться с глупыми, общаться с мудрыми – вот высшее благословение». Кроме того, в дружбе Верховный Будда отметил следующие качества: щедрость, учтивость, размышление, искренность и отношение к товарищам как к равным себе. Дружба рассматривается как северный сектор. По пятикратному пути друзья должны обращаться с другом следующим образом:

- 1) они защищают его, когда он не настороже;
- 2) в определенное время охраняют его имущество;
- 3) становятся прибежищем в опасности;
- 4) не покидают его в беде или тревоге;
- 5) выражают заботу о его семье.

Таким образом, северный сектор становится безопасным, защищенным и надежным. В социальном порядке существуют дополнительные отношения между работниками и работодателями. Согласно «Сигаловада Сутте», для работодателей очень важно:

- 1) назначать им работу в соответствии с их силами;
- 2) обеспечивать их заработком и пищей;
- 3) оказывать помощь в болезни;
- 4) делиться особыми угощениями с ними;
- 5) предоставлять отпуск в нужные моменты.

Будучи таким образом мягко относились, работники, со своей стороны, должны проявлять уважение и любовь к своим хозяевам, выполняя следующее:

- 1) вставать раньше них;
- 2) ложиться спать после них;
- 3) быть довольным тем, что им дается;
- 4) хорошо выполнять свою работу
- 5) и заботиться о своей репутации.

Теперь давайте перейдем к дополнительному типу отношений, который не менее важен в мыслях – это отношения между учениками и учителями. В древние времена можно сказать, что не существовало государственных школ, как сейчас. Дети из семей отправлялись в частные школы. Поэтому молодые люди время от времени должны были оставаться далеко от своих семей для получения профессии или хороших знаний. Богатые семьи могли приглашать ученого профессора к себе домой, чтобы обучать своих детей. В любом случае, такой тип образования является частным и ограниченным по индивидуальному уходу и взгляду. Взгляд и забота о своих профессорах оставляли огромное влияние на добродетель, поведение и знания его ученика. Из-за этого, в древние времена ученики проявляли огромное уважение и почтение к своим

преподавателям. Со стороны учеников они должны были проявлять следующие качества:

- 1) вставать со своего места, чтобы выразить уважение;
- 2) обслуживать их;
- 3) быть взволнованными, чтобы учиться;
- 4) выполнять индивидуальные задания
- 5) и быть внимательными к учению.

Со стороны преподавателей ожидается, что они будут заботиться и любить своих учеников так же, как отец, и это проявляется в пяти аспектах:

- 1) заботиться и любить для их безопасности;
- 2) обучать их в том, в чем он хорошо подготовлен;
- 3) укреплять их в том, что они учили;
- 4) постоянно обучать их во всех искусствах;
- 5) говорить хорошо о них перед их товарищами.

Кроме того, религиозные отшельники также несут ответственность за своих духовных последователей и поклонников. В шестикратном пути они должны проявлять заботу о них следующим образом:

- 1) удерживать их от нравственного падения или зла;
- 2) побуждать их к добру;
- 3) насыщать их любящей добротой;
- 4) обучать их тому, что они не слышали;
- 5) очищать и исправлять то, что они слышали;
- 6) раскрывать перед ними средства к небесам.

Руководитель должен сначала установиться в чистоте и добродетели, а затем учить других. Человек должен сначала укрепиться в том, что подходит, и только после этого учить других. Следовательно, мудрец не будет порицаем.

Десять основ добродетельных поступков как искусных путей.

Существуют десять основ Кусалакаммы, благих поступков, которые являются умеренностью по сравнению с десятью основами дурных поступков. Кусала-камма называются так потому, что они искусны (Кусала), безупречны и приводят к благотворным последствиям. Следующий набор из десяти, кото-

рый называется Пуннакарияваттху (Достойные деяния), выглядит следующим образом.

1. Щедрость (Дана).
2. Нравственность (Шила).
3. Умственное развитие или медитация (Бхавана).
4. Почитание (Апачаяна).
5. Помощь другим по заслугам (Вейявачча).
6. Передача заслуг после совершения заслуг (Паттидана).
7. Радоваться заслугам других (Паттанумодана).
8. Слушать Дхамму (Дхаммассава).
9. Разъяснение Учения (Дхаммадешана).
10. Исправление своих взглядов (Диттихиджукамма).

На самом деле, тот, кто сам стремится к счастью и освобождению, обязательно должен совершать эти благие действия, упомянутые выше. Даже если тот, кто практически применяет заслуги или благие поступки, может достичь счастья, а затем и ниббаны, тот, кто не применяет их, не будет счастлив ни в этой жизни, ни в будущей.

Вывод

Буддизм не имеет предубеждения в отношении изначальной порочности природного характера человека. Буддизм согласен принять теорию перерождения (Сансары) и освобождения от Сансары (Вимутти или Моккха), но он отвергает вечную душу или неизменное естественное расположение существ. В соответствии с буддийской психологией, человек рождается с семенем (Биджа), которое распознается при перерождении, включающем сознание (Патисандхи Читта). В случае человека это семя представляет собой смесь хорошей и плохой природы. Хорошее – это потенциальная возможность просветления (Буддхичарата), а плохое – скрытые загрязнения (Анусаякилеша). И, в зависимости от обстоятельств, хорошие или плохие способности развиваются, чтобы стать хорошим или плохим характером. Таким образом, буддизм косвенно показывает, что окружающая среда и образова-

ние, которые играют важную роль в человеческих отношениях, играют огромную жизненно важную роль, влияющую на развитие личности и общественный порядок. В бесчисленных жизнях, которые человек проходит через долготерпеливую Самсару, нет ни одного существа, которое не было бы его отцом, матерью, братом, сестрой, дочерью или сыном, другом или родственником; итак, человек должен развивать любящую доброту ко всем эмоциональным существам с пониманием того, что все они – близкие родственники.

Литература

1. Дудин П.Н. Буддизм тхеравады и региональный политический порядок юго-восточной Азии / П.Н. Дудин – Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. No 1. – С. 20–37.
2. Осипова Н.Г. Ведущих религиозных доктрин: буддизм / Н.Г. Осипова – Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2021. No 3. – С. 104–127.
3. Цеханова Л.В. Буддизм и политика в современной Мьянме: 1988–2006 / Л.В. Цеханова – кандидатская диссертация. Москва, 2007. – 247 с.
4. Листопадов Н.А. Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы), 1948–1998 гг. / Н.А. Листопадов – диссертация доктора исторических наук, Москва, 1998. – 311 с.
5. Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии, I-X вв. / Т.К. Мкртычев. – доктор искусствоведения. – Москва: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 292 с.
6. Мадасами А. Политические установки и практическая деятельность военного режима в Бирме с 1962 г. до начала 90-х годов / А. Мадасами, диссертация кандидата исторических наук, Москва, 1999. – 174 с.
7. Roger B. Buddhism in Myanmar – A Short History / B. Roger, Buddhist Publication Society, The Wheel Publication No. 399/401, P 147.

8. Win T.T. Myanmar Buddhism of the Pagan period (AD 1000–1300), T.T. Win, A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy southeast Asian studies programme, National University of Singapore, 2002, P 401.
9. Sarah E.A. The influence of Burmese Buddhist understandings of suffering on the subjective experience and social perceptions of schizophrenia / E.A. Sarah, Submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy, January 2008, P 276.

JUSTICE IN SOCIAL RELATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF RELIGIOUS IDEAS OF BUDDHISM

Nanda M., Mikhailova M.V.

Moscow State Technological University (STANKIN),
Moscow

Buddhism is a homocentric religion because the doctrine of the Supreme Buddha focuses on human problems, human issues, human behavior and characters. These dhammas affect human relationships. No one doubts that man is a social species. The individual is born alone, but for safety, happiness and pleasure he connects with others. Since he was born, he is placed in a family consisting of a father, mother, and possibly sisters and brothers. He is, in one way or another, influenced by them. Later, he is sent to school. There are teachers and other students there, whom he will have to get to know over time. During his existence, he associates with small or large groups of society, leaving his influence or being influenced by them. Thus, it is not an absolutely isolated island. But connections and close relationships do not always provide security, pleasure and joy; they can also lead to confusion, frustration, and conflicts inevitably arise. A person must learn to live harmoniously and happily among his fellows and surroundings. Positive religious and ethical teaching is the art of living with wise reflection, understanding, tolerance and responsibility. In particular, this material is aimed at revealing social rela-

tions and the Buddhist point of view on moral values in accordance with Buddhism.

Keywords: Supreme Buddha, Buddhist point of view, social relations, religious and ethical teaching.

References

1. Dudin P.N. Theravada Buddhism and the regional political order of Southeast Asia / P.N. Dudin – Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2020. No. 1. – P. 20–37.
2. Osipova N.G. Leading religious doctrines: Buddhism / N.G. Osipova – Vestn. Moscow un-ta. Ser. 18. Sociology and political science. – 2021. No. 3. – P. 104–127.
3. Tsekhanova L.V. Buddhism and politics in modern Myanmar: 1988–2006 / L.V. Tsekhanov – candidate's dissertation. Moscow, 2007. – 247 p.
4. Listopadov N.A. Features of the foreign policy of Myanmar (Burma), 1948–1998. / ON THE. Listopadov – dissertation of Doctor of Historical Sciences, Moscow, 1998. – 311 p.
5. Mkrtychev T.K. Buddhist art of Central Asia, I-X centuries. / T.K. Mkrtychev. – Doctor of Art History. – Moscow: ICC "Akademkniga", 2002. – 292 p.
6. Madasami A. Political attitudes and practical activities of the military regime in Burma from 1962 to the beginning of the 90s / A. Madasami, thesis of a candidate of historical sciences, Moscow, 1999. – 174 p.
7. Roger B. Buddhism in Myanmar – A Short History / B. Roger, Buddhist Publication Society, The Wheel Publication No. 399/401, P 147.
8. Win T.T. Myanmar Buddhism of the Pagan period (AD 1000–1300), T.T. Win, A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy southeast Asian studies program, National University of Singapore, 2002, P 401.
9. Sarah E.A. The influence of Burmese Buddhist understandings of suffering on the subjective experience and social perceptions of schizophrenia / E.A. Sarah, Submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy, January 2008, P 276.

Становление проекта Крымской демократической республики 1917-го года. Политические, культурные и социально-этические факторы

Абдулхаиров Абжемил Закерьянович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
E-mail: abzhemil@mail.ru

Аблязов Эмир Кязимович,

специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new».

E-mail: emirablyazov1988@gmail.com

Бекиров Надир Валериянович,

к.ф.н., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

E-mail: nadirbekirov@yandex.com

Вейсова Ветана Энверовна,

Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

E-mail: veisovavetana@mail.ru

Умерова Севилья Данировна,

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

E-mail: nsevilya1@mail.ru

Лето 1917 года в России было ознаменовано попытками урегулирования общественно-политического кризиса откровенно насильственным путем: причём с двух сторон: большевиков восстание 3–5 (16–18) июля 1917 года, монархистов: корниловский мятеж 28–29 августа. В Крыму это вылилось в попытку ареста Крымского муфтия и председателя Временного крымско-мусульманского комитета 23 июля (5 августа) 1917. В этот период Временный крымско-мусульманский комитет активно взаимодействовал с форумами российских мусульман, Государственным совещанием, собранном Временным правительством, Съездом народов России, Демократическим совещанием, созданным ЦИК Советов. Цель исследования – анализ выработки идеи создания Крымской демократической республики – одной из территориальных автономий в составе Российской республики, вынесение

ее на общественное обсуждение и подготовка Учредительного собрания крымских татар-Курултая, как этапа к созыву Всекрымского учредительного собрания, представляющего все национальности Крыма.

Методология исследования основана на герменевтике и сопоставительно историческом подходе. Результатами исследования является выявление факторов, способствовавших трансформации концепции национально-культурной автономии в территориальную автономию Крыма в виде Крымской демократической республики в составе Российской федерации.

Ключевые слова: Крым, Крымская демократическая республика, крымские татары, крымскотатарский народ, крымскотатарское национальное движение, Курултай, национально-культурная автономия, Номан Челебиджихан.

Введение

Лето 1917 года в России было предельно насыщено политическими событиями. Страна стремительно приближалась к опасной черте, за которой борьба за власть левых и правых политических группировок грозила перейти в открытое вооруженное противостояние. Эти тенденции проявились уже во время событий 3–5 (16–18) июля в Петрограде, инициированных леворадикальными силами. Однако в регионах сохранялось еще относительное спокойствие. Многие политические и национальные силы, стоявшие на платформе демократических преобразований страны, были готовы к диалогу как с официальной властью, так и с другими политическими силами и поиску совместного пути для реформирования экономической, социальной, политической жизни в России путем переговоров и правовых решений.

Литературный обзор

События лета-осени 1917 года в Крыму вызвали живой отклик непосредственно самих современников. Одной из поворотных точек в развития крымскотатарского национального движения стал попытка властей Таврической губернии арестовать лидера крымских татар Н.Челебиджихана. Первым исследователем этих событий стал литовский татарин Леон (Арслан) Кричинский. Пребывая в Крыму в 1918 году, он исследовал связанные с этим делом документы и включил их в свою книгу «Очерки русской политики на окраинах», изданной в 1919–1920 годах в Баку [9].

В советской историографии событиям того времени так же уделялось определенное внимание. Так В.Елагин использовал этот эпизод для критики как позиции крымскотатарских политиков, так и назначенцев Временного правительства в Крыму [7, с. 85–87]. Позднее А.Бочагов в своей одиозной книге говорил о возникновении в июле 1917 года контрреволюционной партии Милли Фирка (Национальная партия) [1, с. 34]. Этим приемом совершалась довольно незамысловатая манипуляция,

имевшая вполне определенный смысл. Таким образом, при изучении событий 1917 года внимание молодого поколения крымских татар, воспитывавшегося в советской стране, переносили с общенациональных органов (прежде всего Временного Крымско-мусульманского исполнительного комитета) на партию, создание которой преследовало весьма утилитарные цели – участие в выборах. К тому же Милли Фирка в то время существовала еще только в проекте. Когда осенью 1917 года встал вопрос о выборах во Всероссийское Учредительное собрание список кандидатов выдвинула не Милли Фирка, а сам Временный крымский-мусульманский исполнительный комитет.

Итак, руководители ВКМИК – Н.Челебиджихан, Дж.Сейдамет и их соратники, трижды в течении 1917 года, не раз получавшие вотум доверия своего народа, выставлялись в советской не как общенациональные лидеры, а как главари партии. При этом значение их деятельности всячески принижалась и преуменьшалось. По этому сегодня для лучшего понимания политических устремлений лидеров крымских татар и разрабатываемого ими проекта создания автономного Крыма в рамках обновленной федеративной России, необходимо обратить внимание на материалы крымскотатарской периодической печати того времени, прежде всего газеты «Голос Татар». Ценность этих материалов, передающих дух эпохи, имеет большое значение.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовались как достаточно давно вошедшие в научный оборот сборники материалов и монографии, так и относительно недавно ставшие доступными для знакомства и анализа источники, современные рассматриваемым в настоящей статье событиям, в частности газета «Голос татар», хранящаяся в фондах Российской национальной библиотеки, «Свободный союз» из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России, а также материалы Ин-

ститута татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (https://tatarica.org/ru/about_us_ru/o-proekte).

Результаты

Результатами исследования является определение социально-культурных, этических и морально-политических факторов, способствовавших трансформации концепции национально-культурной автономии в территориальную автономию Крыма в виде Крымской демократической республики в составе Российской федерации.

Значение I и II мусульманских съездов России для Крымскотатарского национального движения

Взрыв национального самосознания народов России привел к нескольким знаменательным последствиям.

С 1 по 11 мая 1917 г. в Москве прошел 1-й Всероссийский мусульманский съезд, в котором принимала участие и делегация от крымских мусульман. «После длительной дискуссии 446 головами против 271 была принята резолюция, в которой отмечалось, что интересам мусульман России наиболее отвечает форма государственного устройства в виде демократической республики на национально-федеративных территориальных началах; народы, не имеющие определенной территории, должны пользоваться национально-культурной автономией...

...По военному вопросу делегаты поддержали полковника И. Галиева и товарища председателя (заместителя) Казанского гарнизонного мусульманского комитета А. Монасыпова, которые предложили отменить воинскую повинность. До тех же пор, пока армия существует, она должна строиться по национальному признаку. Необходимо сформировать отдельно мусульманские воинские части; солдаты должны служить на той территории, где они проживают...

...съезд решил, что вся земля должна перейти в руки народа без выкупа (од-

нако бывшим владельцам земли необходимо оказать единовременную помощь по определению органов местного самоуправления). Все желающие обрабатывать землю собственным трудом должны обладать правом землепользования; купля-продажа земли должна быть запрещена и так далее (всего 12 пунктов). Окончательное решение земельного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания...

...Съезд постановил, что мусульманки в политических и гражданских правах должны быть уравнены с мужчинами...

...По вопросу об участии мусульман в выборах в Учредительное собрание было решено создать демократический блок мусульман, способный заключать соглашения с партиями и блоками, идеологически находящимися не правее трудовиков. При этом отмечалось, что лишь партия эсеров выступает за право нерусских народов устроить жизнь по своему усмотрению» [3].

С 21 июля по 2 августа 1917 г. в Казани собрался Второй Всероссийский мусульманский съезд. Делегация Крыма на нем отсутствовала, но именно 22 июля в официальном органе Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета «Голос татар» была опубликована Политическая платформа, вобравшая в себя положения многих его резолюций, что свидетельствует об общей идеологии и координации деятельности ВКМИК и организаторов съезда [3].

Разногласия на общероссийском и крымском уровне

На этом фоне в Крыму нарастали противоречия между губернским комиссаром и по совместительству лидером крымских кадетов Н. Богдановым и Временным крымским мусульманским исполнительным комитетом (ВКМИК). 22 июля (4 августа) 1917 года орган комитета газета «Голос Татар» опубликовала обращенный к Временному правительству призыв лидеров крымских татар к немедленному отстранению от власти в Крыму Н. Богданова «не считающегося ни с общественными организациями,

ни с волей народа и вызвавшего легкомысленными поступками своими волнения и возмущения среди общества» [6, с. 2].

Апеллируя к центральной власти руководство ВКМИК жаловалось, на то, что «во многих случаях Мусульманский Комитет игнорируется местной администрацией, и на этой почве возникают весьма нежелательные конфликты» [6, с. 2].

Очевидно, что крымский муфтий и по совместительству председатель ВКМИК Н.Челебиджихан, а также его сторонники надеялись, что новый председатель временного правительства Александр Керенский, занявший этот пост 7 (20) июля 1917 года, будет более расположен к мнению народов страны. А. Керенский принадлежал к партии социалистов-революционеров, в то время как его предшественник князь Г. Львов был членом кадетской партии.

Однако новый министр-председатель искал в то время прежде всего поддержки правых партий. 19 июля (1 августа) стремясь навести порядок в армии, а вместе с тем обеспечить участие партии кадетов в новом составе правительства, А. Керенский поддержал назначение на пост Верховного главнокомандующего российской армией генерала Лавра Корнилова.

Такой ход политических событий, казалось бы, благоприятствовал планам губернских властей арестовать Н.Челебиджихана. 23 июля (5 августа) 1917 года в 5 часов утра чинами севастопольской контрразведки муфтий был арестован в собственной квартире в Симферополе. Обвинённый в государственной измене он был немедленно отправлен в Севастополь [8, с. 2].

Эти действия властей вызвали активные протесты крымских татар. Под давлением общественного возмущения уже на следующий день Н.Челебиджихан был освобожден из-под ареста. «Контрразведочное бюро, не найдя очевидно в материалах, относящихся к этому делу, никаких указаний на виновность г. Челебиева, на другой же день, в 3 часа дня, сняло с него арест, принеся перед ним

извинения за причиненное беспокойство», – сообщал «Голос Татар» [8, с. 2].

Вернувшийся в Симферополь муфтий был торжественно встречен своими сторонниками. Вечером 24 июля (6 августа) в помещении Таврического магометанского духовного правления начал свою работу, экстренно созданный съезд делегатов всех крымскотатарских общественных организаций [8, с. 2]. Судя по всему, подготовка к созыву этого съезда началась еще до событий связанных с арестом Н.Челебиджихана. Изначально предполагалось, что он пройдет во второй половине августа [16, с. 3], но развитие событий вынудило лидеров ВКМИК пересмотреть свои планы.

Работа съезда завершилась на следующий день 25 июля (7 августа) принятием ряда резолюций. В них отмечалось, что Таврическое магометанское духовное правление составляет «неприкосновенный религиозно-национальный орган Крымских татар». Развивая свою мысль авторы документа указывали на следующие обстоятельства: «По постановлению Временного Крымско-мусульманского Исполнительного Комитета 7 апреля 1917 года, Духовное Правление, не состоя под ведомством Губернского Комиссара, подчиняется лишь центральной власти, в лице Министерства Внутренних Дел. Без ведома и распоряжения Правительствующего Сената и Министерства Внутренних Дел в помещении Духовного Правления не могут быть производимы обыски». В резолюции так же отмечалось, что без разрешения центральных властей муфтий не может быть допрошен и арестован губернскими властями, прокурором или контрразведкой [11, с. 3].

Было решено так же вновь обратиться к Временному правительству с просьбой о немедленном увольнении Н. Богданова. Затрагивалась в принятых документах так же и тема грядущих выборов в Учредительное собрание. Участники съезда допускали возможность при необходимости блокирования с партиями социал-демократов (в тот момент в Крыму многие социал-демократические организации еще не были разделены

на большевиков и меньшевиков и выступали как одна партия), социалистов-революционеров и украинской организацией.

Подводя итог событиям связанным с арестом муфтия крымскотатарская печать требовала решительной борьбы как с внешним врагом молодой российской демократии – германским кайзером Вильгельмом II, так и внутренним: «Татарская революционная демократия полагает, что в настоящую трагическую минуту, в эти грозные дни все верные сыны революционной России должны сплотиться в деле борьбы с безпощадным врагом русской свободы – Вильгельмом, но не упускать также из вида внутренних врагов – заядлых монархистов, которые из всех мер, принятых сильной властью, смакуют только смертную казнь и диктатуру» [12, с. 1].

Последние слова о смертной казни и диктатуре были явным выпадом в адрес кадетов и их союзника Верховного главнокомандующего Л. Корнилова. Политическая программа последнего в частности предусматривала введение смертной казни в тылу.

Попытка договориться с Временным правительством – Государственное совещание

Стремясь сплотить российское общество перед лицом угрозы захвата власти большевиками, в условиях продолжающейся тяжелой войны с Германией и ее союзниками, Временное правительство инициировало проведение в Москве 12–15 (25–28) августа 1917 года Государственного совещания. В этом политическом форуме, проходившем под председательством А. Керенского, приняли участие представители различных политических партий и общественных организаций.

Позицию демократических общественно-политических сил мусульманских народов России на Государственном совещании озвучил известный азербайджанский политический и государственный деятель Али-Мардан бей Топчибашев. В числе организаций, уполномочивших его для выступления он на-

звал и Крымский мусульманский исполнительный комитет. Это подтверждается и тем фактом, что «Голос Татар» опубликовал речь А.-М. Топчибашева на своих страницах [5, с. 2]. Отметим, что А.-М. Топчибашев имел давние и дружеские связи с крымскотатарскими интеллектуалами начала 20 века – И. Гаспринским, А.-С. Айвазовым и др.

Выступая с трибуны Государственного совещания А.-М. Топчибашев от имени мусульман заявил о полной поддержке Временного правительства в борьбе с анархией и проявлениями контрреволюции. Вместе с тем, касаясь вопроса идущей войны с кайзеровской Германией, представитель мусульман, высказался за решение вопроса путем заключения во имя блага родины почетного мира, без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов [4, с. 186]. Такая позиция шла вразрез с линией на продолжение войны до победного конца, которую исповедовали многие участники совещания в том числе министр-председатель Временного правительства А. Керенский, Верховный главнокомандующий Л. Корнилов, лидер кадетов П. Милюков, философ и известный деятель социалистического движения Г. Плеханов и др.

Затрагивая тему о будущем устройстве Российского государства и перспективах решения национального вопроса, А.-М. Топчибашев излагал следующую точку зрения: «Этот лозунг – самоопределение народов – мусульмане кладут в основание форм государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство. Теперь же во имя интересов революционного государства и лозунгов революционной России мусульмане выставляют необходимость осуществления национально-культурной автономии, провозглашенной на всероссийском мусульманском съезде» [4, с. 186–187]. Говоря о всероссийском съезде А.-М. Топчибашев имел ввиду I-ый Всероссийский мусульманский съезд, проходивший в мае 1917 года в Москве, в кото-

ром участвовала и делегация крымских татар во главе с Дж. Сейдаметом.

«Касаясь организации власти на местах и проведения принципа децентрализации местного самоуправления и управления, с предоставлением всем местностям самой широкой самостоятельности в местных делах, мусульмане позволяют себе призвать правительство к более активным действиям в деле фактического осуществления на местах этих начал... По национальному вопросу мусульмане находят и необходимым единение всех народностей и установление контакта между ними, причем они заявляют, что будут поддерживать все народности в осуществлении их национально-политических идеалов на началах демократических, подлежащих окончательному обсуждению Учредительного Собрания», – говорил А.-М. Топчибашев [4, с. 187]. При этом он призывал Временное правительство не переносить более сроков созыва Учредительного собрания.

Координация деятельности с немусульманскими организациями Съезд народов России

Дальнейшее развитие политических событий в России во многом было предопределено попыткой государственного переворота, предпринятой Л. Корниловым 27–30 августа (9–12 сентября) и ее бесславным крахом. Правые силы – монархисты и кадеты понимали, что потерпят поражение на выборах в Учредительное собрание и потому решили действовать силой оружия отказавшись от союза с А. Керенским и другими умеренными социалистами.

В дни переворота лидеры крымскотатарского национального движения поддержали Временное правительство выпустив проникнутое соответствующим духом обращение к соотечественникам [2, с. 1].

Сложившаяся обстановка привела к активизации национальных движений народов России. 8–14 (21–27) сентября 1917 года в Киеве прошел Съезд народов России, в котором приняла участие

и татарская делегация в количестве 10 человек, из них 9 крымских татар [14, с. 18].

В Президиум съезда был избран представитель крымских татар А. Сеттаров. Съезд избрал Совет народов (по 4 человек с 2 решающими голосами), при этом крымские татары вошли в него с заявлением, что укажут своих представителей позже. Вообще это очень характерная в сформировавшемся национальном движении крымских татар черта участников – не выходить за пределы полученного мандата и получать полномочия для совершения тех или иных действий от народа или, как минимум, от наделившего этим мандатом органа.

Имеет смысл проанализировать список участников татарской делегации:

- 1) Гамзаев Джагангир;
- 2) Джианшаев Беки Мухаммед от уездного Перекопского мусульманского комитета (соц.-рев.), председатель уездно-вакуфного комитета, 30 лет. Джанкой;
- 3) Исхакова Айше от Союза крымскотатарских учителей (мусульманская партия) народная учительница. Симферополь;
- 4) Идрисов Сулейман от Симферопольского мусульманского военного комитета (соц.- революц.) член Симферопольского Мусульманского военного комитета 40 лет;
- 5) Музафаров Юсуф от Всероссийского мусульманского военного шуро (мусульманские соц.- револ.) член Всероссийского шуро, Председатель. Киевского Комитета, начальник инородческих рабочих дружин, 29 лет. Казань.
- 6) Озенбашлы Ахмет от Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (татарская соц. партия). Редактор газеты «Терджиман». Студент, 24 года. Симферополь, крымско-мусульманский исполнительный комитет.
- 7) Сейдамет Джафер от крымско-мусульманского комитета (тат. соц. партия), председатель управления Вакуфом в Крыму, член Временного крымско-мусульманского комитета. Симферополь;

8) Сеттаров Али от Симферопольского уездного мусульманского комитета (мусульм. партия), студент, член исполнительного комитета, 22 года;

9) Челебиев Осман-Мурза от Евпаторийского Временно-мусульманского уездного комитета (беспартийный), народный учитель, 37 лет г. Евпатория;

10) Шабарова Элине ханым от Женского крымского областного комитета (мусульм. партия), товарищ председателя Симферопольского женского мусульманского комитета, 29 лет [15, с. 18].

Эволюция социальной базы и идеологии крымскотатарского национального движения

Делегация определяется как «от татар». Один ее член – Юсуф Музафаров был представителем казанских татар. Обращает на себя возраст членов делегации: от 22 до 40 лет, то есть это новое, молодое поколение крымскотатарского народа, активно включившееся в работу по разрешению проблем не только своего народа, но и всей России. Среди делегатов – 2 женщины (и они обе выступили на съезде). Партии: социалисты-революционеры, мусульманские социалисты-революционеры, мусульманская партия, татарская социалистическая партия (Милли фирка), беспартийный. Заметен уклон в сторону левых национальных политических сил. В то же время среди делегатов и гражданские: интеллигенция, учителя, студенты, журналисты, активистки женского движения, благотворительных и социальных (вакуфы) организаций, временных органов крымскотатарского самоуправления (мусульманские комитеты разного уровня), и всего лишь двое военных. Следует подчеркнуть, что Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет совершенно очевидно не пытался узурпировать полномочия на представительство крымскотатарского народа в его внешних отношениях и некое единоначалие среди крымских татар, что еще раз отражает глубокую демократичность складывавшегося крымскотатарского национального движения. Подводя итог этому анализу,

можно сказать, что к середине 1917 года в Крыму среди крымских татар выдвинулись на лидирующие позиции люди молодые, энергичные, не связанные с прежним царским режимом и сословными предрассудками. Это были люди преимущественно левых, национально-демократических убеждений, явно реформаторской направленности, не делающие ставку на насилие, готовые и способные сотрудничать с другими народами во имя общего движения к новой демократической федеративной России.

Пожалуй что, можно сформулировать основные мировоззренческие принципы крымскотатарского национального движения той поры: переход от религиозной идентичности к светско-национальной, демократизм, уравнивание женщин в правах с мужчинами, левизна, решение земельного вопроса путем наделения крестьян землей, национальное возрождение, сотрудничество с другим народами. Оно постепенно трансформируется из узко социально-культурного во все более откровенно политическое.

Съезд народов России 15 сентября 1917 года принял единогласно ряд резолюций. Здесь мы отметим те решения, которые более-менее тесно связаны с последующими событиями в Крыму. В резолюции «О федеративном строе Российской республики», в частности утверждается: «Так как в состав России входит множество народов, с более или менее ярко выраженным национальным самоозначением (так в тексте – авторы), с разнообразной национальной культурой, историческим прошлым, и в экономическом отношении оно образует своеобразные самодовлеющие экономические круги, то единственно приемлемой формой федерации является федерация, построенная на национальном принципе» [13, с. 9].

В резолюции «Об учредительном собрании» съезд решил, что «независимо от созыва Всероссийского Учредительного Собрания, должны быть созваны поместные Учредительные Собрания, созванные на демократических началах, устанавливающие нормы своих отношений к центральным, органам федерации и конкретные формы внутренней органи-

зации автономных институтов данного народа или области» [13, с. 12].

Неудача на Демократическом совещании

Съезд народов России попытался донести свою позицию до так называемого Всероссийского демократического совещания, созванного ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкомом Всероссийского Совета крестьянских депутатов 14 (27) сентября-22 сентября (5 октября) в Петрограде. Это была своего рода лево-демократическая оппозиция Временному правительству. Однако российская демократия, как и Временное правительство практически проигнорировало голос народов России [14, с. 5–8].

Большинство историков период с февраля по октябрь 1917 года оценивает политическую ситуацию в России как двоевластие. Крымскотатарское национальное движение, как и национальные движения других народов России пытались вступить в диалог с обеими властями: на региональном и всероссийском уровне: и с Временным правительством, и с советами, причем огромное большинство национальных движений стояло на позиции сохранения России как государства, но выступало за переустройство в федеративную республику. В принципе, любая из властей могла бы существенно усилить свои позиции в обществе, поддержав эту идею. Но, к сожалению, обе власти проигнорировали эти попытки, заняты борьбой между собой и стремясь управлять страной по лекалам исключительных полномочий центральной власти, что совершенно не соответствовало веяниям времени и принципам демократии. Это открывало дорогу дальнейшему нарастанию противостояния политических сил, стоявших вроде бы на общей платформе социальных и политических преобразований.

Объявление идеи Крымской демократической республики – Крымскотатарский делегатский съезд

1 (14) октября 1917 года в Симферополе собрался Крымскотатарский делегат-

ский съезд или съезд представителей всех крымскотатарских общественных организаций. В нем участвовало около 200 делегатов. Основными вопросами были отчет Временного крымско-мусульманского комитета о его деятельности с момента основания 25 марта 1917 года. Среди них главным был – объединение крымскотатарского народа, организация местных комитетов, и подготовка татар к учредительному собранию. Съезд провел два заседания и в числе прочего принял решения по двум важным вопросам.

1. Был выдвинут список кандидатов от ВКМИК на выборах Всероссийского Учредительного собрания. В него вошли пять человек: Джафер Сейдамет, Амет Озенбашлы, Сеит Джелиль Хаттатов. Асан Сабри Айвазов и Усеин Боданинский.

2. Было принято решение о созыве национального крымскотатарского парламента Курултая.

Надо отметить политическую щепетильность лидеров крымскотатарского национального движения. Хотя Временный крымско-мусульманский комитет в марте 1917 года был избран представительным съездом, в котором участвовало более 2000 делегатов, а широкая общественная поддержка давала членам ВКМИК активно проводить свой политический курс, но сам Н. Челебиджихан указывал на пределы компетенции возглавляемого им органа:

«Теперь, после того, как в течение шести месяцев комитету удавалось осуществлять культурно-национальные идеалы народа... в связи с новыми политическими обстоятельствами, встает вопрос о дальнейшей судьба Крыма, которую, по мнению комитета, должен разрешить Курултай (сейм), спешный созыв которого остро чувствуется комитетом.

Задачи Курултая определены: обсуждение вопроса о территориальной автономии для Крыма и, в случае его принятия, издание соответствующих основных законов. За вами остается признать или отвергнуть это решение комитета о созыве Курултая (сейма).

В случае подтверждения вами этого решения комитета, мы предложили бы приступить к выборам комиссии по созыву Курултая (сейма), которая определила бы место и способы созыва» [10, с. 2].

Автономия Крыма, по мнению Н. Челебиджихана, означала бы такую форму правления «при которой бы была гарантирована наша самостоятельность, как нации, конечно, за исключением вопросов внешней политики и военного. Коротче говоря, наши стремления в этом направлении сводятся к установлению в России демократической федеративной республики» [10, с. 2].

Основные факторы, способствовавшие трансформации идеи национально-культурной автономии в идею территориальной автономии в составе федеративной российской республики.

1. Громадный рост национального самосознания не только крымскотатарского, а практически всех народов России.
2. Нежелание Временного правительства активно проводить социально-экономические реформы в соответствии с потребностями времени.
3. Налаживание диалога и конструктивного взаимодействия между различными политическими силами России, стоящими на революционно-демократической платформе за исключением крайне правых и крайне левых.
4. Развитие системы новых социальных институтов крымскотатарского народа, представляющих и организующих национальную жизнь во всем ее многообразии и сложности.
5. Надежда на успешное сотрудничество с социально-политическими и национальными силами в Крыму на базе общего интереса к созданию Крымской демократической республики как формы реализации прав всех национальностей и жителей Крыма.

Заключение

Таким образом с марта по октябрь 1917 года крымскотатарское нацио-

нальное движение прошло значительный путь в своей идейной эволюции. Начав с деятельности по разрешению вакуфного вопроса, что укладывалось в идеологию реформирования мусульманских религиозных институтов, существовавших еще в при монархии (Таврическое магометанское духовное правление), оно к осени 1917 пришло уже к постановке вопроса о территориальной автономии Крыма.

Литература

1. Бочагов А.К. Милли Фирка: национальная контрреволюция в Крыму / А.К. Бочагов. – Симферополь: 1930. – 117 с.
2. Воззвание // Голос Татар. – 1917. – № 7. – С. 1.
3. Всероссийские съезды мусульман. Съезды, проводившиеся с 1905 по 1918 г. по вопросам решения национальных, социально-политических и религиозных проблем мусульманских народов России. – URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (дата обращения: 25.04.24).
4. Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет / Центархив. – М. – Л.: Гос.издательство, 1930. – 372 с.
5. Декларация представителей мусульман на Государственном Совещании в Москве 14–15 августа, прочитанная первым лицом Али-Мардан Беем Тобчибашевым // Голос Татар. – 1917. – № 8. – С. 2.
6. Докладная записка Временному правительству Врем. Крымско-мусульм. Исполн. Комитета // Голос Татар. – 1917. – № 1. – С. 2.
7. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. – Казань: 1992. – С. 74–117.
8. К аресту симферопольского муфтия // Голос Татар. – 1917. – № 2. – С. 2.
9. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. Часть первая. / А.Кричинский. – Баку, 1919. – 295 с.

10. Крымскотатарский делегатский съезд // Голос Татар. – 1917. – № 12. – С. 2–3.
11. Резолюции, принятые на делегатском съезде крымских татар 24 и 25 июля 1917 года // Голос Татар. – 1917. – № 2. – С. 3.
12. Симферополь, 29 июля 1917 г. // Голос Татар. – 1917. – № 2. – С. 1.
13. Резолюции Съезда народов // Свободный союз. – 1917. – № 1, октябрь 1917. – С. 8–13.
14. См. Делегация Съезда народов на Демократическом Совещании // Свободный союз. – 1917. – № 1, октябрь 1917. – С. 5–8.
15. Участники Съезда народов // Свободный союз. – 1917. – № 1, октябрь 1917. – С. 14–19.
16. Хроника // Голос Татар. – 1917. – № 1. – С. 3.

FORMATION OF THE PROJECT OF THE CRIMEAN DEMOCRATIC REPUBLIC 1917. POLITICAL, CULTURAL AND SOCIO-ETHICAL FACTORS

Abdulkhairov A.Z., Ablyazov E.K., Bekirov N.V., Veysova V.E., Umerova S.D.

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, newspapers "Voice of Crimea new"

The summer of 1917 in Russia was marked by attempts to resolve the socio-political crisis in a frankly violent way: and from two sides: the Bolshevik uprising of July 3–5 (16–18), 1917, and the monarchists: the Kornilov mutiny on August 28–29. In Crimea it resulted in the attempted arrest of the Crimean Mufti and chairman of the Provisional Crimean Muslim Committee on July 23 (August 5), 1917. During this period, the Provisional Crimean Muslim Committee actively interacted with the forums of Russian Muslims, the State Meeting, convened by the Provisional Government, the Congress of Peoples of Russia, the Democratic Meeting, convened by the Central Executive Committee of the Soviets. The purpose of the study is to analyze the development of the idea of creating the Crimean Democratic Republic – one of the territorial autonomies within the Russian Republic, bringing it to public discussion and preparation of the Constituent Assembly of the Crimean Tatars – Kurultai, as a stage to the convening of the All-

Crimean Constituent Assembly, representing all the nationalities of Crimea.

The research methodology is based on hermeneutics and comparative historical approach. The results of the study are the identification of factors that contributed to the transformation of the concept of national-cultural autonomy in the territorial autonomy of Crimea in the form of the Crimean Democratic Republic within the Russian Federation.

Keywords: Crimea, Crimean Democratic Republic, Crimean Tatars, Crimean Tatar people, Crimean Tatar national movement, Kurultai, national-cultural autonomy, Noman Celibidzhikhan.

References

1. Bochagov A.K. Milli Firka: national counter-revolution in Crimea / A.K. Bochagov. – Simferopol: 1930. – 117 p.
2. Appeal // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 7. – P. 1.
3. All-Russian Congresses of Muslims. Congresses held from 1905 to 1918 on issues of solving national, socio-political and religious problems of the Muslim peoples of Russia. – URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (date of access: 04/25/24).
4. State meeting August 12–15, 1917. Verbatim report / Central Archive. – M. – L.: State Publishing House, 1930. – 372 p.
5. Declaration of Muslim representatives at the State Conference in Moscow on August 14–15, read by the first thinker Ali-Mardan Bey Tobchibashev // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 8. – P. 2.
6. Memo to the Provisional Government Provisional. Crimean Muslim. Exec. Committee // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 1. – P. 2.
7. Elagin V. Nationalistic illusions of the Crimean Tatars in the revolutionary years // Not subject to oblivion. – Kazan: 1992. – pp. 74–117.
8. Towards the arrest of the Simferopol mufti // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 2. – P. 2.
9. Krichinsky A. Essays on Russian politics on the outskirts. Part one. / A. Krichinsky. – Baku, 1919. – 295 p.
10. Crimean Tatar delegate congress // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 12. – P. 2–3.
11. Resolutions adopted at the delegate congress of the Crimean Tatars on July 24 and 25, 1917 // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 2. – P. 3.

12. Simferopol, July 29, 1917 // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 2. – P. 1.
13. Resolutions of the Congress of Peoples // Free Union. – 1917. – No. 1, October 1917. – P. 8–13.
14. See Delegation of the Congress of Peoples at the Democratic Conference // Free Union. – 1917. – No. 1, October 1917. –S. 5–8.
15. Participants of the Congress of Peoples // Free Union. – 1917. – No. 1, October 1917. – P. 14–19.
16. Chronicle // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 1. – P. 3.

Досуговые практики онлайн пространства молодежи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье описываются процессы смещения сферы досуга из реального в виртуальный мир. На основе концепций феноменологии, этнометодологии и деятельностного подхода автором было проведено качественное исследование особенностей виртуального досуга молодежи. Выявлены новые формы, смыслы и форматы онлайн досуга, специфические досуговые практики и новые мировоззренческие ориентиры молодежи. На основе этого сделан вывод об изменении сознания повседневного досуга молодежи через онлайн взаимодействие.

Ключевые слова: досуг, досуговые практики, онлайн, молодежь, онлайн пространства.

После пандемии COVID-19 мир значительно изменился: виртуальное пространство более интенсивно и плотно вошло в нашу жизнь. Если до пандемии лишь единицы (чаще более молодое поколение) общалось, проводило досуг, училось и работало в онлайн, то после пандемии – виртуализация затронула все поколения. Пандемия показала, что в виртуальном пространстве можно не только проводить свободное время, но и зарабатывать деньги, получать новые знания и навыки, организовывать активный досуг.

Сфера обыденности из изучения повседневных рутинных практик перешла в сферу виртуальности, где возникают такие же ритуальные формы коммуникации, которые позволяют человеку «быть своим» в разных социальных сферах. Это на наш взгляд может служить поводом для развития классических этнометодологических и феноменологических концепций Г. Гарфинкеля, Э. Гуссерля, И. Гофмана, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана.

Повседневность перестала быть бытовым миром реальности. Она стала формой репрезентации виртуальности (О.А. Полюшкевич [18–23], В.А. Скуденков [24, 25]). Во многом это строится на иррациональных стратегиях восприятия себя, своего мира и жизненных перспектив (Р.Г. Ардашев [1–5], И.А. Журавлева [10, 11], П.А. Баев [6,7]). Особенности образования и социализации молодежи в виртуальном пространстве рассмотрены в работах Л.А. Гуринович [8], П.П. Любовева [9], Е.А. Кузнецовой [12–14], Н.В. Маслодудовой [15–17]. Но в любом случае – смещает вектор интересов с социальной реальности обычного мира на виртуальную реальность цифрового мира.

Повседневность виртуального мира аналогична повседневности реального мира. Мы вслед за П. Бурдьё говорим о том, что преобразование социальной действительности, как и рутинизированные практики обладают целена-

правленным конкретным потенциалом что в реальном, что в виртуальном мире. И в реальном, и в виртуальном мире – это форма социальной активности, которая может быть тождественна социальным действиям.

Досуговые практики – те же самые социальные действия, направленные на использование свободного времени – в нашем случае – в виртуальном пространстве. В виртуальном пространстве досуговая деятельность может быть достаточно разнообразной: игры онлайн и квесты, просмотр фильмов и сериалов, чаты и общение в социальных сетях, участие в виртуальных концертах, тренировки и фитнес программы онлайн, онлайн образование и курсы (от формального обучения до хобби), слушание аудиокниг и подкастов, виртуальные прогулки и экскурсии, онлайн шопинг, путешествия по виртуальным мирам, создание и публикация контента, онлайн выставки и музеи, онлайн бизнес, онлайн консультирование, коучинг и поддержка и т.д. Это все позволяет говорить о новой форме социального развития общества и как следствие изменения жизни человека в этом обществе.

Особенности исследования

В работе использована качественная методология исследования социальных практик в виде феноменологии и этнометодологического подхода, а также деятельностного подхода (в рамках его мы исходили из того, что люди могут сами организовать свое жизненное пространство как в реальном, так и в виртуальном мире). Данные методы позволили сформировать глубинное полустандартизированное интервью, которое помогло выявить ключевые характеристики виртуального досуга современной молодежи.

В исследовании приняло участие 26 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, занимающихся онлайн досугом (проводящим более 5 часов в сутки в виртуальном мире с целью досуга). Из них 13 девушек и 13 юношей (50 на 50%). Интервью проводилось с января по май 2024 года. При отборе респондентов использовался метод «снежного

кома». Опрос проводился в онлайн режиме через zoom мессенджер видео или аудио диалога (в зависимости от пожеланий респондента). Длительность интервью составила 1,5–2 часа.

Результаты исследования

Виртуализация жизни с одной стороны наполнила досуговые практики новым смыслом и содержанием – увеличив тем самым их качественное наполнение и динамизм проживания, с другой стороны уменьшилась активность из ряда реальных сфер взаимодействия. Это выстроило повседневность в новом ритме (постоянное нахождение онлайн и возможность моментального ответа на любой комментарий или знак со стороны других говорит о постоянном фокусе внимания на виртуальном образе себя, своего образа или ситуаций или процессов о которых транслируешь информацию).

Моя жизнь существенно изменилась с появлением виртуального общения. Я просто включилась в цифровые условия и формы жизни и поняла, что качественно все меняется только потому, что я могу быть такой, какой в жизни никогда не буду. Моя жизнь стала богаче и разнообразней, я стала более интересной и многогранной как личность и как женщина. (Т.А., художник-иллюстратор, 25 лет). Пандемия запустила новый ритм в моей жизни – я вынуждена была работать онлайн и после завершения пандемии – моя жизнь не вернулась в обычное русло, я увидела гораздо больше возможностей для себя в виртуальном мире, чем в реальном взаимодействии. (С.В., переводчик, 23 года).

Доминирующим вектором становится форма визуальной фиксации нормативного соответствия определенному образу, социальной группе или сообществу (выставление фото и видео записей с самим собой, которые фиксируют определенный стиль или образ жизни), где важно, чтобы окружающие это заметили (поставили лайк, сделали репост или прокомментировали образ).

У меня много времени занимает то, что и как я выкладываю в свою ленту в социальных сетях, я даже училась

на видеохудожника и курсы по визуальному оформлению ленты заканчивала – так как моя страница становится моим брендом. Мое имя, мой образ – это мой стиль и в конечном счете моя жизнь. Обо мне судят на основе того, какие образы себя и каких-то предметов, который вписываются в мою повседневность» я включаю в свою ленту. Это началось как увлечение, желание привлечь внимание, а сегодня известные бренды платят мне, чтобы я вставляла их в свои подборки. (М.А., бренд-менеджер, 31 год). Я не просто так слежу за мировыми трендами, формирую «насмотренность», я помогаю другим вести свои социальные страницы так чтобы продавать свои услуги не продавая, чтобы люди приковывали внимание через визуальные фото и видео образы. Это целое искусство – без слов суметь быть запоминающимся. И от личного хобби я перешла к профессиональной занятости в визуальном продвижении людей и компаний. (Н.Н., имиджмейкер социальных страниц, 33 года).

Вторым вектором выступает возможность монетизации того, что транслируешь, изображаешь, комментируешь у себя на странице в социальных сетях. Инфобизнес как форма социальной успешности (что приводит к новым смыслам и контекстам получения образования и профессии, а также последующей занятости не в реальных секторах экономики, а в цифровом мире).

Все началось с того, что я давала обзоры на то, что сама покупала, чем пользовалась, что мне нравилось, а что нет. Моя аудитория росла и это стали не только мои друзья, но и незнакомые люди, мои подписчики. После ко мне стали приходить компании и специально зазывать обзор того или иного продукта. Это же классно – делать то, что нравится и за это еще получать хорошие деньги. (М.М., инфо-предприниматель, 33 года). Виртуальное пространство предоставило возможность новой реализации и признания, что эквивалентно успеху. Деньги можно зарабатывать на любой услуге или товаре, известность можно получать через экспертность или скан-

дальность (это всегда личный выбор). Твое имя становится нарицательным, становится брендом. Главное найти то, что тебя интересует, что тебе действительно интересно делать. (Т.А., инфо-предприниматель, 27 лет).

Пандемия подтолкнула молодых людей больше времени уделять творчеству, собственным интересам. Они стали больше заниматься рисованием, музыкой, танцами (чаще с онлайн репетитором – индивидуально или в группе), некоторые стали больше уделять внимание различным технологическим процессам (из серии – сделай сам), третьи – формированием фото и видео-контента, четвертые – саморазвитием и терапией (через онлайн консультации или самостоятельно по книгам или видео записям ю-туб и т.д. Для одних это так и осталось хобби, для других – стало способом заявления о себе в мире, способом профессиональной и личной реализации).

Цифровизация жизни стала поводом для самораскрытия и самопонимания, но стало ли это формой повышения грамотности – скорее нет. Так как все участники исследования говорили о том, что они пользуются лишь ограниченным спектром возможностей виртуального пространства, они не могут назвать, себя профессионалом в своем деле или хобби. Большая часть молодежи становится самоучками в процессе освоения виртуального мира и своего места в нем. Это несколько занижает самооценку молодых людей в отношении того, кто они и что могут. С другой стороны – эти же вещи помогают отстоять свою уникальность, а в отдельных случаях и сформировать свой личный бренд.

Это еще одно веяние виртуального мира – формирование личного бренда пользователя. Личный бренд – это возможность показать свою уникальность, ориентир на личный пример, фиксацию собственной значимости и реализацию возможностей, которые повышают репутационный стиль конкретного человека.

Я тот человек, на которого равняются сверстники. Мне 25 лет. Но я уже реализовала мечту миллионов – стала известной, востребованной. Была ин-

фоблогером, стала медийной личностью – сейчас записываю свой альбом, и пробуюсь на роли в кино. Виртуальный досуг стал для меня ключом в мир искусства и творчества. Я – бренд своего времени. И знаю, многие хотят быть такой как я. И это нормально – стремиться к лучшему, копировать лучших... (М.А., инфоблогер, модель, певица, актриса, 25 лет). Тот, кто смог стать брендом, сейчас на вершине социальной лестницы не только в виртуальном, но и реальном мире. Личность – как предмет продвижения в социальных сетях – это тренд успеха и реализации. И я знаю сотни молодых людей, кто хочет также. И это нормально – так как современные имена-бренды, личности-бренды – это герои нашего времени. Именно они определяют то, во что мы будем верить, что будем делать, что ценить, а что обесценивать. (М.В., социолог, инфо-предприниматель, 23 года).

Ключевыми достоинствами виртуального пространства выступает саморазвитие (занятие хобби (изучение иностранных языков, обучение игре на музыкальных инструментах, пении, рисовании, приготовлении еды (на основе онлайн трансляций) и проч.), виртуальные прогулки по музеям и галереям, освоение новых компьютерных программ и проч.) и отдыха (просмотр фильмов и видео, компьютерные игры, онлайн-общение и т.д.).

Помимо формальной фиксации досуговыми практиками, респонденты указывали на жизненные приоритеты, которые стали очевидными благодаря виртуальному досугу. Необходимость жизни в более благоприятных и комфортных условиях (жизнь за городом или в другой стране, доставка еды из ресторанов или продуктов из магазина и не тратить время на походы в ресторан и магазин и посвящать это время виртуальному общению).

После виртуального общения я стала понимать, что по-настоящему важно для жизни – что стоит мое время, потраченное на работу в офисе на кого-то и мое время, потраченное на себя. (Н.Ю., фрилансер-дизайнер, 30 лет). Я не трачу

время на магазины – все могут решать онлайн покупки с доставкой на дом. С друзьями удобнее общаться в зоот, а также учиться и работать там же. (С.Н., психолог-самозанятый, 26 лет).

Виртуальный досуг помогает избежать одиночества, создавая тесные социальные коммуникации, часто с людьми, с которыми в реальной жизни незнаком. Это своего рода социальная и психологическая защита, которая срабатывает как заместитель реальных связей и отношений с людьми.

В моем общении онлайн только процентов двадцать тех, с кем я пересекаюсь в реальной жизни – большая часть, около восьмидесяти процентов это люди, которых я никогда не видел лично. Но они мне дают в десятки раз больше, чем реальные знакомые и друзья. Без них моя жизнь была бы пуста. (В.А., аналитик, 29 лет). Я в жизни общаюсь с очень ограниченным кругом людей – родственники, иногда соседи. Моя жизнь, общение происходит удаленно, в виртуальной среде – где я имею совсем другой образ, ник, манеру поведения, ценностей. Я там такой, каким не смогу быть в реальной жизни. Но меня именно таким ценят и знают те, кто со мной на связи 24/7. (Н.А., переводчик, 30 лет).

Таким образом, виртуальное досуговое пространство уже перешло из формата развлечения на уровень конструирования новой жизненной практики. Оно определяет формат и стиль жизнь не только молодежи, но и других поколений. Молодежь более остро и ярко воспринимает все то, что может предложить виртуальный досуг и последующая реализация в жизни. Это, безусловно, новый прорыв в осмыслении социальной реальности и понимании виртуальности социальной реальности.

Выводы

Виртуальная социализация определяет особое повседневное пространство молодежи, где виртуальный досуг занимает основное место. Современные молодые люди больше времени тратят на саморазвитие и самореализацию через виртуальное взаимодействие. Бла-

годаря онлайн-технологиям у молодежи изменился взгляд не только на работу и обучение, но и на культуру (виртуальные посещения музеев), спорт (онлайн-занятия спортом), здоровье (онлайн-медицина или онлайн-консультации с врачом) и т.д.

Более того, виртуальный досуг становится местом личной, профессиональной и социальной реализации молодых людей, где они находят признание, славу и возможность заработка тех денег, которые позволяют им реализовать свои мечты. Изучение виртуального досуга молодежи позволит понять тренды развития будущего нашего общества, так как без социальных механизмов одобрения и табу виртуальность может разрушить веками устоявшиеся нормы социального существования. Виртуальный досуг может стать как точкой колоссального прогресса, так и точкой начала конца – разрушения привычного мира навсегда.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 141–144.
5. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 125–128.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2024. – С. 129–132.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 512–515.
8. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 23–26.
9. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией

- О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 360–363.
10. Журавлева И.А. Идентичность региональной молодежи в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 20–25.
 11. Журавлева И.А. Образование, здоровье и социализация молодежи в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 79–82.
 12. Кузнецова Е.А. Виртуальный досуг как условие социализации молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 109–116
 13. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
 14. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
 15. Маслодудова Н.В. Интернет-зависимость молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 117–124
 16. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
 17. Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде // Социология. 2023. № 1. С. 71–78.
 18. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
 19. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 10–25.
 20. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 21. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
 22. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 23. Полюшкевич О.А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве. материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь, 2020. – С. 122–126.
 24. Скуденков В.А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 181–183.
 25. Скуденков В.А. Роль социальных сетей в удовлетворении желаний молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 176–179.

LEISURE PRACTICES OF ONLINE SPACE OF YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article describes the processes of shifting the sphere of leisure from the real to the virtual world. On the basis of the concepts of phenomenology, ethnomethodology and activity approach the author conducted a qualitative study of the peculiarities of virtual leisure of young people. New forms, meanings and formats of online leisure, specific leisure practices and new worldview orientations of young people were revealed. On the basis of it the conclusion is made about the change of consciousness of everyday leisure of youth through online interaction.

Keywords: leisure, leisure practices, online, youth, online spaces.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol Scientific Center RAS, 2021. pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 152–156.
4. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 141–144.
5. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 125–128.
6. Baev P.A. What are Russian youth proud of and ashamed of? // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2024. – P. 129–132.
7. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 512–515.
8. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space of young people // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – pp. 23–26.
9. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for education and social education of working youth in the conditions of virtual space // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 360–363.
10. Zhuravleva I.A. Identity of regional youth in a multipolar world // Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after. D. Banzarova. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 20–25.
11. Zhuravleva I.A. Education, health and socialization of youth in a pandemic // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 79–82.
12. Kuznetsova E.A. Virtual leisure as a condition for the socialization of youth // Sociology. 2024. No. 4. pp. 109–116
13. Kuznetsova E.A. Internet as a factor in the socialization of youth // Sociology. 2023. No. 6. pp. 19–26.
14. Kuznetsova E.A. Digital socialization of youth // Sociology. 2023. No. 3. pp. 59–66.
15. Maslodudova N.V. Internet addiction of youth // Sociology. 2024. No. 4. pp. 117–124
16. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // Sociology. 2023. No. 6. P. 27–34.
17. Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender characteristics of communications in a virtual en-

- vironment // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 71–78.
18. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. pp. 303–307.
 19. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2020. – P. 10–25.
 20. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // *Sociology*. 2020. No. 5. pp. 163–176.
 21. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // Man in the information society. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. pp. 161–164.
 22. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. pp. 127–131.
 23. Polyushkevich O.A. Representation of youth: private and public in social networks // Dialogues about culture and art. materials of the X All-Russian scientific and practical conference (with international participation). – Perm, 2020. – pp. 122–126.
 24. Skudencov V.A. The influence of virtuality on the economic claims of Russian citizens // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 181–183.
 25. Skudencov V.A. The role of social networks in satisfying the desires of young people // Social reality of virtual space. materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. – Irkutsk: ISU, 2019. – P. 176–179.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kravchenko A.I. Social topos “debts” 5

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ardashev R.G. The ordinariness of violence in educational institutions 22

Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor orientations of youth: virtual conditions 31

Wang Yuanxing. The evolution of adaptation strategy of elderly care models in rural areas against the backdrop of rapid urbanization in China 39

Gridina V.V. Identification of public opinion on the development of genetic engineering technologies: using the example of the population of Samara 52

Kuznetsova E.A. Value-reflexive perception of virtual socialization of young people 58

Sjng Xiuyan. Dependence between demographic processes and socio-economic phenomena 66

Trinadtsatko A.A. Digital literacy, digital discrimination and digital adaptation of people with disabilities with severe visual impairment 74

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Pogrebnoy D.N., Bychkov P.I., Dorofeev D.V. The influence of individual characteristics of management subjects on the institutional conditions of the social management system... 85

Lebedev G.I. Development of tools for assessing personnel in executive authorities.... 91

Markov A.A. Interrelation of the concept “Culture-civilisation” in the aspect of the phenomenon of social crisis in O. Spengler’s work “The Decline of Europe” 97

Smirnov A.P. Conceptual foundations for the development of the social sphere in the management structure of the Federal Service of National Guard Troops (Rosgvardia)..... 104

Astashev R.V., Shvanderova A.R. Priority and interrelated areas of management organization in public authorities (based on the results of a sociological survey of the Rostov Regional Court)..... 110

SOCIOLOGY OF CULTURE

Aboimova I.S., Lutoshkina V.N., Kriventseva S.M., Troitskaya E.M., Demidova T.E. The role and significance of social interaction for the harmonious development of the individual 117

Danielyan M.G. Mentality and bilingualism 125

Zaitseva I.A. Digital literacy of the elderly population and the state policy of active longevity: a social aspect..... 132

Zuev D.A., Shayakhmetov A.R., Malikov M.M., Zarafutdinov R.D., Bariev E.V. Reflection of the results of S. Moskvich’s experiment on the influence of minorities in cinema 141

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Samokhvalov A.I. The influence of the philosophy of religious existentialism of Miguel de Unamuno on the political worldview of Spain in 1920s-1940s..... 147

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Romanovskii G.A. Transformation of methods of cultural transmission in the context of the use of artificial intelligence technologies: socio-philosophical analysis..... 157

Sidorov A.I. Metaphysical movements and their role in the transformation of cultural interpretations of the dualism of light and darkness: ontological and epistemological aspects 162

Stychinsky M.S. Social and philosophical analysis of the influence of cultural factors on patriotic sentiments in Russian society in 2000–2023 167

SOCIAL PHILOSOPHY

Bakin S.A. The structure of scientific rationality in historical and philosophical reconstruction..... 172

Pechatkin A.S., Lityaikina O.G., Nikishova N.V. Possibilities of using a model for assessing social trust of the socio-political system of the People's Republic of China in the development of the environmental component of the educational process..... 180

Nanda M., Mikhailova M.V. Justice in social relations from the perspective of religious ideas of Buddhism 189

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abdulkhairov A.Z., Ablyazov E.K., Bekirov N.V., Veysova V.E., Umerova S.D. Formation of the project of the Crimean Democratic Republic 1917. Political, cultural and socio-ethical factors..... 196

Maslodudova N.V. Leisure practices of online space of youth..... 207

